

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

АРХЕОЛОГИЯ ВЛАДИМИРО- СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СЕМИНАРА

Выпуск 8



Москва 2018

УДК 902/903

ББК 63.4

A87

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия:

Н. А. Макаров (ответственный редактор)

С. В. Шполянский (составитель), *М. Е. Родина*, *И. Е. Зайцева*

Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 8 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. – М.: ИА РАН; 2017. – 240 с.

Очередной выпуск сборника составлен на основе материалов 8-го научно-практического семинара «Археология Владимиро-Суздальской земли», прошедшего 31 октября – 1 ноября 2017 г. в г. Владимире.

В публикациях представлены результаты новейших археологических работ в историческом центре Северо-Восточной Руси, а также материалы исследований ряда средневековых памятников Верхнего Поволжья и новгородских земель. Освещаются исследования территорий исторических городов, архитектурных памятников, средневековых сельских поселений и погребальных древностей, ряд общих вопросов изучения материальной и духовной культуры населения исторического ядра Владимиро-Суздальской земли.

Archaeology of Vladimir-Suzdal land. The next issue of the edition is based on the materials on the materials of the 8th scientific-practical seminar «Archaeology of Vladimir-Suzdal land», which was held on the 31st October – 1 November, 2017 in the city of Vladimir.

The results of the latest archaeological works in the historical center of North-Eastern Russia, as well as the research materials of a number of medieval sites of of Upper Volga area and Novgorod lands are presented in the publications.

The research of territories of historical cities, architectural monuments, medieval rural settlements and funerary antiquities, a number of the general questions studying of material and spiritual culture of the population of a historical core of Vladimir-Suzdal land covered in the materials of the seminar.

ISBN 978-5-94375-265-0

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-265-0

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2018

© Государственный историко-архитектурный
и художественный Владимиро-Суздальский
музей-заповедник, 2018

© Авторы статей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В. Большие поселения X–XI вв. и структуры расселения XII–XIII вв. в Суздальском Ополе: проблемы преемственности	7
Леонтьев А. Е. Новые данные о городище Выжегша (результаты работ 2017 г.)	26
Еремеев И. И. Новые археологические данные о динамике увлажнения Северо-Запада России во II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (по материалам поселений Ильмень-Волховского региона)	39
Барышников В. Ю., Барышникова А. Д. Селище XII–XIII вв. Зернилово I и курганный могильник в лесу Быслав в Тейковском районе Ивановской области	59
Давыдов М. И. Владельческая история местности вокруг Суздальского Покровского девичьего монастыря в последней трети XIV – первой трети XVII в. (по материалам письменных источников)	71

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

Милованов С. И. Боголюбовское городище по итогам археологических исследований второй половины XX – начала XXI в.	78
Нефедов В. С., Орлов В. Н., Самойлович Н. Г. Типографский раскоп 2016 г. Новые данные к исторической топографии Ростова Великого	90
Грибов Н. Н. Большое неукрепленное поселение в посурских владениях Бориса Константиновича Суздальского	99
Томсинский С. В. Комплексы X–XI вв. на северной оконечности мысовой площадки Угличского кремля по материалам раскопок 2001–2002 гг.	112

Турова Е. А. Александровская слобода. Каменные палаты начала XVI века на Царицыном дворе (по результатам раскопок Древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2008–2015 гг.)	124
Черняева Л. Л. Археологические исследования к западу от Театрального вала	141
Панченко Г. В. Результаты исследования Варваринского и вновь открытого Никольского кладбищ в Заречье (город Плёс) в 2008 и 2011 гг.	147

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Вахтанов С. Н. Суздальский Рождественский собор в конце XV – начале XVI века: к вопросу о реконструкции архитектурного облика и белокаменного декора	160
Очеретина С. В., Кабаев Д. А., Володина Т. Е. Детали древнерусской одежды из могильника на территории Патриаршего сада г. Владимира (по материалам раскопок 2016–2017 гг.)	175
Щербakov В. Л. «Печать Святослава» из Унжи: археологический контекст	184
Несмиян О. А., Несмиян В. Г. Изделия из кости из вещевого коллекция Ключковского селища	193
Несмиян О. А., Несмиян В. Г. Керамический комплекс Ключковского селища II в Ивановской области	199
Тимофеева Т. П. Шлем и стрелы с гробницы князя Изяслава Андреевича из владимирского Успенского собора XII в.	207
Тимофеева Т. П. Белый камень Владимирского лапидария в дневниках Н. Н. Воронина	217
Данилов О. В., Абрамов Д. В. Результаты раскопок на памятнике «Поселение Бабаево I»	230
Список сокращений	239

CONTENTS

RURAL SETTLEMENTS AND CULTURAL LANDSCAPES

- Makarov N. A., Fedorina A. N., Shpolyanskiy S. V.** Large settlements of the X–XI centuries and structures of resettlement of the XII–XIII centuries in Suzdal Opolie: problems of continuity 7
- Leontiev A. E.** New data on the settlement of Vyzhegsha (results of works, 2017) . 26
- Eremeev I. I.** New archaeological data on the dynamics of moisture in the North-West of Russia in the II Millennium B.C. – I Millennium A.D. (based on the data from the settlements of Ilmen-Volkhov region) 39
- Baryshnikov V. Yu., Baryshnikova A. D.** Settlement of the XII–XIII centuries Zernilovo I and a burial ground in Beslav’ wood in Teykovo district of Ivanovo region 59
- Davydov M. I.** Evolution of Land Tenure Around the Intercession of Theotokos Convent in Suzdal From the Last Third of the 14th Century to the First Third of the 17th Century (on Evidence From Written Sources) 71

ARCHEOLOGY AND HISTORICAL TOPOGRAPHY OF MEDIEVAL CITIES

- Milovanov S. I.** The Bogolyubov fortified settlement according to results of archaeological researches of the second half of XX – the beginning of the 21st century 78
- Nefedov V. S., Orlov V. N., Samoylovich N. G.** Typographskiy excavation of 2016. New data to the historical topography of Rostov the Great 90

Gribov N. N. Great settlement with no traces of fortifications in Sura realm of susdal Prince reaches Boris Konstantinovich	99
Tomsinskiy S. V. Complexes of the X–XI centuries on the Northern tip of the promontory of the Uglich Kremlin based on the excavations of 2001–2002	112
Turova E. A. Alexandrovskaya Sloboda. Stone chambers of the beginning of the XVI century at the Tsaritsyn yard (according to the results of excavations of Old Russian archaeological expedition of the State Hermitage in 2008–2015)..	124
Chernyaeva L. L. Archaeological researches to the west from the Theatrical rampart	141
Panchenko G. V. The results of the research of Varvarinskoye and newly opened Nikolskiy cemeteries in Zarechie (the town of Plyos) in 2008 and 2011	147

MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE

Vakhtanov S. N. Susdal Nativity cathedral at the end of 15th – beginning of 16th century: to the question of reconstruction of the architectural appearance and white stone decoration	160
Ocheretina S. V., Kabaev D. A., Volodina I. E. Details of old Russian clothes from the burial ground on the territory of the Patriarch’s garden of Vladimir (based on materials of the excavations of 2016–2017)	175
Scherbakov V. L. “Svyatoslav’s seal” from Unzha: archaeological context	184
Nesmiyan O. A., Nesmiyan V. G. Bone products from the clothing collection of the Klochkovskiy settlement	193
Nesmiyan O. A., Nesmiyan V. G. Ceramic complex of Klochkovsky settlement II in the Ivanovo region	199
Timofeeva T. P. Helmet and arrows from the tomb of the Prince Izyaslav Andreevich from the Vladimir Assumption Cathedral of the XII century	207
Timofeeva T. P. White stone Vladimir lapidary in N. N. Voronin’s diaries	217
Danilov O. V., Abramov D. V. Results of the excavations on the site Babaevo I	230
List of abbreviations	239

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

Н. А. Макаров, А. Н. Федорина, С. В. Шполянский

БОЛЬШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ X–XI вв. И СТРУКТУРЫ РАССЕЛЕНИЯ XII–XIII вв. В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Резюме. В настоящей работе рассматривается вопрос о соотношении в Суздальском Ополе больших поселений X–XI вв. и поселенческих структур позднейшего времени – XII–XIV вв. Используя новые материалы полевых исследований, правомерно поставить вопрос о том, какое влияние оказали большие поселения на развитие системы расселения в последующий период. Можно заключить, что большинство больших поселений, которые составляли ядро Суздальской земли в X–XI вв., прекратили свое существование, не дожив до Нового времени. Прослеживаются два периода «кризисных трансформаций», прекращения жизни или упадка и сокращения площадей первоначальных поселений, перемещения поселений или части поселенческой структуры на новые участки. Один из них приходится на рубеж XI–XII – начало XII в., а другой – на середину XIII в. Ни в первый, ни во второй период запустение больших поселений или их наследников не сопровождалось запустением тяготеющих к ним микрорегионов. Трансформации следует рассматривать скорее как перенос «центральных» поселений на новое место (на расстояние 0,5–2 км), как реорганизацию расселения в рамках соответствующих микрорегионов.

Ключевые слова: Суздальское Ополе, древнерусская система расселения, большие поселения, села, трансформация, преемственность.

В 2014 г. авторы настоящей работы предложили выделить среди средневековых памятников Северо-Восточной Руси особый тип – «большие поселения» IX–XI вв. Необходимость выделения этого типа поселений обусловлена тем, что данные памятники – неукрепленные поселения больших размеров (площадь более 4 га) со следами производственной деятельности, находками предметов, связанных с дальней торговлей, и престижных вещей, а также многокомпонентным характером культуры, включающей элементы, принадлежащие различным этническим традициям, – не могут рассматриваться ни как протогородские или раннегородские структуры, ни как обычные сельские поселения, центры сельских округов. Большие поселения – яркий феномен, характеризующий историческую

ситуацию X–XI вв. в Волго-Окском регионе. Накопленные к 2014 г. материалы позволили отнести к этому типу 8 достаточно полно документированных поселенческих комплексов (Шекшово 2 – Большое Давыдовское 2, Кибол 3 – Кибол 5, Весь 1–3–5, Васильково 1, Тарбаево 5–6–7, Гнездилово 2, Суворотское 8, Сунгирь) (см.: табл. 1, рис. 1), на которых были собраны большие вещевые коллекции (от 160 до 3250 предметов), определяющие их хронологические рамки, характеризующие культуру, потребление и хозяйственную деятельность, и поставить вопрос о принадлежности к этой группе еще нескольких поселений (Турабьево 1–2, Шелебово 2–4, Ратницкое 4, Суворотское 3, 9, Овчухи 3–5, Кубаево 2–3, Кинобол 2). Все эти памятники сконцентрированы на небольшой (по общим географическим меркам Северо-Восточной Руси) территории Суздальского Ополя. В то же время было высказано предположение, что феномен больших поселений имел более широкое географическое распространение, включая, в частности, Ярославское Поволжье и район Плесеева озера.

За четыре прошедших года нам удалось несколько продвинуться вперед в сборе и изучении материалов, характеризующих большие поселения Суздальского Ополя и общую картину расселения IX–XI вв. в центральных районах Северо-Восточной Руси. Новые полевые работы – сборы подъемного материала и шурфовка – позволили уточнить хронологию памятников, изначально отнесенных к этой группе, и проверить предположения о принадлежности к ней нескольких поселений, харак-

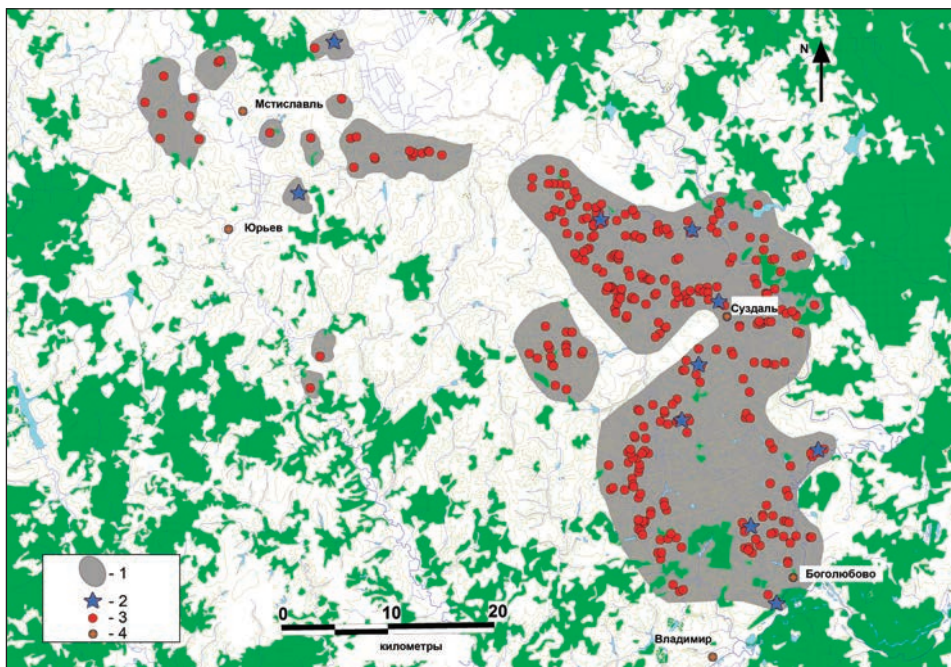


Рис. 1. Расселение в Суздальском Ополе в X–XV вв., по данным археологии. 1 – зоны сплошного обследования; 2 – большие поселения X–XI вв.; 3 – средневековые поселения X–XV вв.; 4 – города

Большие поселения X–XI вв. и структуры расселения XII–XIII вв. в Суздальском Ополье: проблемы преемственности

тер которых оставался неясным. Подробное обследование территорий, окружающих большие поселения, дало возможность яснее представить их место в локальных структурах расселения и соотношение с поселениями более позднего периода. Обследование двух поселенческих комплексов X–XII вв. на Плещеевом озере подтвердило предположение о принадлежности их к большим поселениям и, соответственно, о присутствии памятников этого типа за пределами Ополья. Существенное пополнение вещевых коллекций открыло перспективу более полной характеристики больших поселений как памятников с многокомпонентной культурой и «престижным потреблением». С учетом материалов, собранных в 2014–2017 гг., обоснована принадлежность к типу больших поселений 10 поселенческих комплексов в Суздальском Ополье и двух на Плещеевом озере (см.: табл. 1, рис. 1, рис. 2).

Большие поселения – феномен IX–XI вв. (главным образом – X–XI вв.), мы рассматриваем их в тесной связи с особым экономическим укладом (*weight economy*) и особой культурой, хорошо известной по раскопкам раннегородских поселений, получившей развитие в X–XI вв. и трансформировавшейся в первой четверти

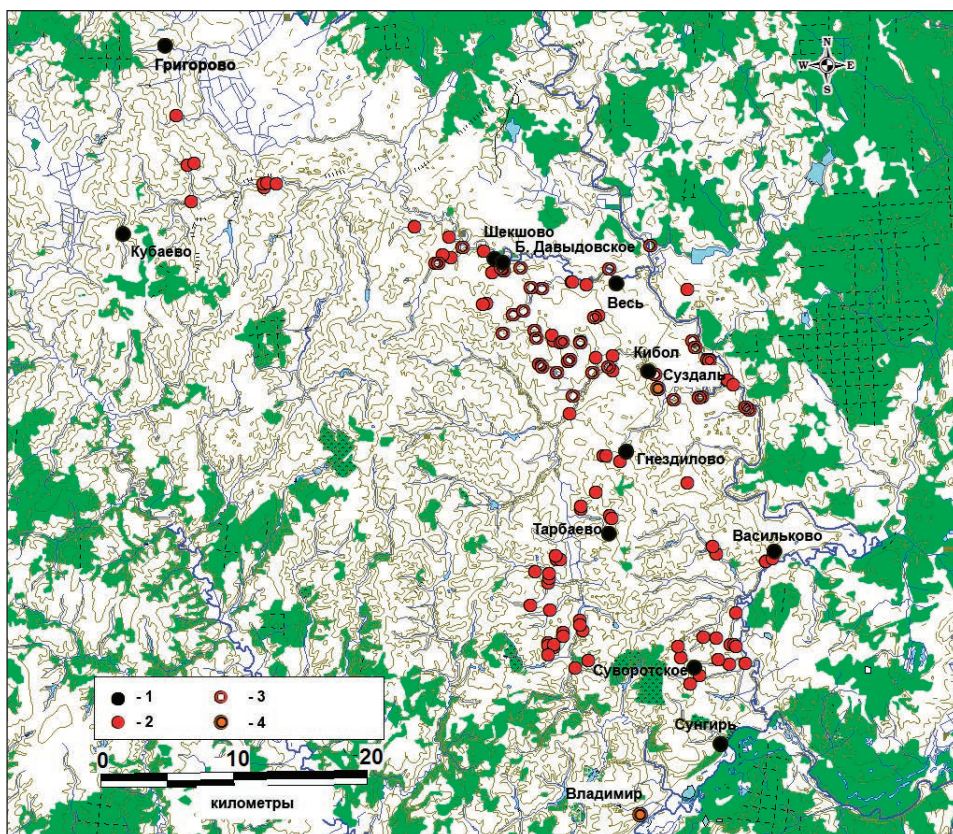


Рис. 2. Расселение в Ополье в X–XI вв. 1 – большие поселения; 2 – поселения X–XI вв.; 3 – поселения с отдельными находками X–XI вв.; 4 – города

XII в. Как особый тип поселений, носители специфических форм экономики и культурных традиций, большие поселения перестали существовать в начале XII в., но реальное существование многих поселений продолжалось много долее. В настоящей работе рассматривается вопрос о соотношении больших поселений X–XI вв. и поселенческих структур позднейшего времени – XII–XIV вв. Используя новые материалы, правомерно поставить вопрос о том, какое влияние оказали большие поселения на развитие системы расселения в последующий период.

При постановке этого вопроса стоит напомнить, что в системе расселения, сложившейся и развивавшейся в Суздальском Ополье с домонгольского времени и вплоть до XX в., доминировали поселения больших размеров, для именованя которых в актах и писцовых книгах с XIV в. использовался термин «село». Сеть поселений Суздальского Ополя, реконструированная по материалам писцовых описаний 1620-х гг., – это сеть крупных сел, насчитывавших по 30–50 дворов, тогда как деревни крайне немногочисленны. Высокая доля поселений с площадью более 4,5 га (22 %) отмечена среди памятников X–XV вв., обследованных Суздальской экспедицией ИА РАН, в действительности она значительно выше, так как многие «селища», зафиксированные как отдельные поселения, представляют собой части более крупных комплексов.

Из 10 больших поселений, известных сегодня в Суздальском Ополье, одно было практически полностью заброшено в начале XII в. (Гнездилово 2), на шести жизнь продолжалась до середины XIII в., в большинстве случаев при существенном сокращении площадей (Тарбаево, Суворотское 8, Шекшово 2 – Большое Давыдовское 2, Васильково, Григореево 1, Кубаево 7), три поселения продолжали свое существование до Нового времени или продолжают его и в настоящее время, в ряде случаев с сокращением площадей и запустением части территории.

Гнездилово 2 – одно из наиболее известных и наиболее полно исследованных больших поселений и одно из немногих суздальских селищ, исследованных широкими раскопками. Вещевая коллекция насчитывает почти 400 предметов, собранных при раскопках, и более 400 – собранных на поверхности селища (рис. 3).

Поселение находилось в 6 км от Суздаля, в верховьях оврага, из которого берет истоки Мжара, его площадь – более 12 га.

В радиусе 4 км от большого поселения выявлено 9 селищ и местонахождений с керамикой и вещевыми находками X–XIV вв. Находки лепной керамики и вещевых материалов X–XI вв. зафиксированы лишь на двух из них (Гнездилово 7, Гнездилово 8), эти материалы немногочисленны и несопоставимы по своему количеству с огромной коллекцией, собранной на большом поселении. Очевидно, что в X–XI вв. локальный очаг расселения представлял структуру, в которой большое поселение доминировало, а освоение региона не сопровождалось устройством полноценных дочерних поселений.

В вещевой коллекции из Гнездилова 2 представлен широкий набор хроноиндикаторов X–XI вв. (от ножей с узким клиновидным лезвием до византийских, куфических и западноевропейских монет; рис. 4). На селище в заметном количестве присутствует керамика типа VIII, которая датируется XII – серединой XIII в. (возможно, появление ее относится к концу XI в.) и не может быть хронологически дифференцирована. Большая часть этой керамики собрана в юго-восточной части

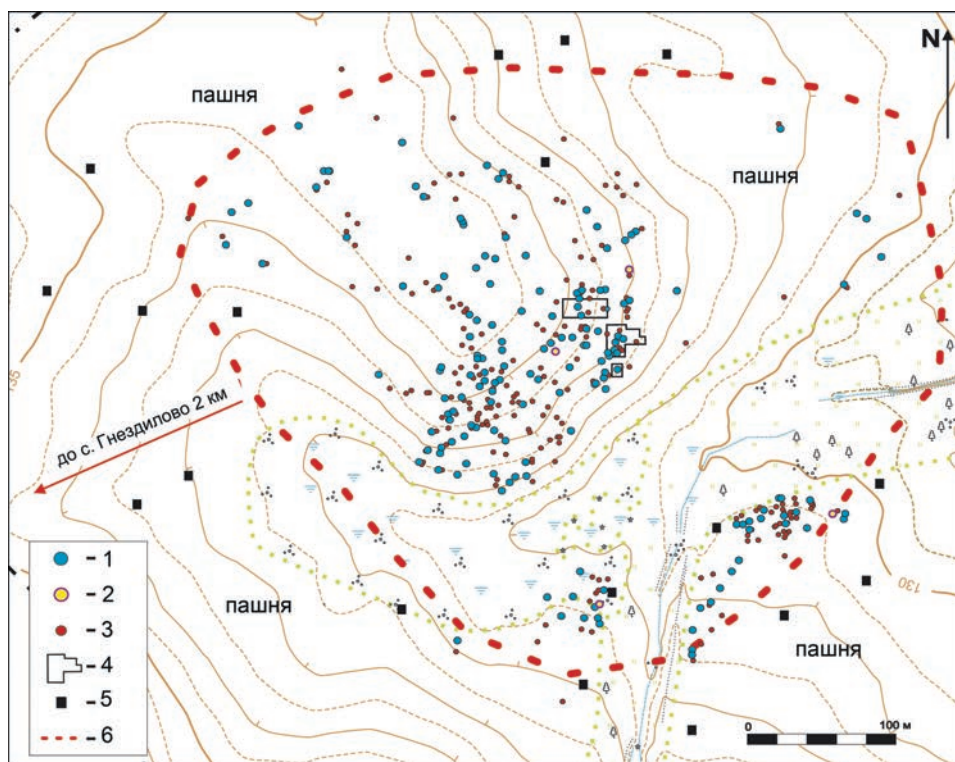


Рис. 3. Селище Гнездилово 2. Распространение находок двух хронологических групп. 1 – предметы, датированные X–XI вв.; 2 – предметы, датированные XII–XIII вв.; 3 – предметы без точной хронологической атрибуции; 4 – раскопы В. А. Лапшина; 5 – шурфы 2016 г.; 6 – граница памятника

селища, отделенной от основной части ручьем. Однако в огромной вещевой коллекции выделено лишь 4 предмета, которые правомерно рассматривать как хроноиндикаторы середины XII – первой половины XIII в. (два бубенчика, крест-тельник (рис. 4: 31), нож с широким плоским лезвием (рис. 4: 36)). Из 11 радиоуглеродных дат, полученных по объектам, исследованным раскопками В. А. Лапшина, 7 укладываются в рамки конца IX – середины XI в., интервал трех дат – X – третья четверть XII в. (900–1170 AD) (Горюнова, Лапшин, 2004).

Гнездилово 2 – яркий пример поселения, прекратившего существование на рубеже XI–XII вв. или в самом начале XII в. Можно полагать, что на месте большого поселения оставался однодворок или специализированное хозяйственное поселение (рис. 5: а; 9: 1). Запустение большого поселения сопровождалось формированием сети поселений площадью до 1–2 га на оврагах, в радиусе 4 км. Здесь зафиксировано 7 памятников с керамикой середины XII – первой половины XIII в. Очевидно, наиболее крупное поселение сформировалось на месте современного села Гнездилово (упоминается в источниках с 1542 г.)

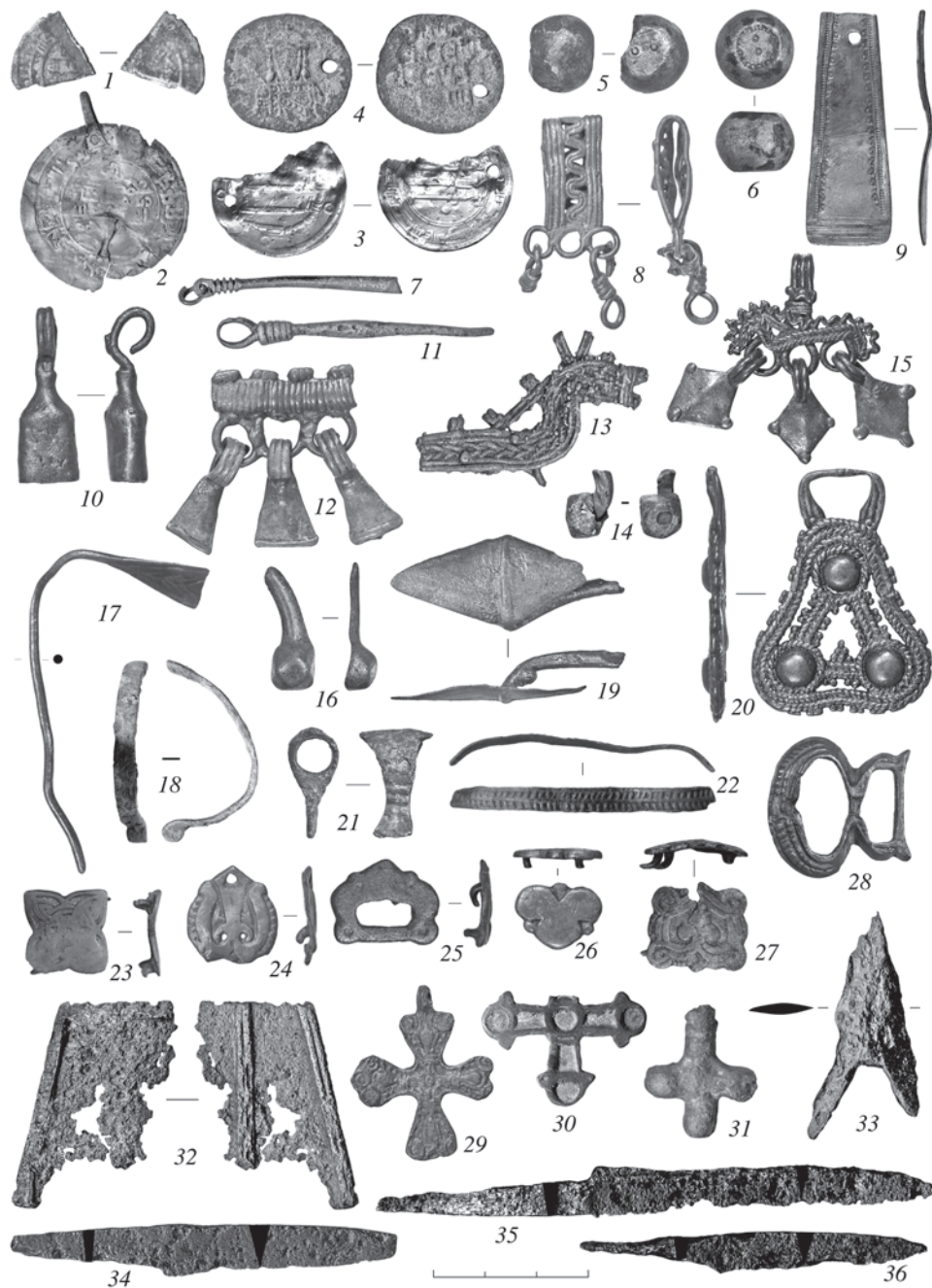


Рис. 4. Находки из сборов на селище Гнездилово 2. 1-3 – серебро; 4, 7-31 – цветной металл; 5-6, 32-36 – железо

Большие поселения X–XI вв. и структуры расселения XII–XIII вв.
в Суздальском Ополе: проблемы преемственности



Рис. 5. Взаиморасположение поселений X–XI вв. и исторических сел, упоминаемых в письменных источниках XV–XVI вв. (показаны на картах Генерального межевания). 1 – местоположение поселений X–XI вв.; 2 – местоположение поселений XV–XVI вв.; А – район села Гнездилово; Б – район сел Кинобол – Кубаево; В – район сел Шекшово – Давыдовское

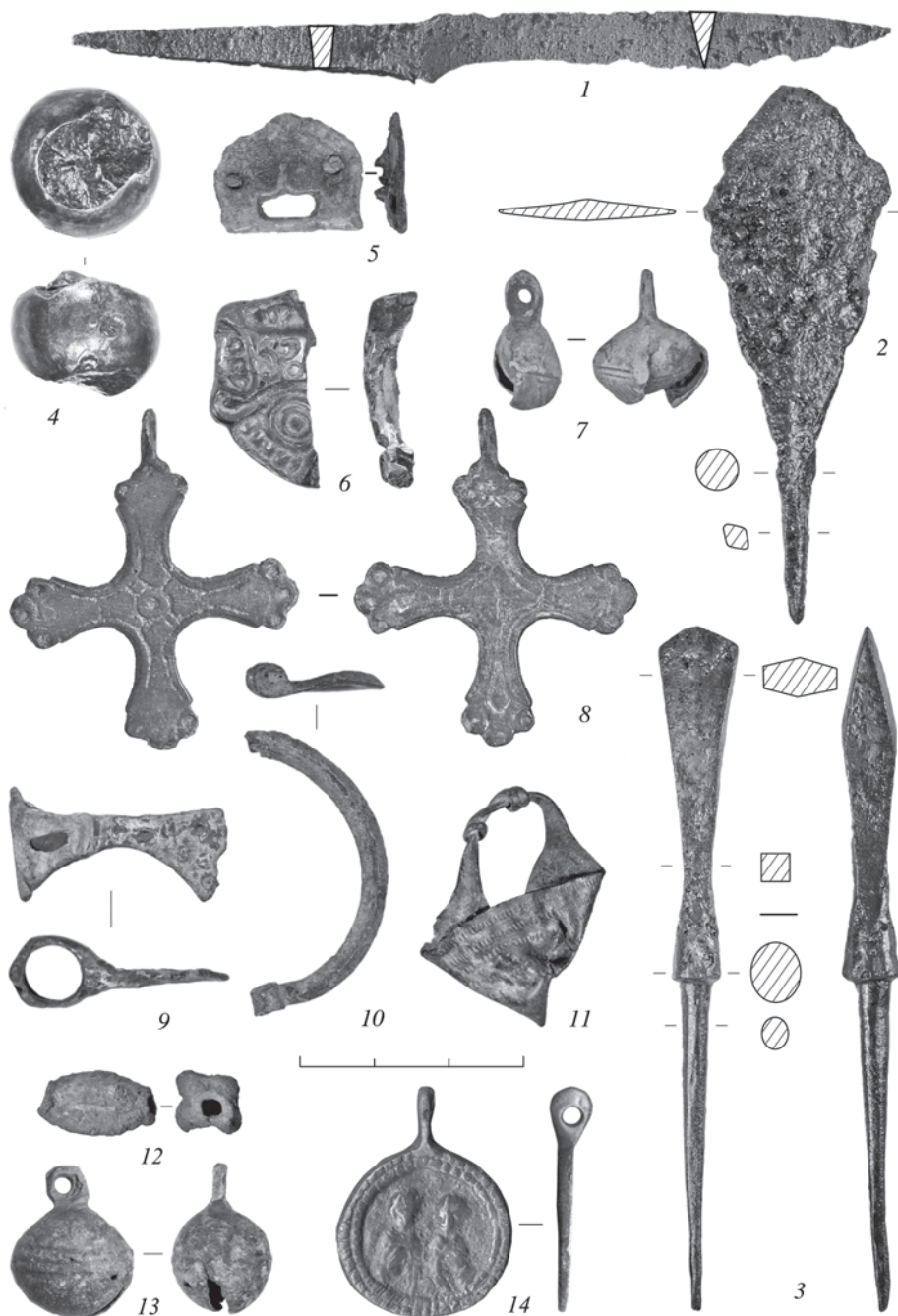


Рис. 6. Находки из сборов на селище Кубаево 7. 1-4 – железо; 5-14 – цветной металл

(АССЕМ, 1998, № 51), на территории которого присутствует керамика и вещевые находки XII–XIII вв., однако границы распространения средневекового культурного слоя здесь пока не определены.

Еще два поселенческих комплекса, сложившихся в X в. как большие поселения и демонстрирующих значительное снижение жизнедеятельности на рубеже XI–XII вв., – поселения Кубаево 7 (Кинобол 2) и Григорово 1.

Кубаево 7 – поселение площадью около 13 га вблизи села Кинобол на р. Кинье, притоке р. Гзы, впервые выявленное А. Е. Леонтьевым в 1990 г. Это селище рассматривалось как поселение, связанное с одной из курганных групп, исследованных А. С. Уваровым. В вещевой коллекции, собранной на селище в 2015–2016 гг. (всего 184 единицы, рис. 6), 38 предметов, которые могут рассматриваться как хроноиндикаторы X–XI вв. Среди них ножи с прямой спинкой и с узким клиновидным лезвием, ременные накладки и наконечники различных типов, грушевидные крестопорезные бубенчики, подковообразные фибулы со спиральными концами, широкосрединные завязанные перстни со штампованным орнаментом, кресты скандинавского типа, бочонковидные весовые гирьки. Хроноиндикаторы второй половины XII – первой половины XIII в. составляют более скромную группу, их всего 8 (круглая иконка с изображением парных святых, пломба, бубенчик с тройным рельефным пояском, металлические полые бусы, ножи с широким плоским лезвием). В керамической коллекции представлены фрагменты лепных и круговых сосудов, среди круговой керамики примерно в равных долях представлены типы, характерные для XI – первой половины XII в. (типы I и IV по В. А. Лапшину), и венчики типа VIII, период бытования которых XII – первая половина XIII в. Часть этой керамики относится ко второй половине XII – первой половине XIII в. Венчики с профилировкой второй половины XIII – XIV в. единичны (3 экз.). Примерно в 200 м к северо-западу от большого поселения, на противоположном, левом берегу Киньи, на месте ныне заброшенного села Кинобол А. Е. Леонтьевым в 1990 г. было обнаружено селище Кубаево 6 (Кинобол 1), с культурным слоем позднего Средневековья и Нового времени. Площадь этого памятника А. Е. Леонтьев первоначально оценил как 2,5 га, однако обследования последних лет существенно корректируют ее в сторону увеличения. Кинобол впервые упомянут в письменных источниках под 1566 г. как село с двумя храмами, за покупку которого Троицкий монастырь заплатил 1300 рублей (*Черкасова*, 1996. С. 119). Судя по керамическим материалам, начало жизни на этом поселении относится ко второй половине XII – началу XIII в. Хронологическое и планиграфическое соотношение двух селищ правомерно интерпретировать как перемещение основного поселения на новое место в первой четверти – середине XII в. при сохранении на первоначальной территории большого поселения отдельных построек вплоть до второй половины XIII – XIV в. (рис. 5: б).

Селище Григорово 1, находящееся вблизи северо-восточной границы Ополя, имеет несколько меньшую площадь (8,2 га), собранная здесь в 2015–2016 гг. вещевая коллекция насчитывает 169 предметов (рис. 7, 8). Для атрибуции селища как большого поселения важны находки западноевропейской монеты, весовых гирек, ременной гарнитуры (в том числе накладки, орнаментированные чернью), фрагмента прорезной подвески с плетеным орнаментом «скандинавского» облика.

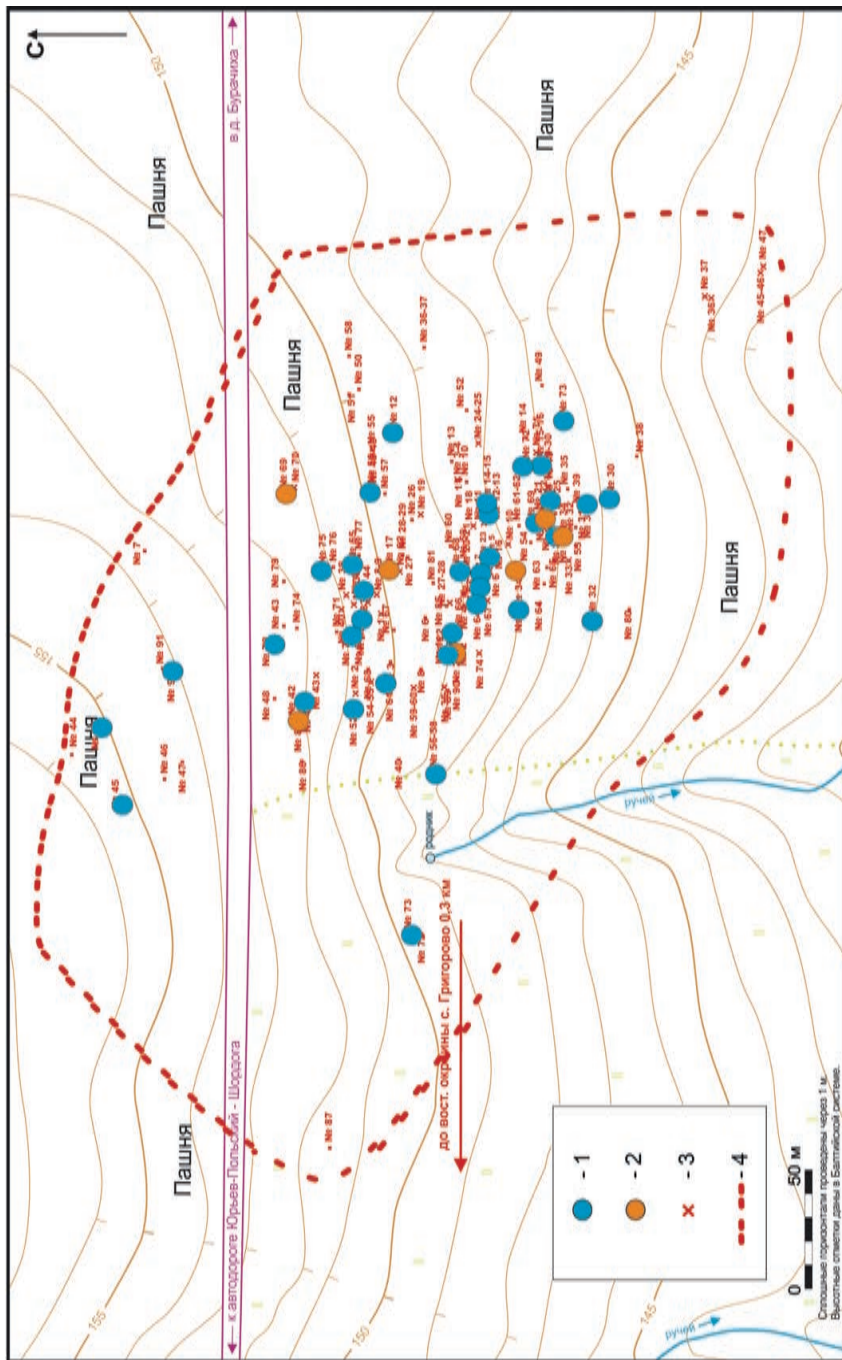


Рис. 7. Селшче Григорово 1. Распространение находок двух хронологических групп. 1 – предметы, датированные X–XI вв.; 2 – предметы, датированные XII–XIII вв.; 3 – предметы без точной хронологической атрибуции; 4 – граница памятника

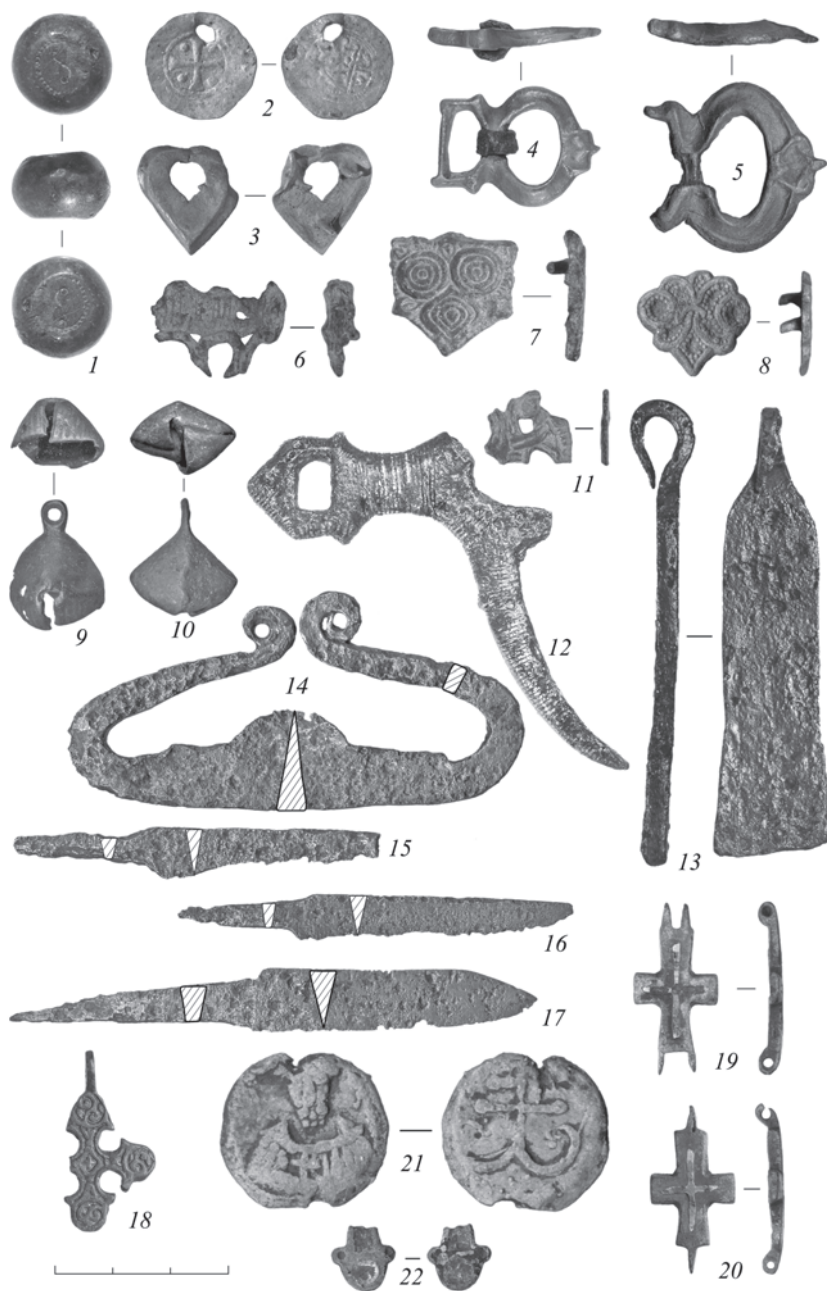


Рис. 8. Находки из сборов на селище Григорово 1. 1, 12–17 – железо; 2–11, 18–22 – цветной металл

Соотношение вещей – хроноиндикаторов X–XI вв. и второй половины XII – первой половины XIII в. – на этом селище примерно такое же, как в Кубаеве. В обширной коллекции всего 7 предметов, которые могут рассматриваться как хроноиндикаторы второй половины XII – первой половины XIII в. (в их числе створки энколпиона с чернью и пломбы дрогичинского типа). В керамической коллекции, собранной на селище, представлена лепная и круговая керамика, среди последней – как «ранние» типы (I, II, IV), так и венчики типа VIII, значительная часть которых относится ко второй половине XII – первой половине XIII в. Керамика второй половины XIII – XIV в. представлена единичными фрагментами (2 венчика). Поселение Григорово 1 продолжало существование в XII–XIII вв., однако материальные остатки этого времени в количественном отношении существенно уступают древностям предшествующего периода и отличаются от них по своему характеру. Обследование Григоровского микрорегиона не завершено, пока остается неизвестным, существуют ли в ближайшей округе селища, которые правомерно считать «наследниками» большого поселения.

Поселенческий комплекс Шекшово 2 – Большое Давыдовское 2 представляет собой крупнейшую агломерацию X–XI вв., которая может быть отнесена к категории больших поселений и дает пример сложной и многоэтапной трансформации ее в исторические села, сложившиеся на новых местах. Эти села – Шекшово (Шокшов – 1445, 1462 гг.) (селище Шекшово 4) и Большое Давыдовское (Давыдовское – 1462 г.) (селище Большое Давыдовское 5) – известны в письменных источниках с XV в. (ДДГ, 1950. С. 120, 196), появление которых, судя по археологическим данным, должно быть отнесено ко времени не позднее второй половины XII в. История расселения в Шекшовском микрорегионе подробно рассмотрена в специальной публикации, раскрывающей сложную картину появления, развития и угасания отдельных поселений и общей трансформации сети населенных пунктов (Федорина, Красникова, 2015). Общая динамика изменений реконструируется на основе большой коллекции вещевых и керамических материалов из сборов (около 1250 единиц), археологических материалов из раскопок в Большом Давыдовском и Шекшове и около 50 радиоуглеродных дат. Не углубляясь в детали, суммируем некоторые данные о динамике развития двух крупнейших селищ, составлявших две части большого поселения X–XI вв. на двух берегах р. Урды.

Суммарная площадь участков с культурным слоем X–XI вв. на этом поселенческом комплексе составляет не менее 15 га, она может быть скорректирована в сторону увеличения. Участки с культурным слоем X–XI вв. локализованы на основании раскопок, картирования ранних вещевых находок из сборов и радиоуглеродного датирования образцов из геомагнитных аномалий. На поселении Шекшово 2 количество вещей – хроноиндикаторов X – начала XII в. – почти втрое превышает количество хроноиндикаторов середины XII – первой половины XIII в. Лепная керамика и круговая керамика XI – начала XII в. преобладает над более поздней на всех участках, где производились сборы с точной привязкой. Керамические и вещевые материалы второй половины XII – первой половины XIII в. достаточно широко представлены на различных участках Шекшовского поселения, но концентрация их невысокая. Находки – хроноиндикаторы второй половины XIII – XV в. – практически отсутствуют (одна находка).

На селище Большое Давыдовское 2, составляющем вторую часть поселенческого комплекса, хронологическое распределение археологических материалов несколько иное, хроноиндикаторы X – начала XII в. и второй половины XII – первой половины XIII в. образуют примерно равные группы, на участках, исследованных раскопками, выявлены выразительные комплексы второй половины XII – первой половины XIII в. Вещевые находки и керамика второй половины XIII – XIV в. единичны. Следов упадка и снижения жизнедеятельности до середины XIII в. здесь нет.

Начальный период существования исторических сел Шекшово и Большое Давыдовское документирован археологическими материалами беднее, чем история поселенческого комплекса на р. Урде, тем не менее мы располагаем достаточными материалами, что оба этих поселения сложились как крупные села не позднее второй половины – конца XII в., то есть именно в то время, когда зафиксировано снижение интенсивности жизнедеятельности на поселении Шекшово 2. В течение некоторого периода, в конце XII – начале XIII в., «старые» и «новые» центры сосуществовали. Исторические села Шекшово и Большое Давыдовское (селища Шекшово 4 и Большое Давыдовское 5) оказались не единственными наследниками «старого» поселенческого комплекса на Урде, поскольку в XIII–XIV вв. продолжалась жизнь и на одном из селищ, составлявших часть этой агломерации (Большое Давыдовское 6), и на ряде небольших поселений на овражных системах, возникших как ее «периферия». Однако главными преемниками комплекса больших поселений, воспринявшими его функции локального центра и места сосредоточения основной части населения, стали эти села (рис. 5: 6).

Примеры продолжения развития поселенческих комплексов, возникших в X в. как большие поселения, дают материалы селищ Васильково 1 на Нерли и Тарбаево 5–6–7 на овражных системах в верховьях р. Рпени. Материалы этих памятников уже частично введены в научный оборот (см., например: *Макаров*, 2012) и неоднократно привлекались для реконструкции истории средневекового расселения в южной части Ополя. Поэтому в рамках настоящей работы достаточно напомнить, что на обоих комплексах представлены археологические свидетельства непрерывного развития поселенческих структур с X до первой половины XIII в. без каких-либо пространственных подвижек и снижения интенсивности жизнедеятельности. На обоих комплексах отмечено прекращение жизни в середине XIII в. Наследником большого поселения в Василькове стало поселение, сформировавшееся в середине XIII в. на месте современной деревни. Тарбаевский комплекс запустел, не оставив преемника в виде крупного села (рис. 9: 2, 3).

Поселенческие комплексы Сунгирь, Кибол 5 – Кибол 3 и Везь 1 – Везь 3 – Везь 5, материалы которых частично уже введены в научный оборот, дают примеры развития поселенческих структур Средневековья – раннего Нового времени непосредственно на месте больших поселений X–XI вв. (*Федорина*, 2011; 2015; 2017; *Шполянский*, 2007). Развитие сопровождалось запустением отдельных поселений, составлявших части поселенческих комплексов X–XI вв. (селища Кибол 3, Везь 1, Везь 5), и распространением средневековой застройки на смежные участки, но в целом топографическая преемственность в этих случаях отчетливо выражена. В селе Кибол приходская церковь стоит в нескольких десятках метров

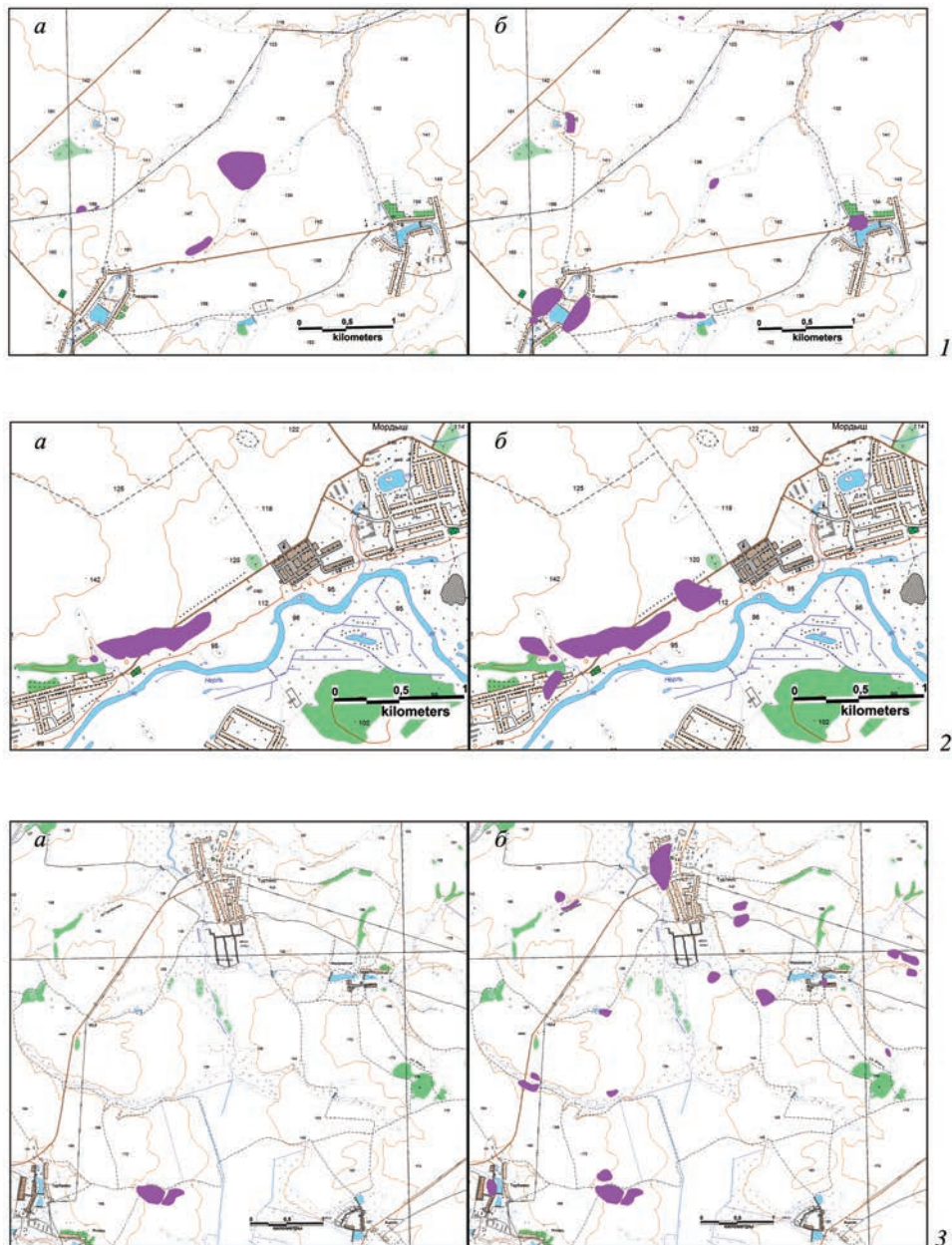


Рис. 9. Схема трансформации сети расселения в районе сел Гнездилово (1), Васильково (2), Тарбаево (3). *a* – X–XI вв.; *б* – XII–XIII вв.

от участков, на которых зафиксированы стратифицированные культурные напластования XI в. и ямы с вещевыми находками и керамикой второй половины X в. Сунгирь интересен как поселение, вся территория которого обследована по единой методике, позволяющей сопоставить количественное и пространственное распределение керамики и вещевых материалов различных периодов. Площадь большого поселения X–XI вв. здесь оценивается в 6 га, в XII–XIII вв. территория поселения выросла до 10 га, на всей этой площади зафиксированы находки керамики второй половины XIII – XV в. (рис. 10). В XVI–XVII вв. площадь поселения сжимается, жизнь продолжается лишь на двух участках. Для характеристики Сунгиря как большого поселения X–XI вв. существенны находки денариев, весовых гирек, крестиков «скандинавского типа», поясных накладок и наконечников, фрагментов шейных гривен и шумящих украшений. Однако материалы XII–XIII вв. на этом селище количественно преобладают, демонстрируя трансформацию большого поселения X–XI вв. в обычное село, жители которого занимались, впрочем, не только сельским хозяйством, но и ремеслом (находка каменной литейной формочки).

Таким образом, большинство поселений, которые составляли ядро Суздальской земли в X–XI вв. и были основными центрами формирования новых социальных отношений и накопления богатств в период первоначального появления Суздальской земли на исторической сцене, прекратили свое существование, не дожив до Нового времени. Прослеживается два периода «кризисных трансформаций», прекращения жизни или упадка и сокращения площадей первоначальных поселений, перемещения поселений или части поселенческой структуры на новые участки. Один из них приходится на рубеж XI–XII – начало XII в., а другой – на середину XIII в. Свидетельства первого кризиса хорошо заметны на поселениях Григорово 1, Кубаево 7, Шекшово 2, Весь 5, но ярче всего – на поселении Гнездилово 2. Свидетельства второго периода прослежены на поселениях Тарбаево 5–6–7, Суворотское 8, Васильково 1, Шекшово 2, Большое Давыдовское 2, Весь 1 и Кибол 3. Ни в первый, ни во второй период запустение больших поселений или их наследников не сопровождалось запустением тяготеющих к ним микрорегионов. Трансформации следует рассматривать скорее как перенос «центральных» поселений на новое место (на расстояние 0,5–2 км), как реорганизацию расселения в рамках соответствующих микрорегионов. Лишь в одном случае, в Тарбаевском микрорегионе, у крупного поселенческого комплекса, сложившегося в X в. и продолжавшего существование в XI – первой половине XIII в., не оказалось прямого преемника в виде крупного поселения. Однако очевидно, что трансформации, сопровождавшиеся перемещением на новые участки крупных поселений, выступавших центрами экономической деятельности и узлами властных отношений, были для местных обществ сильными кризисными потрясениями, вызванными серьезными причинами.

Предположение о том, что перенос поселений обусловлен какими-либо экологическими факторами, новациями в сельском хозяйстве или в землепользовании, кажется маловероятным. Крупные села, возникшие в XII–XIII вв. как преемники больших поселений X–XI вв., находились в тех же ландшафтах, что и их предшественники, те и другие располагались в однотипных урочищах. В условиях общей высокой плотности населения в Ополье насельники «старых» и «новых»

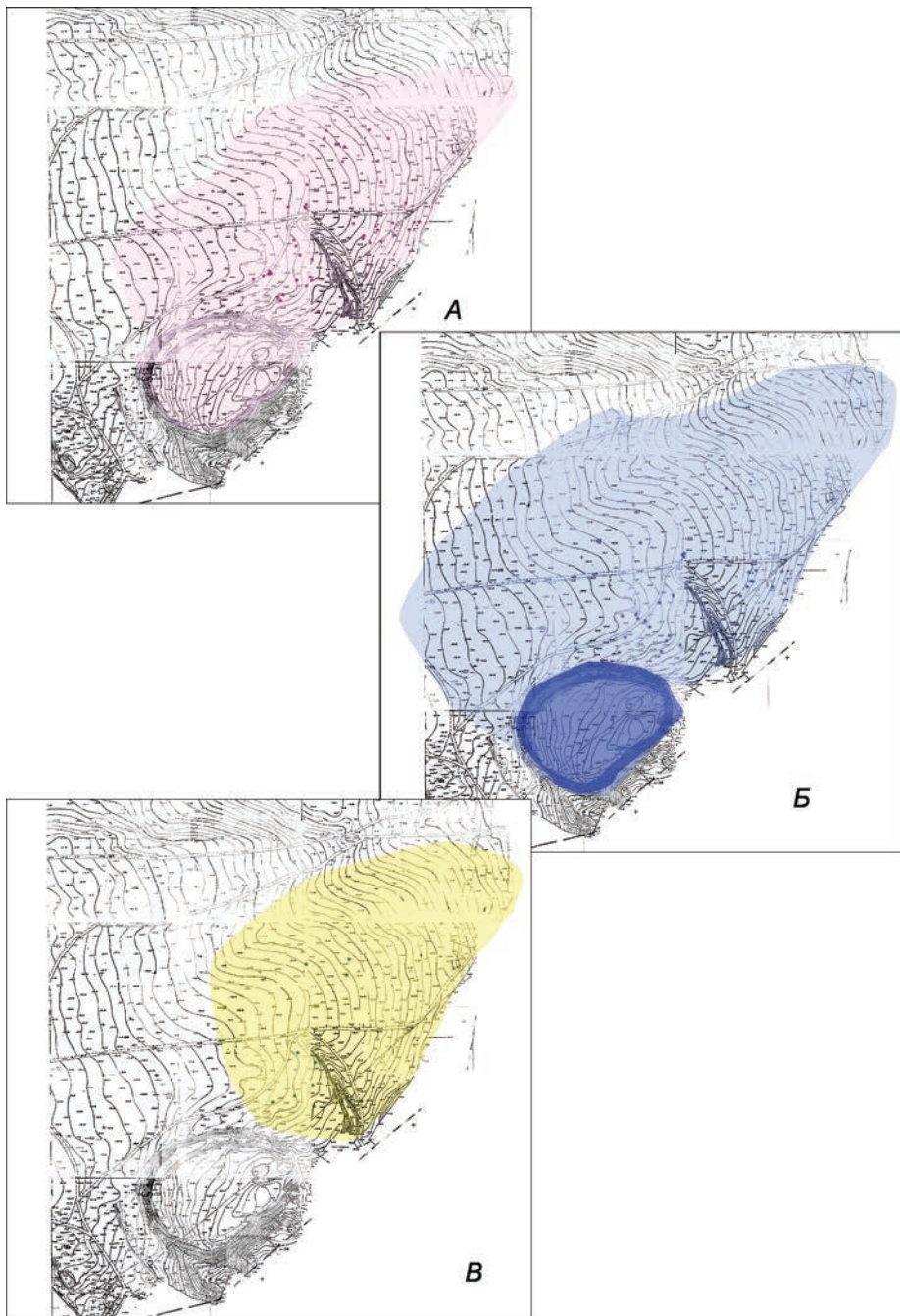


Рис. 10. Динамика границ поселения Сунгирь. А – X–XI вв.; Б – XII–XIII вв.; В – XIII–XV вв.

поселений вынуждены были использовать как старопашотные поля одни и те же земельные участки. Палеоэкологические исследования не диагностируют на протяжении XII–XIII вв. в Суздальском Ополе существенных изменений природных условий, которые могли бы вынуждать жителей «старых» поселений переносить усадьбы на новые места, сохраняя традицию организации их как крупных сел.

Более правдоподобно предположение о связи запустения больших поселений и трансформации и переноса поселенческих центров, выступавших их наследниками, с социально-политическими и военными событиями конца XI – начала XII в. и середины XIII в.

Для первого периода «кризисных трансформаций» такими событиями могли быть война между Мономахичами и Олегом Святославичем 1096–1097 гг., поход волжских болгар на Суздаль 1107 г. и вокняжение Юрия Владимировича Долгорукого в Суздале в 1108 г. В 1096–1097 гг. Суздальская земля впервые стала ареной крупных военных столкновений, отмеченных в летописи. Летописный рассказ о сожжении Олегом Суздалью наводит на мысль о том, что военные действия могли затронуть и другие поселения. Очевидно, что система больших поселений в целом пережила эти события. В «селах», в которых победитель – Мстислав Владимирович – разместил свою дружину, логично видеть большие поселения. Поход 1107 г. сопровождался разорением сел и погостов в Суздальской земле: «Приидоша болгары ратию на Суздаль, и оступиша град, и много зла сотвориша, воююще села и погосты и убивающе многих крестьян». Наконец, фактический перенос княжеского стола в Суздаль в 1108 г. и непосредственное размещение здесь князя предполагали укрепление города как властного центра и установление более жестких отношений подчинения между городом и окружающими его большими поселениями, в которых была сосредоточена наиболее влиятельная, амбициозная и состоятельная часть местного общества. Нам ничего не известно о взаимоотношениях Юрия Владимировича и местной элиты, но ситуация, реконструированная по археологическим материалам, допускает возможность конфликта. Любопытно, что единственное большое поселение, полностью запустевшее в начале XII в., – ближайшее к Суздалью Гнездилово 2, наиболее уязвимое при военных действиях и обладающее, в силу своего положения, наибольшим потенциалом конкуренции с «княжеским городом».

Разрушительные последствия монгольского нашествия для центра Владимиро-Суздальской земли хорошо известны историкам и убедительно документированы материалами раскопок последних десятилетий. Нет оснований сомневаться в том, что монгольский удар затронул не только города, но и безлесные сельские территории, открытые для конницы. Запустение крупных сел в середине XIII – первой половине XIV в. прослеживается в большей степени на юге Ополя, в том числе на территориях вблизи Владимира. Вопрос о том, последовало ли это запустение непосредственно после разгрома Владимиро-Суздальской земли в 1238 г. или после ордынских вторжений последующих десятилетий, требует уточнения и может решаться по-разному для различных поселений.

Мы видим, что между большими поселениями X–XI вв., сложившимися как первоначальные узлы территориальной структуры Суздальского Ополя, и историческими селами Ополя в большинстве случаев нет прямой преемственности, если

понимать ее как непрерывность развития поселения в одной географической точке. Более того, те и другие существенно различались и по своему экономическому и социальному облику. Подъем больших поселений основывался на сложном экономическом укладе, в котором сельское хозяйство, торговля и ремесло могли быть равными составляющими, средневековые суздальские села позднейшего времени – аграрные поселения (часто – с усадьбами знати), благосостояние которых обеспечивалось продуктивным сельским хозяйством на темноцветных почвах Ополя. Однако общий принцип организации расселения в виде крупных сел, с минимальной сетью тянущихся к ним малодворных поселений или вовсе без них, преобладавший в Суздальском Ополе в Средневековье и Новое время и сохранившийся до наших дней, восходит к поселенческим структурам X–XI вв. Поэтому большие поселения X–XI вв. правомерно рассматривать как архетип, исходную модель средневековых суздальских сел, определившую историческое своеобразие расселения в центре Северо-Восточной Руси в последующие столетия.

Литература

- АССЕМ. 1506–1608 гг. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина; ред. С. Н. Кистерев. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 638 с.
- Горюнова В. М., Лапшин В. А., 2004. О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: сб. памяти И. В. Дубова. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 55–72.
- ДДГ. XIV–XVI вв. / Отв. ред. С. В. Бахрушин; подготовка к печати: Л. В. Черепнин. М.: Л. 1950. АН СССР. 587 с.
- Макаров Н. А., 2012. Средневековые селища вблизи сел Тарбаево и Туртино в Суздальском Ополе // АВСЗ. Вып. 4 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 65–86.
- Федорина А. Н., 2011. Средневековое поселение Сунгирь // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. IV (доп.) / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров; ред.-сост. Н. В. Лопатин. С. 112–113.
- Федорина А. Н., 2015. Средневековые памятники у села Весь под Суздаlem // КСИА. Вып. 236. С. 165–171.
- Федорина А. Н., 2017. Группа памятников Кибол 2–3–4 по результатам разведочных работ 2002–2014 гг. // АВСЗ. Вып. 7 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 68–80.
- Федорина А. Н., Красникова А. М., 2015. Средневековое расселение в Шекшовском микрорегионе // АВСЗ. Вып. 5 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 147–158.
- Черкасова М. С., 1996. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М.: Археографический центр. 335 с.
- Шполянский С. В., 2007. Раскопки на территории с. Кибол в 2005 г.: Опыт археологического изучения исторических сел суздальской округи // АВСЗ. Вып. 1 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 18–26.

N. A. Makarov, A. N. Fedorina, S. V. Shpolyanskiy

**LARGE SETTLEMENTS OF THE X–XI CENTURIES AND STRUCTURES
OF RESETTLEMENT OF THE XII–XIII CENTURIES IN SUZDAL OPOLIE:
PROBLEMS OF CONTINUITY**

Summary. We examine the question of the relationship between Suzdal Opolye large settlements of the X–XI centuries and settlement structures of the later time – the XII–XIV centuries in this paper. Using new materials of field researches, it is lawful to raise a question of about the impact of large settlements in the development of the settlement system in the subsequent period. We can conclude that the majority of large settlements that were the core of Suzdal land in the X–XI centuries ceased to exist before they reach the New time. Two periods of “crisis transformations”, the end of life or decline and the reduction of the areas of the original settlements, the movement of settlements or part of the settlement structure to new areas are traced. One of them falls on the border of the XI–XII – the beginning of the XII century, and the other – in the middle of the XIII century. Neither in the first nor in the second period of the desolation of large settlements or their heirs was not accompanied by the desolation of the microregions gravitating to them. Transformations should be considered rather as transfer of the “central” settlements on the new place (on a distance of 0,5–2 km), as the reorganization of settlement within the relevant micro-regions.

Keywords: Suzdal Opolye, Old Russian system of resettlement, large settlements, villages, transformation, continuity.

А. Е. Леонтьев

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГОРОДИЩЕ ВЫЖЕГША (РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ 2017 г.)¹

Резюме. Полевые исследования 2017 г. показали, что раннесредневековое поселение VII–IX вв. не имело значимых в военном отношении укреплений и, видимо существуя в мирное для жителей время, не испытывало надобности в их создании. Внешний низкий вал с неглубоким рвом не столько оборонял, сколько обозначал границу городища. Внутренний сопковидный вал остался в наследие от поселения раннего железного века. Полученные радиоуглеродные даты определяют время его сооружения в период II–IV вв. н.э., возможно, на месте более ранних укреплений II–III вв. до н.э. В Средневековье сопковидная насыпь едва ли служила укреплением.

Обследование вероятной трассы дороги между напольной и центральной площадками городища подтвердило искусственный характер выемки и ее принадлежность раннесредневековому поселению, но оставило открытым вопрос о ее функциональном назначении.

Ключевые слова: городище, Средневековье, укрепления, стратиграфия, хронология, шурфы.

Работы 2017 г. задумывались как продолжение начатого в 2016 г. изучения памятника. Объектами исследования стали укрепления городища и заметные на поверхности продольные выемки между площадками поселения, в которых угадывались следы древней дороги (рис. 1).

Внешний напольный 1-й вал выходит концами на склоны оврагов, имеет длину около 60 м, ширину по основанию 6–7 м при высоте в среднем до 1 м. Вершина насыпи уплощенная. Запльвший ров в современном состоянии имеет глубину 0,5–0,7 м при ширине 4–5 м. Ближе к западному краю в укреплении сохранился въезд шириной 5 м в виде перемычки рва и проема в насыпи. С целью установить строение вала и время его сооружения в 19 м восточнее въезда была заложена траншея размерами 1 × 6 м (рис. 1: 1), захватившая внешний склон вала и ров. Поверхность в месте закладки траншеи без повреждений, покрыта слабой травянистой растительностью (рис. 2: 1).

¹ Работы. велись по проекту РФФИ № 17-01-18028/17-ОГОН «Городище Выжегша на р. Колокше в Юрьев-Польском районе Владимирской области. Продолжение исследований».

Раскопки показали, что насыпь была сооружена из бурого материкового суглинка, выброшенного из рва. При этом наружный фас вала в нижней части был оформлен подрезанным склоном материка: собственно насыпной грунт составлял

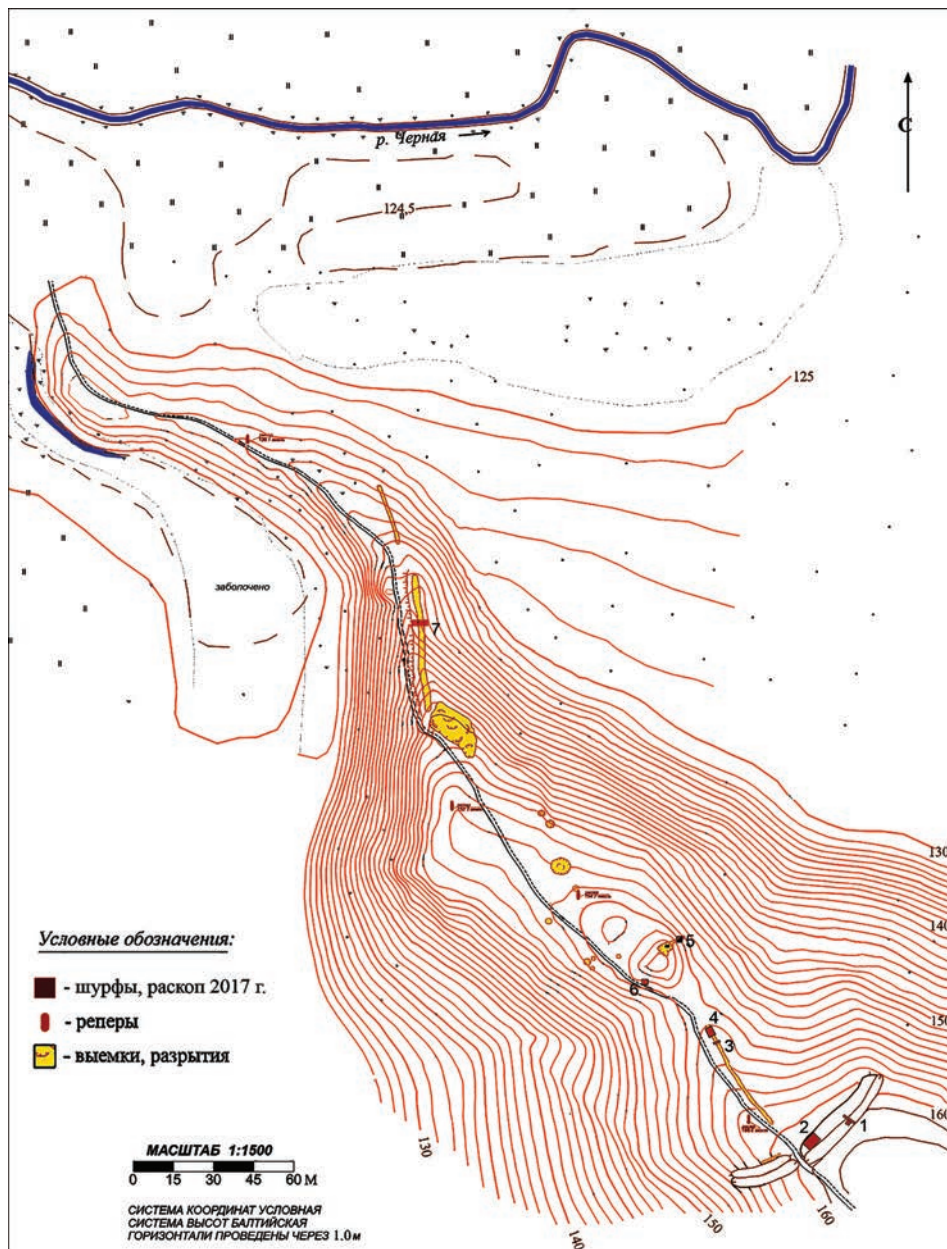
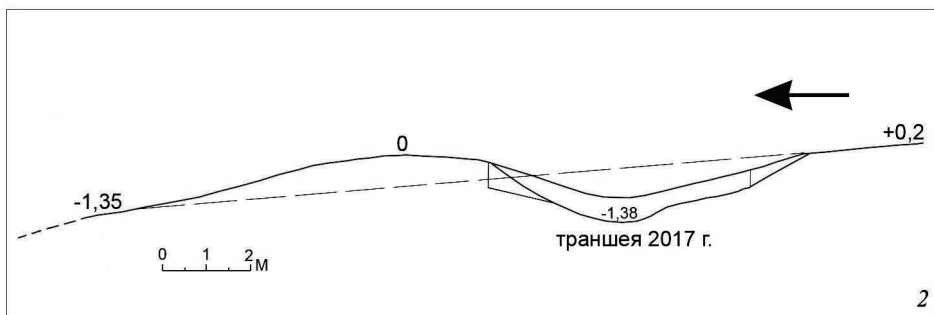


Рис. 1. План городища Выжегша с указанием шурфов 2017 г.



1



2

Рис. 2. Разрез 1-го вала и рва. 1 – траншея, вид с запада; 2 – общий профиль укрепления



Рис. 3. Ювелирное изделие из заполнения рва 1-го вала

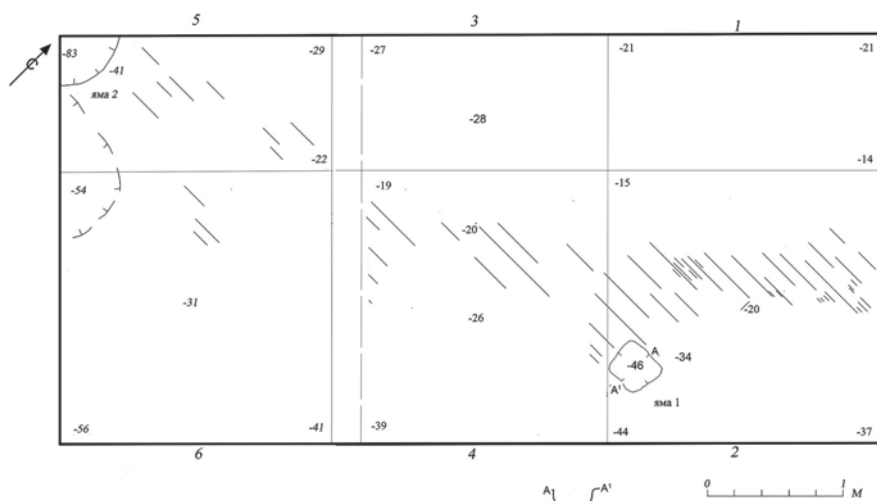


Рис. 4. Зачистка поверхности 1-го вала. 1 – общий вид; 2 – план поверхности

верхние 0,4 м высоты вала. В силу общей однородности грунта и отсутствия горизонта погребенной почвы граница насыпи и материка читается плохо. Глубина рва оказалась невелика и составила 0,54 м от дневной поверхности, или 1,38 м от вершины рва.

Заполнение рва было полностью сформировано естественными почвенными отложениями. Верхние 0,15 м представлены современной лесной почвой, ниже идет серый, темнеющий книзу суглинок, переходящий в плотный бурый суглинок материка. Граница с материком неровная, с корневыми затеками и слабовыражен-

ным подзолом. Никаких посторонних включений, кроме отдельных камней и гальки, в средней части заполнения не отмечено, керамики, равно как и других признаков культурного слоя, нет.

Тем не менее в придонной части рва на глубине 0,25 м от поверхности у западной стенки был обнаружен уникальный предмет: изготовленная из желтого металла миндалевидная пластинка размерами $2,7 \times 1,6$ см с зернью по краю и занимающими всю поверхность тремя гнездами для вставок (рис. 3). Эта находка достойна специального изучения. Предварительно ее можно посчитать изделием византийских ювелиров и датировать в рамках V–VII вв. Раскопки на участке размерами $1,5 \times 2$ м в западную сторону от места находки новых результатов не принесли.

Реконструкция вероятного профиля укреплений с учетом полученных данных и современного рельефа показала, что вал имел небольшую высоту и его вершина с учетом происшедшей естественной деформации насыпи лишь ненамного могла превышать поверхность напольной стороны (рис. 2: 2).

Общий профиль укрепления при небольшой высоте вала с уплощенной широкой вершиной и мелким рвом предполагает вероятность существования дополнительной ограды по верху насыпи. Для проверки предположения был зачищен участок поверхности вала размерами 3×6 м в $2,4$ м восточнее въезда (рис. 1: 2). Под слоем почвы обнажилась поверхность насыпи: бурый суглинок с пологими скатами внешнего и внутреннего склона. На вскрытой площади были заметны аморфные локальные потемнения (серая супесь), оставленные корнями деревьев, отдельные мелкие камни и небольшое скопление углей (рис. 4: 1). Единственный объект, который можно связать с временем функционирования вала, – столбовая яма в кв. 4 подквадратной в плане формы размерами $0,25 \times 0,25$ м, глубиной от поверхности $0,1$ м. Со стороны въезда был обнаружен край еще одной ямы, заполненной культурным слоем с включением мелких обломков обожженных камней и керамики. Яма уходит за пределы насыпи в сторону въезда и к конструкции вала явно не относится (рис. 4: 2).

Таким образом, обнажение поверхности вала не выявило каких-либо следов существования дополнительных укреплений по гребню насыпи.

Полученная датировка ^{14}C углей из скопления в кв. 3 показала, что они на поверхности вала оказались после прекращения существования поселения. Вероятный возраст образца составил 470 ± 30 лет, т.е. угли связаны с периодом 1440–1500 гг.

Исследование напольного укрепления (разрез рва и зачистка поверхности вала) показало, что по своим параметрам вал и ров не могли иметь серьезного военного значения и не столько обороняли, сколько обозначали границы поселения.

Второй вал сопковидной насыпи прикрывает центральную площадку городища с юга, со стороны напольной части. Его размеры по основанию 28×20 м, современная высота около 4 м. Восточная сторона выходит на склон мыса, западная подрезана современной дорогой. Насыпь испорчена разновременными ямами. На восточном склоне заметна выемка траншеи раскопок 1985 г., заложенной на месте прежней грабительской ямы. Примечательно отсутствие видимых следов рва с внешней стороны вала.

Для уточнения строения насыпи и датирования отдельных ее горизонтов в ее основании были заложены шурфы 9 и 10 по общей нумерации 2016–2017 гг. (рис. 1: 5, 6; 5).

Шурф 9 у подножия восточного склона насыпи размерами 2 × 1 м полностью вошел в створ старой траншеи раскопок 1985 г., в свою очередь прошедшей по месту грабительской выемки (Леонтьев, 1985. С. 52, 53). Раскопки свелись к выемке переотложенного грунта и зачистке не затронутой позднейшими перекопами северо-восточной стенки шурфа.

В выявленной на зачищенной стенке шурфа свите отложений верхние два слоя являются выбросами из траншеи 1985 г. и грабительских ям. Третий по счету горизонт плотной темно-серой супеси – культурный слой, аналогичный имеющемуся на окружающем участке центральной площадки. Нижележащие отложения белесой супеси и углистого суглинка были отмечены в 1985 г. в нижней части насыпи.

Радиоуглеродный анализ образцов из горизонтов 3 и 5 (рис. 6) принес следующие результаты² (табл. 1).

Таблица 1

Образец	Номер	Возраст (лет)	Хронологический интервал
Гор. 3, почва	Ki-19345	1240±50	1σ 689–860 AD 2σ 669–889 AD
Гор. 5, уголь	Ki-19343	1760±40	1σ 230–340 AD 2σ 139–385 AD

Первая дата относится к культурному слою средневекового городища и сопоставима с ранее полученными датировками. Вторая, относящаяся к слою основания насыпи и более ранняя, определяет вероятное время сооружения вала.

Шурф 10 размерами 2 × 1 м был заложен на обрывистом участке основания противоположного юго-западного склона насыпи с выходом на полотно современной дороги (рис. 1: 6).

На исследованном участке отсутствуют покровные выбросы прежних раскопок. В остальном, с некоторыми особенностями в составе, в шурфе 10 выявлены те же грунты, из которых был сооружен вал. Все отмеченные слои имеют устойчивый уклон к западу, соответствующий склону вала. В западной части шурфа, охватившей поверхность у подножия насыпи, верхняя толща грунта образована покровным светло-бурым суглинком, перекрывшим первоначальные слои насыпи.

Современная почва образовалась на культурном слое городища, отложившемся поверх первоначальной насыпи (слои 1–2). Ниже следуют формирующие насыпь слои, характеризующиеся сочетаниями разнородных материковых грунтов: бурого суглинка, белесой супеси (песка) подзола, краской материковой глины с линзами углей и золы.

В основании насыпи на всей площади шурфа вскрыт горизонт прокаленного грунта с подстилающим слоем углей. При расчистке углистого слоя выявились следы уложенных параллельно склону нетолстых 4 бревен или жердей, от которых

² Здесь и далее приводимые даты получены в Киевской радиоуглеродной лаборатории НАН Украины.

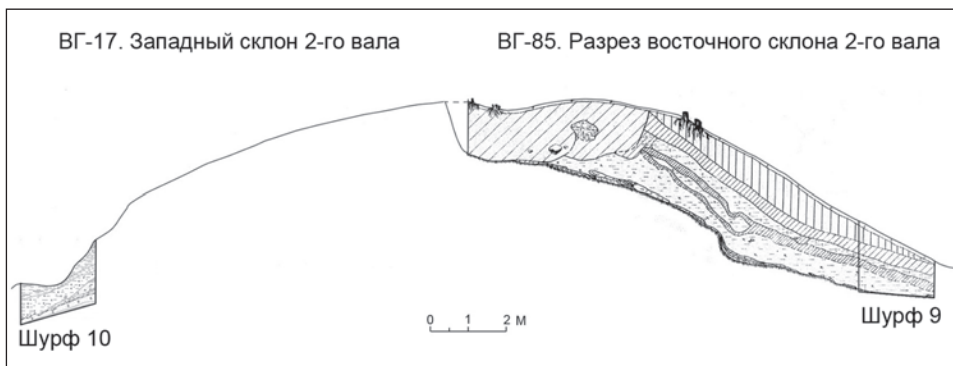


Рис. 5. Профиль 2-го вала по данным работ 1985 и 2017 гг.

сохранились слабочитаемые выемки на поверхности белесой супеси, заметные также в профилях стенок шурфа (рис. 7: 1, 2). Эти остатки предполагают существование предшествовавшего вала какого-то деревянного сооружения. Такая возможность подтверждается результатами радиоуглеродного анализа двух образцов углей из слоя пожара: 2140 ± 50 л. н. и 2080 ± 60 л. н. Таким образом, их датировка определяется в пределах 190 ± 50 гг. до н.э. и 130 ± 60 гг. до н.э. Полученные даты относятся к периоду существования поселения раннего железного века, старше определенного по образцу из 9-го шурфа времени сооружения вала не менее чем на 200 лет. Вид и назначение сгоревшей конструкции определить невозможно в силу незначительной вскрытой площади шурфа.

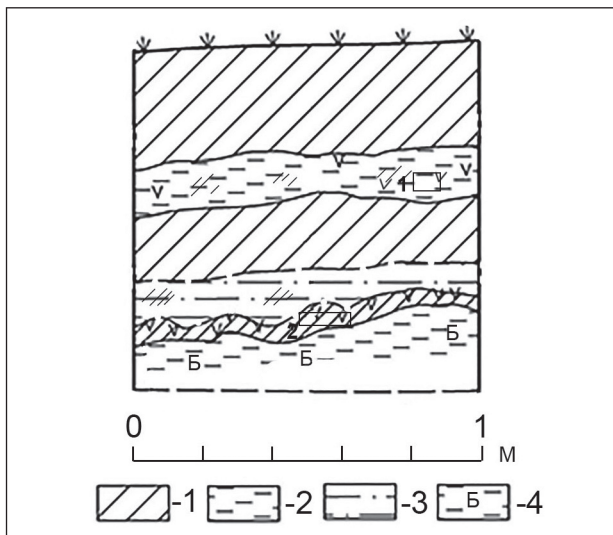


Рис. 6. Профиль северо-восточной стенки шурфа 9. Цифрами (1, 2) отмечены места взятия проб. Условные обозначения: 1 – темно-серая супесь; 2 – красная глина; 3 – светлая супесь; 4 – бурый суглинок

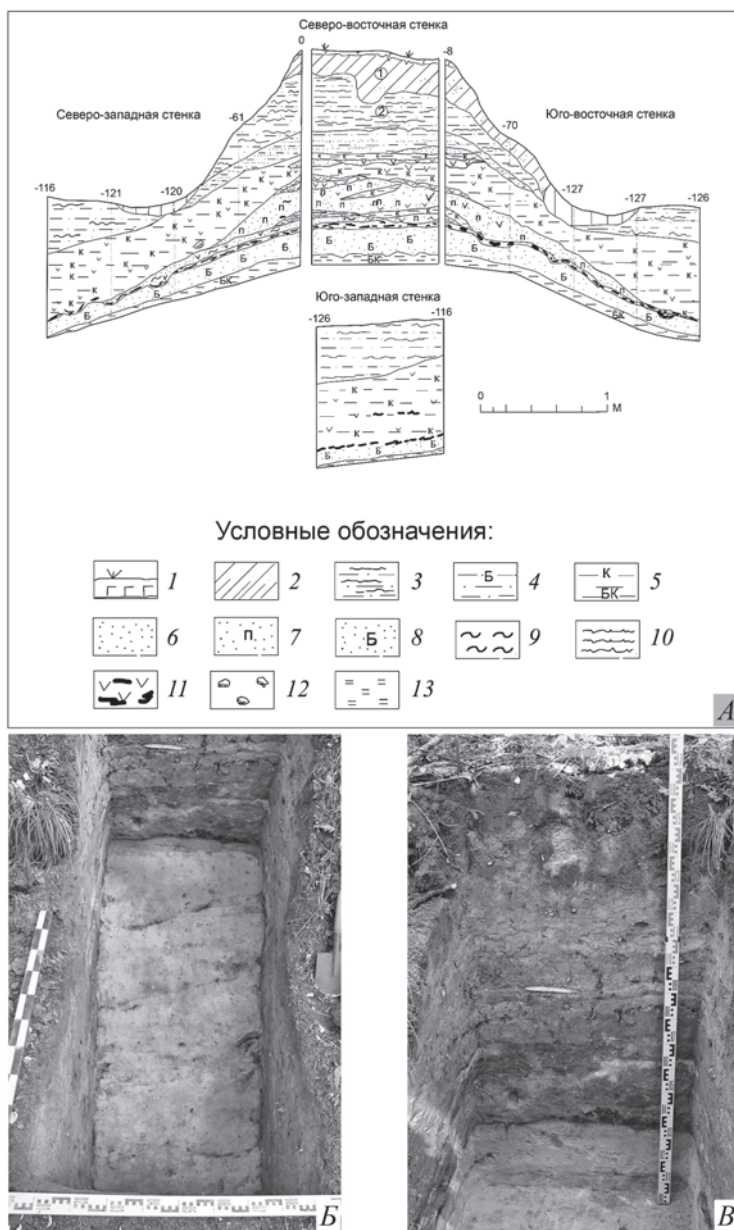


Рис. 7. Шурф 10 в основании западного склона 2-го вала. А – профили стенок. Условные обозначения: 1 – дерн, 2 – серый, темно-серый суглинок, супесь (культурный слой), 3 – серый суглинок с прослойками бурого, 4 – бурый суглинок, 5 – красная, бурокрасная глина, 6 – песок, 7– прокаленный песок, 8 – белесый песок, подзол, 9 – зола, 10 – древесный тлен, 11 – уголь, 12 – камни, 13 – обожженная глина; Б – следы сгоревших бревен на поверхности горизонта подзола; В – северо-восточная стенка шурфа



Рис. 8. Расчистка выемки предполагаемой дороги. 1 – разрез; 2 – концевой участок выемки, вид с СЗ

Новой, ранее не отмеченной, составляющей общей стратиграфии городища является залегающий ниже отмеченной конструкции природный горизонт подзола, белесого однородного песка (супеси). Его толщина под валом составляет 0,2 м (рис. 7: 1–3), далее к западу с падением поверхности к склону мыса слой уменьшается до 0,1 м. Сохранившийся горизонт подзола, столь большой для лесной полосы мощности, мог образоваться за долгий, исчисляющийся многими столетиями период³.

³ Заключение д. г. н. А. Л. Александровского.

Еще одним объектом исследования явилась предполагаемая древняя дорога, следы которой сохранились в виде заметной на гребне мыса узкой ложбины длиной 47 м между напольной и центральной площадками, начинаясь неподалеку от въезда первого вала и оканчиваясь не доходя до второго вала. Для выяснения хронологии и стратиграфии явно искусственной выемки был заложен поперечный разрез (шурф) размерами 3 × 1 м (рис. 1: 3). После снятия слоя почвы и дальнейшей расчистки выявилось ложе мощеной «дорожки».

Она представляла собой искусственную выемку трапециевидного сечения глубиной 0,2 м с плоским основанием шириной 1,3 м. При строительных работах была срезана почва и покровный суглинок до мореной красной глины. Дно замощено мелкими и средней величины камнями, лежащими в 1–2 ряда поверх материковой глины, отдельные крупные камни лежали на бортах выемки. В заполнении поверх выемки найдено 3 фрагмента городищенской лепной неорнаментированной керамики, еще один мелкий фрагмент обнаружен среди камней. Следы засыпки, разрушения отсутствуют; поверхность выемки покрыта только почвенным слоем (рис. 8: 1).

В продолжение исследований в 3,5 м севернее разреза по направлению выемки был заложен небольшой раскоп размерами 3 × 5 м (рис. 1: 4). В его площадь вошла северная оконечность выемки, завершавшаяся заметной на поверхности западиной нечетких очертаний размерами 2 × 2 м. Перепад высот в площади раскопа с Ю на С по естественному уклону составлял 0,61 м. Глубина пологой выемки от окружающей поверхности около 0,2 м.

Раскопки показали, что заглубленная в материк овальная в плане яма появилась позже «дорожки» и конструктивно с ней не связана.

Сама предполагаемая дорога на исследованном участке достигает ширины 1,8 м при глубине до 0,45 м. Стенки выемки обрывистые, неровные, разрушенные корнями деревьев. Дно плоское с естественным уклоном к северу. Регулярное мощение отсутствует. Поверх материковой глины сохранился слой плотной серой супеси толщиной до 8 см с мелкими камнями (рис. 8: 2). В этом слое найдены 2 мелких фрагмента лепной городищенской керамики.

Находки дают основание считать обследованную выемку неким элементом топографии средневекового поселения, но ее назначение остается неясным: для полноценной дороги она узка и на осмотренных участках не имеет очевидных признаков использования дорожного полотна. Результат ¹⁴C анализа образцов углей из скопления в верхней части склона выемки показал более позднюю дату: 530 ± 50 л. н., т.е. 1420 ± 50 гг. н.э. Однако стратиграфическое расположение кострища, из которого взяты образцы, допускает его относительно позднее происхождение и возможную связь с временем копки ямы.

Второй участок предполагаемой дороги находится между центральной и нижней площадками поселения. В этой части склона по гребню мыса проходит заплывшая и заросшая ложбина с пологими стенками длиной 47 м, шириной поверху до 3,5 м и глубиной до 0,7 м. Перепад высот по склону на том участке составляет 9 м. Разрез ложбины не выявил очевидных следов обустройства предполагаемой дороги. Постоянный, вплоть до современности, сток талой и дождевой воды привел к полной деформации ее возможного полотна. На глубине 1,25 м от поверхности на вскрытом участке прослежена прослойка темного тонкослоистого суглинка.

Такой илистый по виду горизонт мог образоваться в результате долгого или регулярного обводнения. Радиокربонная дата образца этого грунта показала большую древность слоя: 6110 ± 90 л. н., т.е. 4160 ± 90 лет до н.э.

С помощью металлодетектора был осмотрен участок западного склона между напольной и центральной площадками и восточного в створе северного края центральной площадки. В слое лесной подстилки и в обнажениях были обнаружены

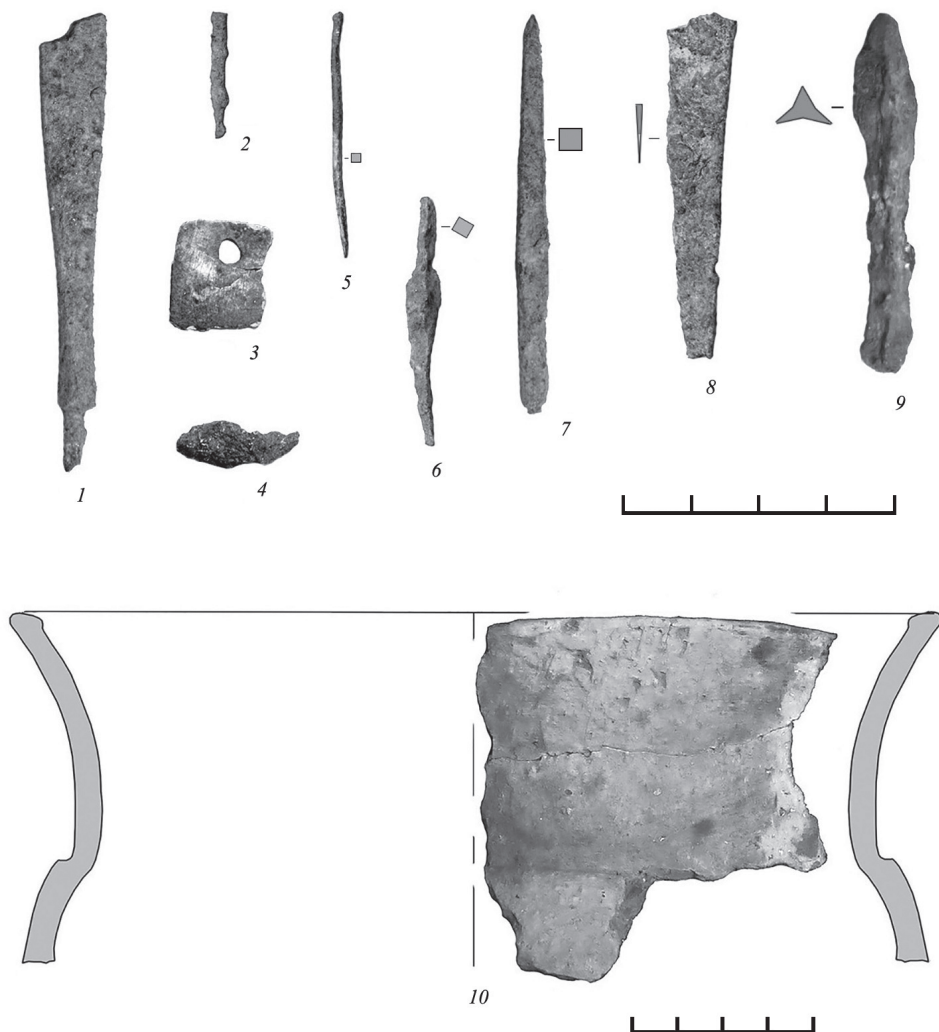


Рис. 9. Подъемный материал. 1 – ланцетовидный наконечник стрелы; 2 – обломок иглы (3); 3 – фрагмент оковки (6); 4 – слиток (выплеск) белого металла; 6 – обломок шила, 7 – шиловидный наконечник стрелы с упором, черешок обломан; 8 – обломок ножа; 9 – обломок трехлопастного наконечника стрелы; 10 – фрагмент лепного сосуда

обломки нескольких железных предметов, в числе которых ланцетовидный и шиловидный наконечники стрел, швейные иглы, клинок ножа (?) (рис. 9: 1–8). При осмотре отвала грабительских раскопок в северной оконечности центральной площадки найден обломок трехлопастного наконечника стрелы и фрагмент лепного сосуда с раструбовидным венчиком (рис. 9: 9, 10).

Полевые исследования 2017 г. показали, что раннесредневековое поселение VII–IX вв. не имело значимых в военном отношении укреплений и, видимо существуя в мирное для жителей время, не испытывало надобности в их создании. Внешний низкий вал с неглубоким рвом не столько оборонял, сколько обозначал границу городища. Внутренний сопковидный вал остался в наследие от поселения раннего железного века. Полученные радиоуглеродные даты определяют время его сооружения в период II–IV вв. н.э., возможно, на месте более ранних укреплений II–III вв. до н.э. В Средневековье сопковидная насыпь едва ли служила укреплением.

Обследование вероятной трассы дороги между напольной и центральной площадками городища подтвердило искусственный характер выемки и ее принадлежность раннесредневековому поселению, но оставило открытым вопрос о ее функциональном назначении.

В поисках синхронных городищу памятников было обнаружено ранее неизвестное древнерусское селище у дер. Новая. Памятник расположен в 1,6 кв юго-западнее городища на левом берегу р. Черная, у восточной окраины д. Новая и в 0,8 км к ЮЗ от соседней д. Выжегша. Занимает выступ коренного левого берега р. Черной. Площадка понижается в сторону реки, перепад высот составляет 13 м. Поверхность задернована, местами заметны следы старых крупных ям и локальные современные разрытия. На основании наблюдений за выходом культурного слоя и подъемного материала выявлена вероятная территория поселения размерами 145 × 140 м площадью около 2 га. При осмотре территории на поверхности были найдены створка побывавшего в огне бронзового креста-энколпиона XIII в. (рис. 10: 2) и пружина цилиндрического замка.



Рис. 10. Находки на селище у дер. Новое (1) и в поле у с. Семьинское (2). 1 – подвеска; 2 – створка энколпиона

Шурф показал наличие культурного слоя мощностью около 0,3 м. На основании подъемного материала и керамики из шурфа памятник можно датировать в пределах XII–XIV вв.

В левобережье приустьевого участка р. Черной было осмотрено возвышение в пойме р. Колокши, очевидно, останец надпойменной террасы. Размеры останца 1400 × 400 м, высота до 5 м, вытянут в направлении СЮ в сторону р. Колокши. Южный протяженный и пологий склон до недавнего времени распахивался, ныне заброшен. В 1984 г. на пахоте и на залесенной вершине всхолмления были найдены отдельные мелкие фрагменты лепной и средневековой круговой керамики, что послужило основанием определить место как селище (АКР, 1995. С. 297. № 700), с ошибкой в определении расстояния от села.

Заложенный на бывшем поле шурф результатов не дал. Очевидно наличие верхнего пахотного горизонта, но культурный слой отсутствует. Осмотр поверхности по основанию южного склона позволил найти несколько фрагментов круговой средневековой керамики и несколько предметов, среди которых – обломки железных изделий неопределимого назначения и возраста, навесной замок XIX (?) в., а также подтреугольная подвеска медного сплава, по облику достаточно поздняя (рис. 10: 1). Результаты осмотра и шурфовки, состав находок показали, что на обследованной местности находилось веками распахиваемое поле, но очевидных следов поселения нет.

Литература

АКР. Владимирская область / Ред. Ю. А. Краснов. М.: ИА РАН. 1995. 379 с.

А. Е. Leontiev

NEW DATA ON THE SETTLEMENT OF VYZHEGSHA (RESULTS OF WORKS, 2017)

Summary. Field studies of 2017 of the settlement Vyzhegsha showed that the early medieval settlement of the VII–IX centuries had no important military fortifications. The outer low rampart with a shallow moat not so much defended, but marked the border of the settlement. The inner rampart is a legacy of the early Iron Age settlement. The received radiocarbon dates determine the time of its construction in the period of the II–IV centuries A.D., perhaps, on the site of earlier fortifications of the II–III centuries BC. The survey of the probable route of the road between the sites of the settlement confirmed its artificial character and belonging to the early medieval settlement.

Keywords: fortified settlement, Middle Ages, fortifications, stratigraphy, chronology, pits.

И. И. Еремеев

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ДИНАМИКЕ УВЛАЖНЕННОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ ВО II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ ИЛЬМЕНЬ- ВОЛХОВСКОГО РЕГИОНА)

Резюме. В статье рассматриваются процессы колебания уровня озера Ильмень, происходившие во II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Новгородской экспедицией ИИМК РАН в последние годы было сделано несколько пойменных разрезов в окрестностях Новгорода. Разрезы обеспечены археологическими находками и радиоуглеродными датировками, что позволяет предложить откорректированную версию динамики уровня Ильменя за последние 3000 лет. В частности, установлено, что в период VIII–IX вв. уровень Ильменя и Волхова в его истоках был ниже современного не менее чем на 2 м. Из этого следует важный исторический вывод: населению, обитавшему на Ильмене во второй половине I тыс. н.э., были доступны огромные площади угодий, на которых после спада вод ладожской трансгрессии в первой половине I тыс. н.э. сформировались легкие и плодородные почвы на озерных отложениях. На протяжении IX–XI вв. по целому ряду источников фиксируется подъем уровня воды в озере примерно до современных отметок.

Ключевые слова: озеро Ильмень, ладожская трансгрессия, торфяники, разрезы, земледельческие угодья.

Мелководное озеро Ильмень, бассейн которого охватывает около половины территории Северо-Запада, является прекрасной моделью для изучения динамики увлаженности этой области. Единственной попыткой реконструировать колебания уровня озера в историческое время стала работа Н. В. Васильевой под руководством Д. Н. Субетто (*Васильева, 2013; Васильева и др., 2012*). Если предложенная этими авторами амплитуда колебаний среднего уровня Ильменя во II тыс. н.э. (рис. 1) с точки зрения археолога принципиальных возражений не вызывает (нужно уточнять детали), то динамика увлаженности во II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. представляется, с учетом данных археологии, иначе.

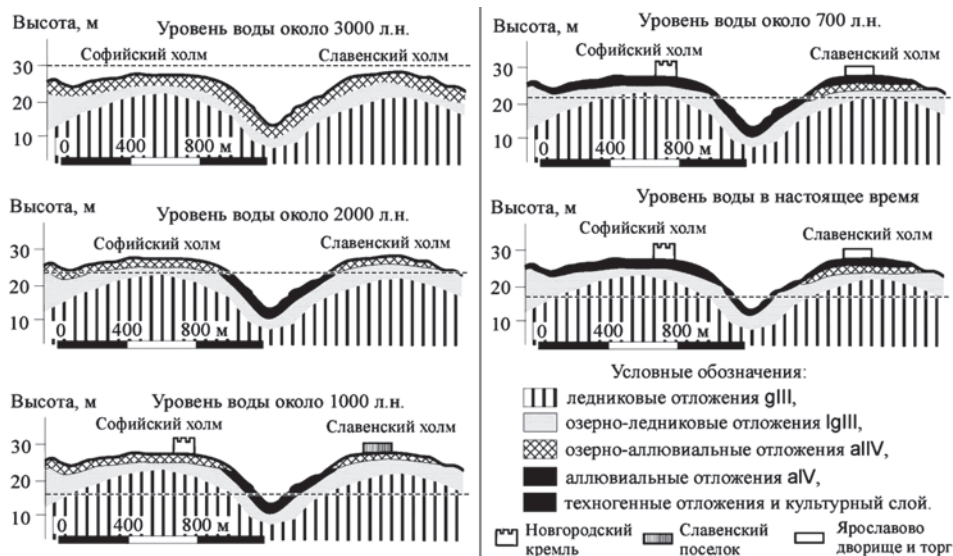


Рис. 1. Изменения уровня воды в р. Волхов в районе Великого Новгорода, по данным Н. В. Васильевой (Васильева и др., 2012)

За последние годы Новгородской экспедицией ИИМК РАН было сделано несколько пойменных разрезов в окрестностях Новгорода. Разрезы обеспечены археологическими находками и радиоуглеродными датировками, что позволяет предложить откорректированную версию динамики уровня Ильменя за последние 3000 лет.

Наиболее впечатляющие изменения уровня Ильменя связаны с ладожской трансгрессией, причиной которой послужило гляциоизостатическое поднятие северной части Ладожской озерной котловины. Вопросы хронологии трансгрессии являются остродискуссионными. Для нашей темы имеют значение споры вокруг датировки и абсолютных отметок последнего, максимального подъема воды в Ладожском озере, приведшего к образованию реки Невы.

В новейшей коллективной монографии Института озероведения РАН, посвященной Ладожскому озеру, приводится очень широкий диапазон датировок максимума трансгрессии: от 3500 до 2000 л. н. (Ладога, 2013. С. 32, 42).

Часть исследователей пишут про интервал около 3300 – 3100 л. н. (Сакса, 2006. С. 38; Субетто, 2009. С. 246; Герасимов, Субетто, 2009. С. 38; Амантов и др., 2016. С. 44, 45). На торфяниках Невского региона как будто удалось получить интервал от 3000 до 2400 л. н. (Субетто, 2007. С. 117; Шитов, 2007. С. 12. Рис. 2; Александровский и др., 2009. С. 684; Aleksandrovskii et al., 2009. P. 277. Fig. 4; Dolukhanov et al., 2010. P. 10; Юшкова, 2011. С. 208).

Высказывались и другие мнения, существенно омолаживавшие возраст Невы. Предлагалась, например, датировка около 2000 л. н. (Лак, Эжман, 1975; История..., 1990. С. 30, 33, 75; Dolukhanov, 1995. P. 28; Субетто, 2007. С. 117).

По мнению Д. Д. Квасова, пик трансгрессии и образование Невы следует датировать временем в интервале 2300–1200 л. н. (Квасов, 1975. С. 166, 175, 233). Весомых аргументов в пользу образования Невы в I тыс. н.э. с 1975 г. не появилось, но, по новейшим данным М. В. Шитова, на Земляном городище Старой Ладуги формирование почв на озерных глинах началось в хронологическом диапазоне, определяемом радиоуглеродными датами: от 2130 ± 120 л. н. (Ле-6522) до 1820 ± 60 л. н. (Ле-6519) (Шитов и др., 2005. С. 14; Шитов, 2007. С. 12). Катастрофический спад воды, согласно этим данным, следует относить ко времени

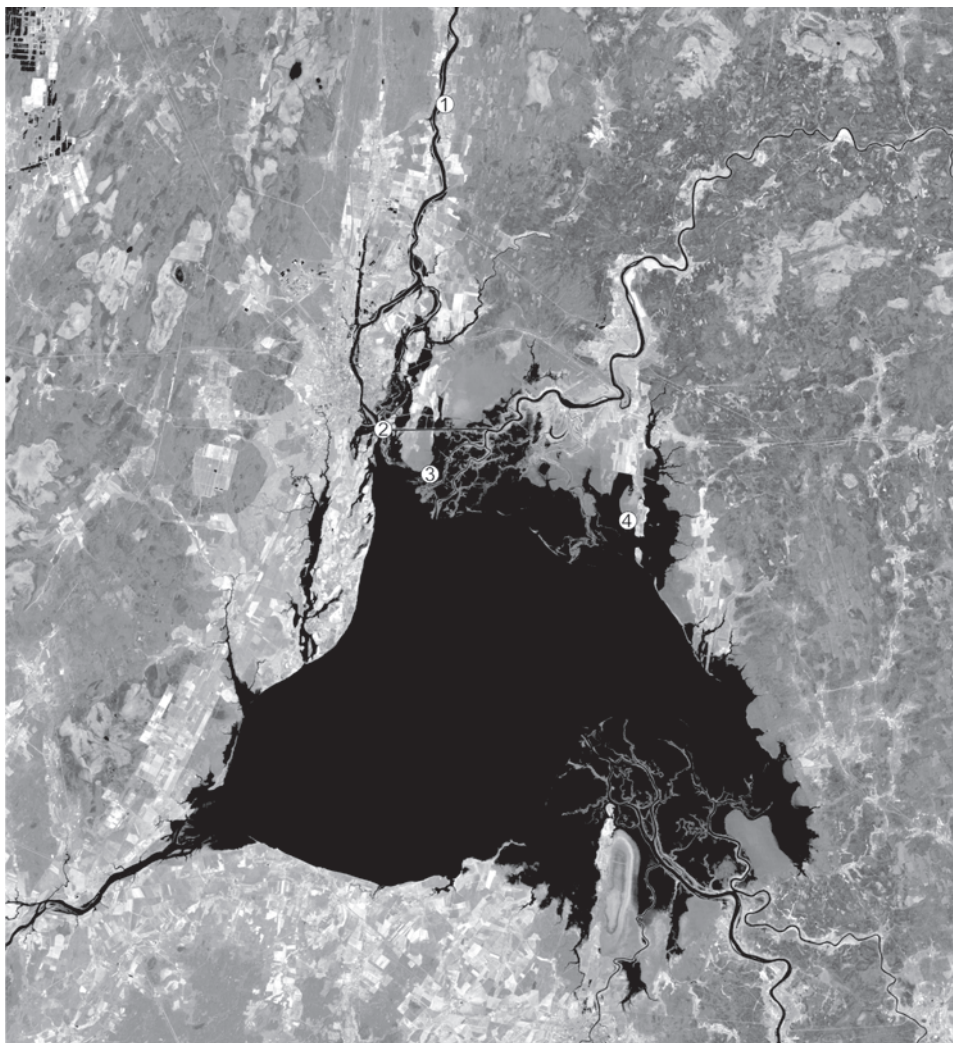


Рис. 2. Расположение разрезов, содержащих информацию о колебаниях уровня озера Ильмень. 1 – Ситно (2016); 2 – Рюриково городище (2003); 3 – Липно (2016); 4 – Наволок (2003, 2008)

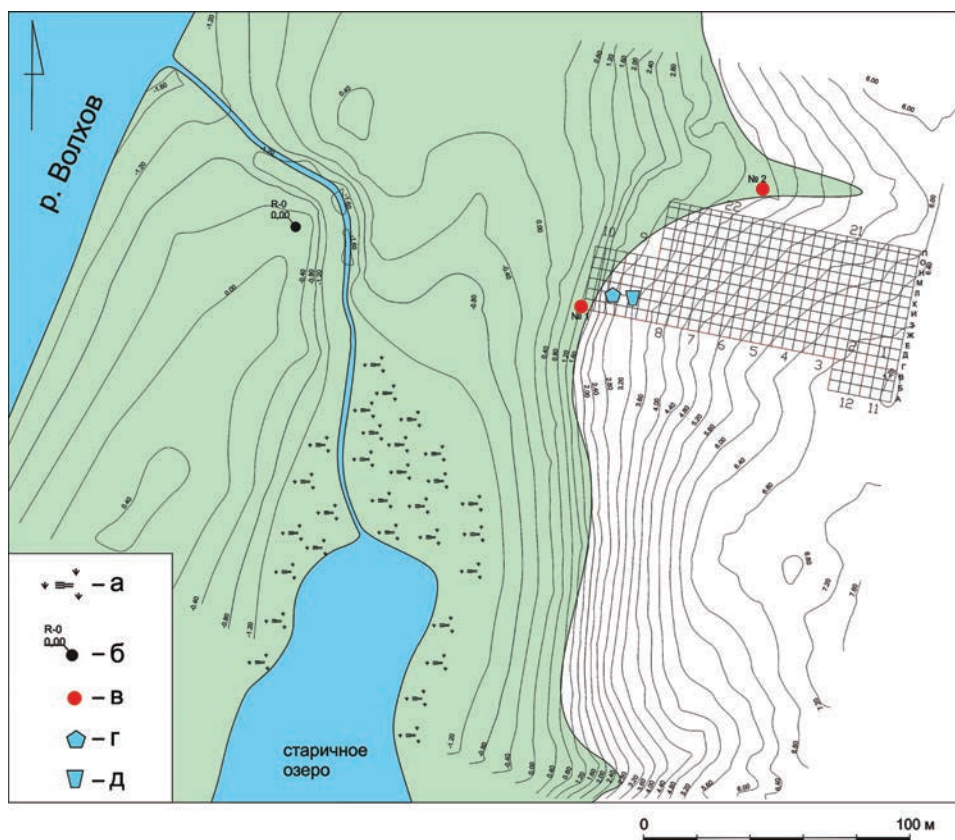


Рис. 3. Селище Ситно 2016 г. Заливкой обозначена предполагаемая береговая линия водоёма периода максимума ладожской трансгрессии (высотная отметка ок. 20, 23 БС). *а* – заболоченная пойма; *б* – нулевой репер раскопа; *в* – места болотных разрезов; *г* – место находки развала сосуда эпохи бронзы; *д* – место находки шлифованного тесла

около рубежа эр. Точку зрения М. В. Шитова разделяет и А. Л. Александровский, которым для верхней части озерных глин на Земляном городище получена, однако, более ранняя датировка: 2650 ± 60 л. н. (Кi-13033) (Александровский и др., 2010. С. 47–53)¹.

Вопрос о том, какого уровня в период максимума ладожской трансгрессии достигала вода в устье Волхова, тоже вызывает споры. Различные высоты называются порой одними и теми же исследователями. По одним данным, этот уровень около 1500 л. до н.э. достиг отметки 18–19 БС (Субетто, 2007. С. 400, 401). По другим источникам, он мог достигать отметки 21 БС (Сакса, 2006. С. 40; Герасимов, Субетто, 2009. С. 46) или даже 22 БС (Амантов и др., 2016. С. 43). Волхов представлял собой в этот период подобие проточного озера. В его долине

¹ Предполагается, что за несколько лет или десятилетий уровень воды в Ладожском озере упал, по разным оценкам, на 10 м (Ладога, 2013. С. 43) или 12 м (Сакса, 2006. С. 38).

с ладожской трансгрессией обычно соотносятся отложения серо-голубой аллювиальной глины (Александровский и др., 2010. С. 45; Александровский, 2012. С. 60; Александровский, Долгих, 2012. Рис. 3).

Представления о высотной отметке максимума ладожской трансгрессии в истоке реки и на Ильмене дают четыре объекта: селище Ситно, Рюриково городище, стоянка на Липенском холме и Наволокский торфяник (рис. 2).



Рис. 4. Селище Ситно 2016 г. Разрез 1. Отбор образцов в металлические контейнеры

Селище Ситно (исследования И. И. Еремеева, 2016 г.)

При раскопках средневекового поселения (исследовано более 5000 м²), в пойме правого берега Волхова вскрыта толща отложений из чередующихся слоев аллювия и торфа (общей мощностью 2 м), лежащая на серо-голубой глине (мощность последней не менее 2 м). Для подробной характеристики отложений был выбран юго-западный угол раскопа (разрез 1), находящийся примерно в 12 м от края надпойменной террасы (рис. 3, 4).

Таблица 1. Селище Ситно 2016 г. Разрез 1. Стратиграфия

Контекст, №	Глубина, м	Литология	Археологические находки	Датировки ¹⁴ C, ВР*
1	0–0,30	Бурая супесь с корнями растений (современный дерновый слой)	–	
2	0,30–0,45	Серый супесчаный пойменный аллювий с прослойками органики (современный)	Обломки досок, головная часть артиллерийского снаряда 1941 г.	
3	0,45–0,60	Серо-желтый супесчаный пойменный аллювий с прослойками органики. 1-й трансгрессивный горизонт (верхний). Увеличивается по мощности в сторону поймы	Обтесанные топором колья	
4	0,60–0,85	Торф с примесью песка. Горизонт торфа 1 (верхний)	Щепа	190 ± 100 (Le-11509) 200 ± 45 (Le-11518)
5	0,85–0,90	Серый супесчаный пойменный аллювий. 2-й трансгрессивный горизонт (средний). Выклинивается в сторону поймы, распадаясь на мелкие прослойки	Обрубленные ветки, колья, щепа	
6	0,90–1,30	Торф с тонкими прослойками глинистого аллювия, ветками, щепой, с обожженными и колотыми очажными камнями (изредка). Горизонт торфа 2 (средний)	Обрубленные ветки, щепа	340 ± 60 (Le-11516) 430 ± 60 (Le-11517) 460 ± 40 (Le-11514) 560 ± 55 (Le-11515) 740 ± 60 (Le-11513) 840 ± 50 (Le-11510)
7	1,30–1,45	Серый супесчаный пойменный аллювий с прослойками сильно разложившейся (черного цвета) растительной органики. 3-й трансгрессивный горизонт (нижний). Выклинивается в сторону поймы	Подтесанные колья и обрубленные ветки	

Новые археологические данные о динамике увлажнения Северо-Запада России...

8	1,45–2,00	Торф с ветками, щепой, подтесанными кольями, с колотыми и обожженными очажными камнями. Горизонт торфа 3 (нижний)	Щепа, обрубленные ветки, фрагменты обработанных топором кольев, фрагмент придонной части лепного гладкостенного сосуда. Кроме того, фрагмент реберчатого лепного сосуда был найден близ границы торфа и серо-голубой глины за пределами разреза 1	430 ± 80 (Ле-11504)** 1050 ± 50 (Ле-11507) 1090 ± 30 (Ле-11508) 1150 ± 50 (Ле-11505) 1155 ± 25 (Ле-11506) 1250 ± 30 (Ле-11512) 1850 ± 90 (Ле-11511)
9	2,00 – более 4,00	Серо-голубая однородная озерно-аллювиальная глина (условный материк). Отложения ладожской трансгрессии	–	

* Жирным шрифтом отмечены датировки, полученные по торфу. Остальное – дерево.

** Выбывающая из общего ряда поздняя датировка связана, вероятно, с колом, забитым с уровня вышележащих напластований.

Начало формирования горизонта торфа с прослойками аллювия датируется лепной керамикой «ладожского типа» и серией радиоуглеродных дат, указывающих на последнюю четверть I тыс. н.э. (см. табл. 1). Одна датировка, полученная по торфу, указывает при калибровке (2σ) на интервал 38 BC – 384 AD (Ле-11511). Как увязать столь раннюю дату с керамикой «ладожского типа», пока неясно – возможно, фрагмент был втопан в тонкий слой торфа.

Абсолютная отметка поверхности слоя серо-голубой глины в разрезе 1 – 18,25 BC. Этот же слой, но значительно меньшей мощности, при хозяйственных работах был прорезан экскаватором в овраге к северу от селища (разрез 2). Здесь его поверхность фиксируется на отметке 20,23 BC, а мощность составляет 0,7 м. Он здесь лежит на маломощном торфянике, из которого удалось отобрать образец, указывающий на раннее послеледниковье (к единичной датировке по торфу нужно относиться с осторожностью) (см. табл. 2).

Таблица 2. Селище Ситно 2016 г. Разрез 2. Стратиграфия

Контекст, №	Глубина, м	Литология	Археологические находки	Датировки ¹⁴ C, BP
1	0,00–0,20	Современный дерновый слой	–	
2	0,20–1,70	Торф с древесными остатками	–	
3	1,70–2,40	Серо-голубая озерно-аллювиальная слоистая глина с мелкими растительными остатками	–	
4	2,40–2,60	Торф	–	10340 ± 60 Ле-11519
5	2,60 – более 3,50 м	Серо-голубая озерно-аллювиальная слоистая глина	–	

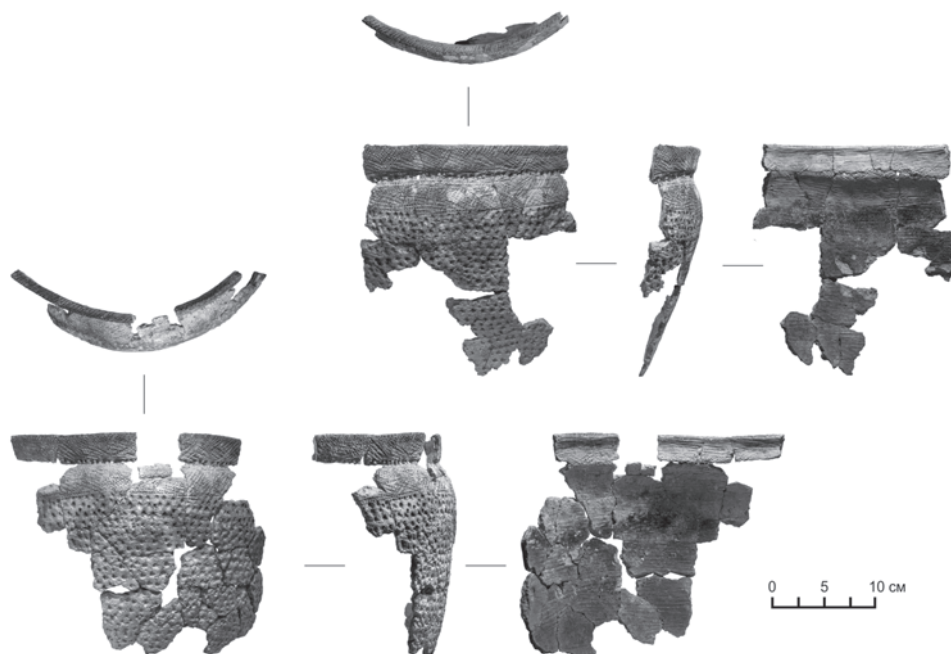


Рис. 5. Селище Ситно 2016 г. Фрагменты развала сосуда эпохи раннего металла

С большой долей вероятности следует сопоставить слой серо-голубой глины («зажатый» между датами 10340 ± 60 и 1850 ± 90 ВР) с отложениями ладожской трансгрессии, накопившимися в прибрежной части и в небольшом заливе связанного с ней водоема².

На краю современной надпойменной террасы вскрыт участок культурного слоя стоянки эпохи раннего металла с развалами двух сосудов с текстильной поверхностью. Наиболее полно сохранившийся сосуд, найденный в двух больших фрагментах, может быть предположительно отнесен к раннему периоду культуры текстильной (сетчатой) керамики (рис. 5). Ближайшие в территориальном отношении аналогии такой посуде можно указать на поселении Усть-Рыбежна 2 в Южном Приладожье (Юшкова, 2015. Рис. 6: 1).

Серо-голубая глина слоя стоянки не перекрывает (она залегает ниже по склону террасы), но поверх культурного слоя зафиксирована прослойка серо-желтой аллювиальной супеси толщиной 0,1–0,2 м. Слой находился на высоте 19,5 БС. Можно предположить, что он располагался на кромке берега и на непродолжительное время оказался перекрыт водами ладожской трансгрессии. Неподалеку от развала сосуда найдено несколько каменных орудий (рис. 6).

² Датировки не определяют конец и начало трансгрессии. Они указывают лишь на интервал, в пределах которого она имела место.



Рис. 6. Селище Ситно 2016 г. Каменные орудия. 1 – тесло; 2 – фрагмент шлифованного каменного орудия; 3 – кремневый скребок с края надпойменной террасы Волхова



Рис. 7. Липенский 2016 г. Раскоп 1. Южная стенка. Нумерация слоев соответствует контекстам в таблице 3

Таким образом, самая верхняя зафиксированная отметка залегания предполагаемых отложений ладожской трансгрессии в Ситно составляет около 20,23 БС.

Рюриково городище (раскопки Г. П. Гроздилова, 1935 г.)

Стратиграфическая ситуация, похожая на Ситно, вскрыта раскопками в мысовой части Рюрикова городища. Здесь также слой с лепной средневековой керамикой лежит на горизонте серо-голубой озерно-аллювиальной глины, которую подстилает неолитический культурный слой (Носов, 1990. С. 25–30). Верхняя зафиксированная отметка серо-голубой глины на мысу Рюрикова городища примерно 19 БС.

Липенский холм (исследования И. И. Еремеева, 2016 г.)

Траншея была заложена здесь в пойме Ильменя к юго-востоку от каменного храма. На отметке 21,12 БС был вскрыт участок культурного слоя стоянки эпохи неолита и энеолита (рис. 7). Слой в верхней своей части содержит единичные находки средневековой эпохи и перекрыт супесчаным озерным наносом (следы трансгрессии XI–XIII вв. н.э.). Есть здесь и более поздние озерные и антропогенные напластования, не имеющие отношения к рассматриваемой теме.

Ориентируясь на керамический материал, можно выделить две предполагаемые фазы существования древнейшего поселения на Липне. Первая фаза связана с кругом древностей с ромбо-ямочной керамикой, относящейся к позднему неолиту – энеолиту (рис. 8). Датировка памятников этого круга определяется в пределах IV тыс. до н.э. – середины II тыс. до н.э. (Тимофеев, 1993. С. 30; Витенкова, 2016. С. 118–122). Возможно, к этой же фазе следует отнести фрагмент со шнуровым орнаментом. Проникновение шнуровой керамики в восточную часть Финского залива датируют III тыс. до н.э. (Холкина, 2017. С. 7, 27).

Вторая фаза тоже связана с энеолитом, но относится к завершающим этапам вышеупомянутого хронологического интервала. Она определяется присутствием текстильной керамики без примеси дресвы в тесте. Исследования последних лет фиксируют появление текстильной керамики в Эстонии и в восточной части Финского залива – в III тыс. до н.э. (Крийска, Лавенто, 2007. С. 244, 245, 248; Холкина, 2017. С. 18, 23). Ранняя (с органической примесью) текстильная керамика

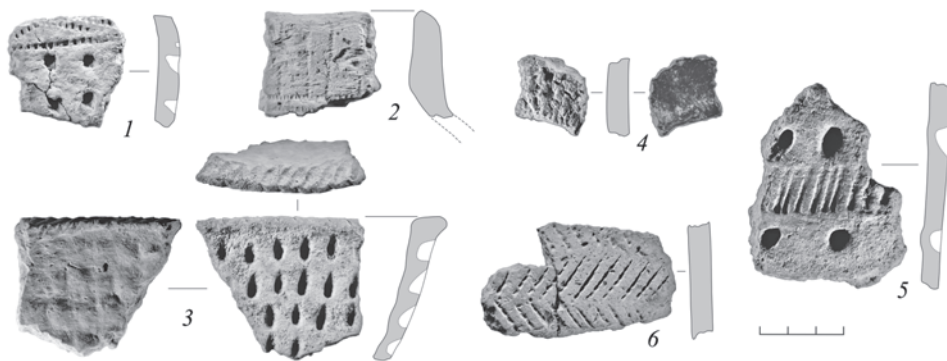


Рис. 8. Липно 2016 г. Раскоп 1. Керамика эпохи неолита – энеолита из культурного слоя

на ближайшем к дельте Мсты исследованном памятнике – стоянке Сяберское III в Полужье – привязана к двум радиоуглеродным датам ВР: 3480 ± 90 (Ле-3133) и 3595 ± 150 (Ле-3138) (Тимофеев, 1993. С. 32).

Выделенные фазы достаточно условны. Нельзя исключать существования на Липенском холме в рамках III тыс. до н.э. поселения, сочетающего разнообразные керамические традиции (ромбо-ямочную, шнуровую и текстильную).

Существенно другое. В культурный слой был впущен очажок, давший радиоуглеродную дату, указывающую на раннее средневековье: 1320 ± 80 (Ле-11425). Поблизости найдены также бронзовые предметы этого времени: игла от фибулы и орнаментированное шильце (?) (рис. 9). Это значит – отложения эпохи неолита – энеолита и раннего средневековья не разделены озерными отложениями, как на Рюриковом городище.

Значит, ладожская трансгрессия в Северном Приильменье не достигала отметки 21 БС.

Наволоцкий торфяник (исследования И. И. Еремеева и О. Ф. Дзюбы, 2003 г.) Разрез, заложенный в пойме Ильменя на отметке около 19 БС, вскрыл толщу торфяника, перекрытую озерными отложениями средневекового времени. Материалы подробно опубликованы (Еремеев, Дзюба, 2010). Древнейшая дата разреза получена с отметки ок. 17,5 БС: 3270 ± 35 ВР (Ле-6723). Следов ладожской трансгрессии в виде сколько-нибудь заметной прослойки озерных отложений в разрезе не было зафиксировано вовсе. Пока трудно сказать, чем можно это объяснить. Возможно, обследованный участок торфяника был в это время изолирован от озера какими-нибудь не сохранившимися береговыми валами. Кажется, будь уровень ладожской трансгрессии на Ильмене выше 21 БС – он не мог бы не отразиться на наволоцком разрезе. Вряд ли можно представить какие-то формы рельефа высотой более 2 м, отделявшие торфяник от озера. Следует учитывать и возможную усадку торфа в последующее засушливое время, когда на этом месте рос лес.

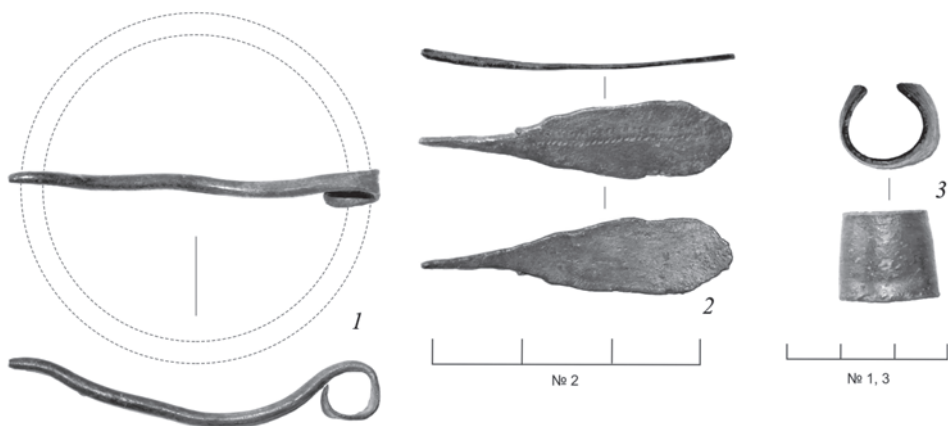


Рис. 9. Липно 2016 г. Раскоп 1. Изделия из медного сплава. 1 – игла от фибулы; 2 – шильце (?); 3 – обойма рукояти ножа

Таблица 3. Липенский холм 2016. Раскоп 1. Стратиграфия

Контекст, №	Глубина, м	Литология	Археологические находки	Датировки ¹⁴ C
1	0,00–0,20 22,38 БС	Темно-серая супесь (огородный слой XIX– XX вв.)	Фрагменты белостенной гончарной керамики XVI–XVII вв. и более поздних сосудов, бутылочное и оконное стекло, обломки кирпича, кости животных. Единично-мелкие фрагменты лепной керамики с примесью органики в тесте	
2	0,20–0,25	Серо-желтая супесь, озерные отложения	Фрагменты белоглиняной гончарной керамики XVI–XVII вв., кости животных. Два железных кованых гвоздя и обломок железного пробоя. Мелкие фрагменты древнерусской гончарной керамики. Разница в составе керамических фрагментов, найденных выше и ниже гумусированной прослойки, отсутствует	
3	0,25–0,35	Гумусная прослойка (почвенный горизонт, отражающий временное обсыхание поймы)		
4	0,35–0,45	Серо-желтая супесь, озерные отложения		
5	0,45–0,50	Желтый песок озерного происхождения с включениями серого гумуса. Прослойка не имеет сплошного характера и читается на стенках раскопа фрагментарно	–	
6	0,50–0,68	Серо-бурая супесь с мелкими угольками (культурный слой Никольского монастыря XIII– XVI вв.)	Фрагмент текстильной керамики с органической примесью в тесте; мелкий фрагмент лепного сосуда с примесью дровы в тесте, два неопределимых железных предмета. Преобладают мелкие обломки гончарной посуды древнерусского времени. Единично представлены мелкие отщепы кремня. Здесь же найден обломок гончарного белостенного сосуда, указывающий на время, когда культурный слой начал перекрываться озерными отложениями	
7	0,68–0,88	Темно-желтая супесь с прослойками ожезнения, в нижней части горизонта по периметру стенок раскопа прослеживается прослойка крупного песка с галькой. Озерные отложения	–	

8	0,88–0,98	Светло-серая супесь с угольками. Перемытый и запечатанный озерными отложениями культурный слой эпохи энеолита с перекрывающим его горизонтом VII–IX вв. н.э.	Из верхней части слоя происходит несколько мелких фрагментов гончарной древнерусской керамики X–XII вв. Единичным фрагментом представлена лепная керамика (раннесредневековая?) с примесью дресвы в тесте. Фрагменты лепных сосудов с органическими примесями: с ямочным и гребенчатым орнаментом, а также отдельные фрагменты с текстильной поверхностью. 19 отщепов кремня, кости животных. Две находки из медного сплава относятся к раннему средневековью: игла от фибулы и неопределимый предмет с орнаментом (шильце?)	1320 ± 80 BP (Je-11425)
			С этого уровня в слой впущен небольшой очажок (размеры ямки: 0,55 × 0,50 м; глубина: до 0,20 м). Абсолютная отметка: 21,29 БС. Рядом с ним зафиксирована столбовая ямка	
9	0,98–1,10	Серая супесь с мелкими угольками (в описи находок: серая супесь с угольками – 2). Перемытый культурный слой	Фрагменты керамики с органической примесью: с ямочным и гребенчатым орнаментом и фрагменты с текстильной поверхностью. Несколько небольших обожженных булыжников	
10	1,10–1,24	Светло-серая супесь с большим количеством глинистых частиц. Встречаются мелкие угольки (в описи находок: серая супесь с угольками – 2). Перемытый культурный слой	Лепная керамика с органическими примесями двух типов: фрагменты с различными вариантами ямочного и гребенчатого орнамента и фрагменты с текстильной поверхностью	
11	1,24 – 21,12 БС	Серо-коричневый суглинок (материк)	–	

С некоторым подъемом воды, обусловленным ладожской трансгрессией, здесь можно предположительно связывать разве что прослойку торфа с примесью песка на глубине 0,65–0,80 м (отметка около 18,5 БС). Датировка этой прослойки определяется двумя датами BP: снизу – 2680 ± 100 (Je-6999), сверху – 2180 ± 140 (Je-7000) (Еремеев, Дзюба, 2010. Табл. 3. Рис. 25а).

Итак, все сказанное позволяет сделать вывод, что ладожская трансгрессия на Ильмене не превышала отметки 21 БС, т.е. уровня среднего современного паводка. Подсчеты исследователей, реконструирующих уровень трансгрессии выше этих отметок, вплоть до высот порядка 30 БС (Васильева, 2013; Васильева и др., 2012), с учетом археологических данных представляются нереальными. Наши данные подтверждают старую точку зрения Д. Д. Квасова, полагавшего, что подпор ладожской трансгрессии не оказал существенного воздействия на уровень Ильменя, подняв его максимум на 1–2 м выше отметок, близких к современным (Квасов, 1975. С. 133).

Прорыв Невы и спуск Ладожского озера, несомненно, привели к существенному снижению уровня Ильменя. От воды освободились значительные площади (в первую очередь, в Восточном Приильменье), на которых началось формирование плодородных аллювиальных почв. Безусловно, на протяжении I тыс. н.э. – первой половины I тыс. н.э. уровень озера также менялся, но об этом нет данных, поскольку нет датированных археологических памятников, привязанных к поймам. Больше информации появляется с середины I тыс. н.э. В этот период гляциоизостатическое движение котловины Ладожского озера уже не оказывало существенного влияния на Ильмень, уровень воды в нем определялся колебаниями климата.

Пока можно уверенно говорить, что в VII–IX вв. средний уровень воды в озере находился на отметках, существенно более низких, чем в наши дни (последний составляет 18 БС). Об этом свидетельствуют следующие объекты.

Рюриково городище (раскопки Е. Н. Носова, 2000–2003 гг.)

Известно, что в IX в. городище было укреплено рвом и песчаным валом с городными. Как показали раскопки южной части вала (на северном берегу Сиверсова канала), он был насыпан на рыхлом песке пляжа на отметках около 19–21 БС. Среднее превышение паводковых вод над меженным уровнем на Ильмене составляет 3 м. Иначе говоря, чтобы строительство вала было целесообразным, меженный уровень озера должен был находиться на высотах порядка 16 м или ниже. В другом случае строительство в пойме вала было бессмысленно – он сразу был бы подмыт паводком.

Мы не знаем точно, сколько десятилетий простоял вал, но достоверно можно сказать, что к началу X в. (к моменту существования известных хлебных печей на месте заплывшего рва) укрепления действительно были сильно разрушены разливами и потеряли военное значение.

Примерную высоту паводков конца IX – начала X в. можно рассчитать по нивелировкам линии осыпи вала в том месте, где она переходит в заполнение промоины у его подножия. Эта высота составляет около 19–20 БС.

Селище Ситно (исследования И. И. Еремеева, 2016 г.)

Как уже было сказано, в пойме Волхова на поверхности глинистых отложений ладожской трансгрессии торфонакопление на отметке 18,25 БС началось незадолго перед появлением на селище керамики «ладожского типа» или одновременно с этим. Напомню, что торфяные отложения с лепной реберчатой керамикой датированы по двум наиболее ранним образцам: 1850 ± 90 ВР (Ле-11511) по торфу и 1250 ± 30 ВР (Ле-11512) по дереву.

Наволочский торфяник (исследования И. И. Еремеева и О. Ф. Дзюбы, 2003, 2008 гг.)

В средневековье на поверхности торфяника начал откладываться глинистый сапропель озерного происхождения. Это следует связывать с трансгрессией озера Ильмень, обусловленной климатическими факторами.

Исходными данными для датировки трансгрессии служили три обстоятельства. Во-первых, в слое сапропеля на спорово-пыльцевой диаграмме фиксируется сравнительное устойчивое присутствие культурных злаков – ржи и пшеницы. Бесспорные следы начала культивации ржи на Северо-Западе датируются VIII–IX вв. (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 361). В некоторых регионах Прибалтики сле-

ды начальной культивации ржи, по материалам спорово-пыльцевых исследований, также отнесены ко времени около 850 г. (*Brown, Pluskowski, 2013. P. 36*). Есть, однако, и данные, значительно удрежняющие самостоятельное введение ржи в севооборот. Для Эстонии исследователи считают возможным говорить о VI в. (*Poska et all., 2004. P. 47; Tvauri, 2012. P. 104*).

Во-вторых, для верхнего горизонта торфа, погребенного озерными отложениями в Наволоке, получена радиоуглеродная дата 1420 ± 70 BP (Ле-6719), давшая при калибровке интервал 540–680 AD (1 σ).

В-третьих, большие возможности для датировки изменений гидрологического режима Ильменя в поздней субатлантике дает верхний «пограничный горизонт» Наволокского торфяника – прослойка сильно разложившегося торфа с крупными древесными остатками, лежащая в диапазоне глубин 0,33–1,00 м от поверхности, т.е. на отметках порядка 18,5 БС, сразу же под слоем озерных отложений. Среди древесных стволов попадаются огромные экземпляры до 0,70 м в поперечнике (рис. 10).

Эта прослойка отмечена еще М. М. Юрьевым, первым исследователем Наволокского торфяника (*Юрьев, 1927. С. 249*). Погибший лес он соотнес с «древесными» горизонтами других торфяников в дельте Мсты, фиксирующимися на глубине около 0,5–1 м (*Юрьев, 1927. С. 243–247, 249*). Кроме того, аналогичные горизонты выявлены в торфяниках дельты Ловати и близ устья р. Шелони (*Юрьев, 1927. С. 220, 247*). Ландшафтная ситуация, соответствовавшая этому периоду, охарактеризована так:



Рис. 10. Наволокский торфяник 2008 г. Погребенная древесина в верхних пластах отложений. 1 – толща озерно-аллювиальных отложений (торфянистый сапропель); 2 – предполагаемый первоначальный диаметр древесного ствола

«Существовавший здесь некогда водный бассейн не только сократился в размерах, но совершенно исчез, уступив свое место древесной и травяной растительности, пышно развившейся на речных и озерных отложениях. <...> Торфяники нижнего течения реки Мсты в этом отношении представляют собою ту же самую историю развития. Нередко, согласно приводимым данным, мы встречаемся с дубовыми насаждениями в пойме реки Мсты, встречаемся и со случаями усыхания реки, в связи с общим понижением уровня вод в момент потепления климата. Наконец, погибают пойменные дубравы под напором развивающихся процессов заболачивания, и на месте их возникают травяно-осоковые болота, развиваются значительной мощности торфяники, которые, благодаря все повышающемуся уровню вод в Ильменском бассейне, перекрываются аллювиальными отложениями, оставаясь погребенными под ними до настоящего времени» (Юрьев, 1927. С. 248).

Подобные «пограничные горизонты» в торфяниках исследователи давно связали с вековыми сухими климатическими периодами (Сукачев, 1973. С. 208–213). Зарастание торфяников поймы Мсты М. М. Юрьев соотносил с суббореальным периодом, а гибель лесов – с субатлантическим (Юрьев, 1927. С. 248, 249).

В 2008 г. из верхнего «пограничного горизонта» Наволокского торфяника были отобраны два древесных ствола. Из каждого было взято по 2 образца, по которым строилась затем комбинированная дата. Таким образом были получены две близкие датировки: 1181 ± 30 ВР, давшая при калибровке интервал 750–900 AD (1 σ), и 1003 ± 21 ВР, давшая интервал 1000–1050 AD (1 σ).

В целом картина получилась достаточно непротиворечивая. Высокоствольный лес с хорошо развитыми деревьями, покрывавший Наволокский торфяник в последней четверти I тыс. н.э., в своей береговой части рос на высотных отметках примерно 18,5 БС. Это нельзя не связать с сухим климатическим периодом, длившимся достаточно продолжительное время. Торфяник в этот период, несомненно, сильно высох, поверхность его осела и уплотнилась³. Огромные деревья чувствовали себя здесь в этот период так же хорошо, как и на минеральном грунте.

Такие комфортные условия для лесной растительности не могли существовать при уровне воды в озере выше 16 БС. В IX–X вв. деревья погибли в результате подъема воды в озере. Упавшие стволы вдавились в уплотненный торф более раннего времени (отсюда, возможно, запаздывание датировок древесины по отношению к датировке верхнего горизонта торфяника).

В X–XI вв. на фоне интенсификации земледелия (отложения пыльцы ржи в спектрах) трансгрессия продолжается, и торфяник заносит озерными отложениями.

Остается добавить, что полученные в Наволоке датировки хорошо коррелируют с датами начала интенсивного торфонакопления в волховской пойме возле селища Ситно (1050 ± 50 ; 1090 ± 30 ; 1150 ± 24 ; 1155 ± 25 ; 1250 ± 30 ВР).

Таким образом, мы подходим к заключению, что в период VIII–IX вв. межженный уровень Ильменя и Волхова в его истоках не превышал отметок порядка 16 БС, т.е. был ниже современного не менее чем на 2 м (возможно – значительно ниже).

Из этого следует важный исторический вывод. Населению, обитавшему на Ильмене во второй половине I тыс. н.э., были доступны (главным образом

³ Ежегодная усадка торфа при осушении торфяных почв составляет 1–2 см (Наутов, 2008. С. 110).

в Восточном Приильменье) огромные площади угодий, на которых после спада вод ладожской трансгрессии в первой половине I тыс. н.э. сформировались легкие и плодородные почвы на озерных отложениях. Часть этих почв была использована в раннем средневековье под пашни. Об этом говорят следы распашки в пойме у подножия Рюрикова городища (Носов и др., 2017. Рис. 126). Большой же частью, вероятно, пойменные угодья использовались для скотоводства.

Интересно, что древнейшие городища в Центральном Приильменье: Городок на Ловати; Городок на Маяте, Бронница, Рюриково городище – расположены таким образом, что по дуге (с севера, востока и юга) охватывают это восточное пойменное пространство (рис. 11). Расположение городищ наводит на мысль о том, что

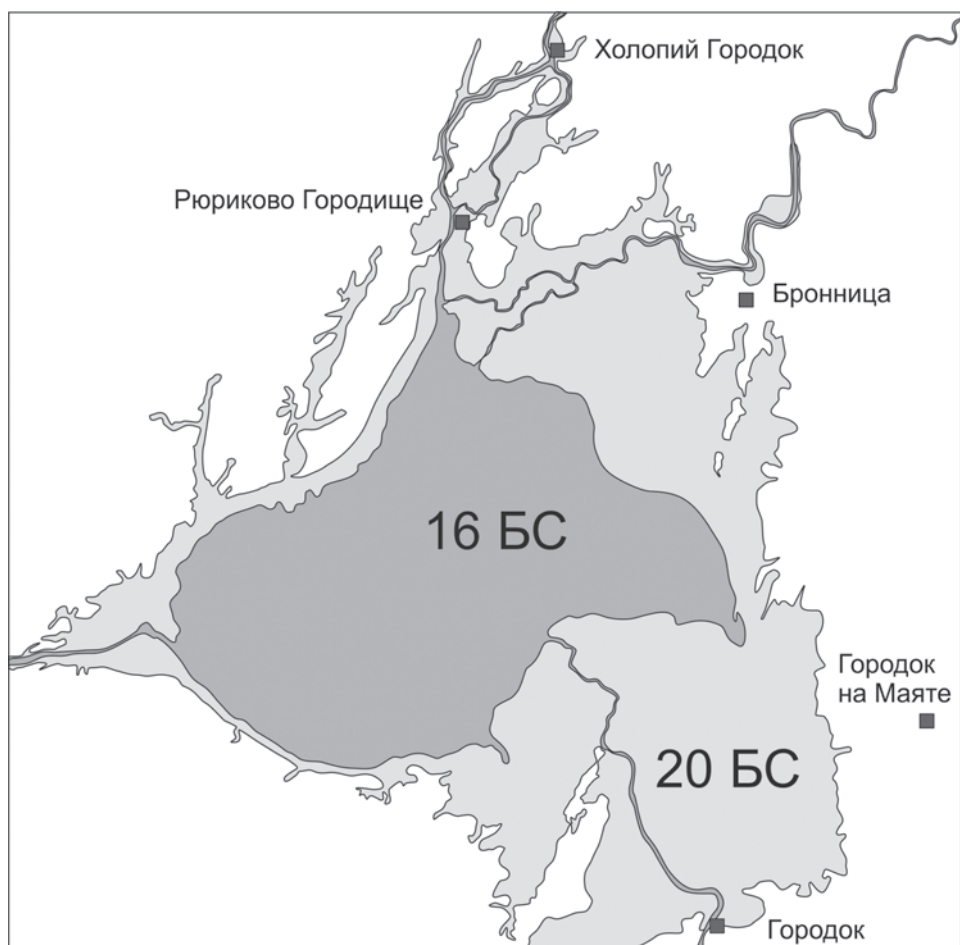


Рис. 11. Древнейшие городища в Приильменской котловине и предполагаемые границы озера в период максимума ладожской трансгрессии (20 БС) и в VII–IX вв. (16 БС)

поймы и были главным богатством населения Центрального Приильменья и что городки защищали в первую очередь пасшийся там скот. Речь, разумеется, идет о периоде с раннего железного века до IX–X вв.

На протяжении IX–XI вв. по целому ряду источников фиксируется подъем уровня воды в озере примерно до современных отметок. За этот период происходят три реперных события:

1. Гибнет подтопленный лес на Наволокском торфянике (ок. 18 BC).
2. Разрушается паводками пойменная часть вала Рюрикова Городища (ок. 19 BC).
3. Активизируется торфонакопление в пойме Волхова на селище Ситно (ок. 18 BC).

Хронологические детали этого единого процесса мы пока не можем уловить, но наличие тенденции – несомненно. Все это свидетельствует о том, что трансгрессия, начавшаяся, вероятно, не позднее середины I тыс. н.э., к X в. привела уже к качественным изменениям в экологической ситуации и к новой географической реальности, которая и сопутствовала формированию древнерусской сети речных путей и перестройке системы земельных угодий вокруг Ильменя. С X в. поймы перестают играть главную роль в хозяйстве населения Приильменья.

Литература

- Александровский А. Л.*, 2012. Радиоуглеродный возраст пахотного горизонта под культурным слоем Земляного городища Старой Ладogi // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья*. Вып. 3 / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Нестор-История. С. 59–61.
- Александровский А. Л., Арсланов Х. А., Давыдова Н. Н., Долуханов П. М., Зайцева Г. И., Кирпичников А. Н., Кузнецов Д. Д., Лавенто М., Лудикова А. В., Носов Е. Н., Савельева Л. А., Сапелько Т. В., Субетто Д. А.*, 2009. Новые данные относительно трансгрессии Ладожского озера, образования реки Невы и сельскохозяйственного освоения Северо-Запада России // *Доклады РАН*. Т. 424, № 5. С. 682–687.
- Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефедов В. С.*, 2010. Исследования почв и отложений под культурным слоем Земляного городища Старой Ладogi // *Краеугольный камень*. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1 / Отв. ред.: Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М.: Ломоносовъ. С. 43–61.
- Александровский А. Л., Долгих А. В.*, 2012. Почвенно-географические исследования в Старой Ладoge в 2010 г. // *Староладожский сборник*. Вып. 9 / Отв. ред. А. А. Селин. СПб.; Старая Ладога: Староладожский ист.-архит. и археол. музей-заповедник. С. 69–78.
- Амантов А. В., Амантова М. Г., Рябчук Д. В., Сергеев А. Ю., Гусенцова Т. М., Жамойда В. А., Фьелдскар В.*, 2016. Проблемы голоценового развития Южного Приладожья // *Региональная геология и металлогения*. 2016. № 65. С. 37–49.
- Васильева Н. В.*, 2013. Формирование, развитие и современное состояние водных объектов Великого Новгорода: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. СПб. 23 с.
- Васильева Н. В., Субетто Д. А., Вербицкий В. Р., Кротова-Путищева А. Е.*, 2012. История формирования Ильмень-Волховского бассейна // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. № 153 (2). С. 141–150.
- Витенкова И. Ф.*, 2016. Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбо-ямочной керамикой). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. 205 с.

- Герасимов Д. В., Субетто Д. А.*, 2009. История Ладожского озера в свете археологических данных // Известия РГПУ им. Герцена. № 106. С. 37–49.
- Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.*, 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки: археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История. 667 с.
- История Ладожского, Онежского, Псковско-Чудского озер, Байкала и Ханки / Отв. ред. Д. Д. Квасов. Л.: Наука, 1990. 279 с.
- Квасов Д. Д.*, 1975. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.: Наука. 278 с.
- Крийска А., Лавенто М.*, 2007. «Текстильная керамика» в Эстонии в свете датирования нагара на фрагментах сосудов с использованием ускорительной масс-спектрометрии (AMS) // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: материалы конф. СПб.: ИИМК РАН. С. 243–250.
- Ладога / Под. ред. В. А. Румянцева, С. А. Кондратьева. СПб.: Нестор-История, 2013. 467 с.
- Лак Г. Ц., Эжман И. М.*, 1975. О трансгрессиях Ладожского озера в голоцене // Доклады АН СССР. Т. 222, № 1. С. 175–178.
- Наумов В. Д.*, 2008. География почв: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Колос. С. 287 с.
- Носов Е. Н.*, 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука. 211 с.
- Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.*, 2017. Рюриково городище: новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин. 285 с. (Труды ИИМК РАН; т. XLIX.)
- Сакса А. И.*, 2006. Карельский перешеек: формирование природного и историко-географического ландшафта // АЭАЕ. Вып. 2 (26). С. 35–44.
- Субетто Д. А.*, 2007. История формирования Ладожского озера и его соединения с Балтийским морем // Общество. Среда. Развитие (Тетра Human). № 1. С. 111–120.
- Субетто Д. А.*, 2009. Донные отложения озер: палеолимнологические реконструкции. СПб.: Изд-во РГПУ. 342 с.
- Сукачев В. Н.*, 1973. О пограничном горизонте торфяников в связи с вопросом о колебании климата в послеледниковое время // Сукачев В. Н. Избранные труды. Т. 2: Проблемы болотоведения, палеоботаники и палеогеографии. Л.: Наука. С. 208–217.
- Тимофеев В. И.*, 1993. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики) / Ред. В. М. Массон. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 8–34.
- Холкина М. А.*, 2017. Керамика эпохи раннего металла восточной части Финского залива: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 33 с.
- Шитов М. В.*, 2007. Голоценовые трансгрессии Ладожского озера: автореф. дис. ... канд. геолого-минералогических наук. СПб. 16 с.
- Шитов М. В., Бискэ Ю. С., Плешивецова Э. С., Марakov А. Я.*, 2005. Позднеголоценовые изменения уровня Волхова в районе Старой Ладоги // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. Вып. 4. С. 3–16.
- Юрьев М. М.*, 1927. Погребенные торфяники нижнего течения Мсты // Почвы пойм в районе р. Волхова и оз. Ильменя: Работы Почвенного отряда Отдела изысканий, произведенные под руководством Л. И. Прасолова. Л.: Строительство гос. Волховской гидроэлектрической силовой установки. С. 243–249. (Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна; вып. XVI.)
- Юшкова М. А.*, 2011. Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России: дис. ... канд. ист. наук. СПб. 386 с.
- Юшкова М. А.*, 2015. Памятники культуры сетчатой керамики в Южном Приладожье // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные ком-

плексы в контексте современных археологических исследований / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Кунсткамера. С. 278–318. (Замятнинский сборник; вып. 4.)

- Aleksandrovskii A. L., Arslanov Kh. A., Davydova N. N., Doluchanov P. M., Zaitseva G. I., Kirpichnikov A. N., Kuznetsov D. D., Lavento M., Ludikova A. V., Nosov E. N., Savel'eva L. A., Sapelko T. V., Subetto D. A.*, 2009. New Data on the Ladoga Transgression, the Neva River Formation, and Agricultural Development of North-western Russia // *Doklady Earth Sciences*. 2009. Vol. 425, № 2. P. 274–278.
- Brown A., Pluskowski A.*, 2013. Medieval Landscape Transformation in the Southeast and Eastern Baltic: Palaeoenvironmental Perspectives on the Colonisation of Frontier Landscapes // *Archaeologia Baltica*. 20. Klaipėda: Klaipėda University Press. P. 24–46.
- Dolukhanov P.*, 1995. The Holocene environment and prehistoric settlement in the Northeastern Baltic Area // *Fennoscandia archaeologica XII* (1995). Helsinki: The Archaeological Society of Finland. P. 25–33.
- Dolukhanov P. M., Subetto D. A., Arslanov Kh. A., Davydova N. N., Zaitseva G. I., Kuznetsov D. D., Ludikova A. V., Sapelko T. V., Savelieva L. A.*, 2010. Holocene oscillations of the Baltic Sea and Lake Ladoga levels and early human movements // *Quaternary International*. Vol. 220, iss. 1–2. P. 102–111.
- Poska A., Saarse L., Veski S.*, 2004. Reflections of pre- and early-agrarian human impact in the pollen diagrams of Estonia // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. Vol. 209, iss. 1–4. P. 37–50.
- Tvauri A.*, 2012. The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia. Tartu: University of Tartu Press. 384 p. (Estonian Archaeology; vol. 4.)

I. I. Ereemeev

NEW ARCHAEOLOGICAL DATA ON THE DYNAMICS OF MOISTURE IN THE NORTH-WEST OF RUSSIA IN THE II MILLENNIUM B.C. – I MILLENNIUM A.D. (BASED ON THE DATA FROM THE SETTLEMENTS OF ILMEN-VOLKHOV REGION)

Summary. The processes of fluctuation of level of the Lake Ilmen happening in the II thousand BC – the I thousand AD are examined in article. Several floodplain cuts in the neighborhood of Novgorod were made by the Novgorod expedition of IIMK RAS in recent years. Cuts are provided with archeological finds and radiocarbon datings that allows to offer the revised version of dynamics of level of Ilmen for the last 3000 years. In particular, it is established that during the 8–9th centuries the level of Ilmen and Volkhov in its origins was lower than at present not less than 2 m. This leads to an important historical conclusion: the huge areas of grounds on which after recession of waters of the Ladoga transgression in the first half of the I thousand AD light and fertile soils on lake deposits were formed, were available to the population living on Ilmen in the second half of the I thousand AD.

During the IX–XI centuries on a number of sources rise of water level in the lake to approximately modern levels is fixed.

Keywords: Lake Ilmen, the Ladoga transgression, the peat bogs, cuts, agricultural grounds.

В. Ю. Барышников, А. Д. Барышникова

СЕЛИЩЕ XII–XIII вв. ЗЕРНИЛОВО I И КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК В ЛЕСУ БЫСЛАВЬ В ТЕЙКОВСКОМ РАЙОНЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Резюме. В публикации представлены результаты археологических разведок, осуществленных ООО «Археологическая служба “Находка” в 2015–2016 гг. на левом берегу реки Нерли в Тейковском районе Ивановской области. В ходе разведок зафиксировано древнерусское селище Зернилово I. Селище возникло в период максимальной колонизационной активности в Суздальском Ополе в середине XII в. К середине XIII в. жизнь на селище, судя по археологическим данным, угасает. В непосредственной близости от селища в лесу Быслав расположен курганный могильник из двенадцати насыпей, возникновение которого, предположительно, связано с жизнедеятельностью на селище. Выявленные памятники рассмотрены в контексте археологии средневековых сельских поселений Суздальского Ополя.

Ключевые слова: Суздальское Ополе, Нерль, Зернилово, селище XII–XIII вв., курганный могильник.

История изучения структуры сельского расселения в Суздальском Ополе в эпоху славянской колонизации и становления древнерусского государства представляет собой одну из ярких страниц отечественной археологии, объединяющей начальный этап ее становления с достижениями последних лет. Начало было положено масштабными работами А. С. Уварова в 1851–1854 гг. по исследованию «владимирских» курганов и, кроме того, некоторых селищ – в Кидекше, Абакумлеве, на Поганом озере (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2004. С. 19; Макаров, Красникова, Зайцева, 2014. С. 157, 158). Результаты работы А. С. Уварова, неоднозначно оцениваемые (Спицын, 1905. С. 84–90; Макаров, 2015. С. 5–15), на несколько десятилетий предопределили восприятие археологического портрета Суздальского Ополя X–XIII вв.

Работы второй половины XX в. с преимущественным, но не исключительным вниманием к поселенческим памятникам (что во многом объясняется относительной исчерпанностью наличного фонда погребальных памятников) (Седова, 1997. С. 41–42) были теоретически подытожены в диссертации В. А. Лапшина (Лапшин,

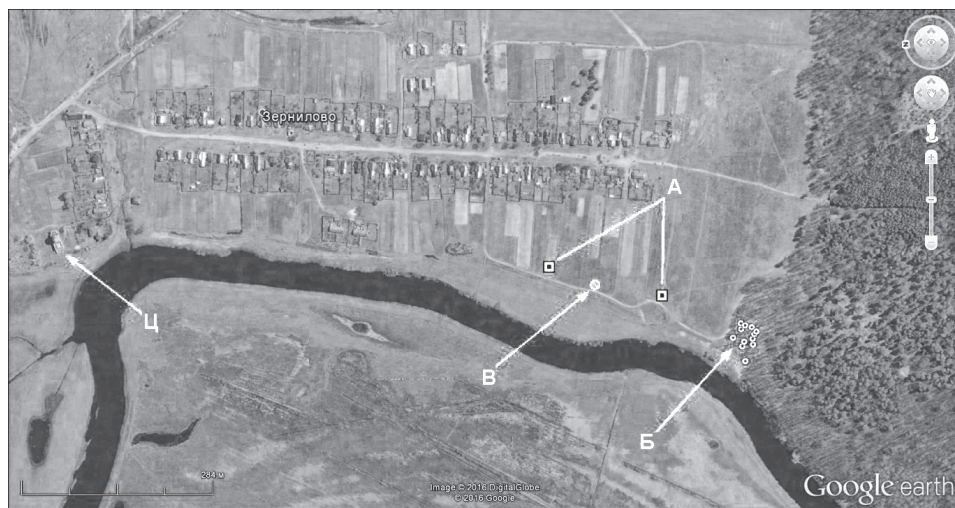


Рис. 1. Спутниковый снимок села Зернилово с обозначением области распространения подъемного материала и курганный группы. Скриншот программы Google Earth. А – Зернилово. Местонахождение 1: крайние точки обнаружения подъемного материала; Б – Зернилово; Курганный группа 1 в лесу Быслав; В – хозяйственные разрытия; С – церковь Воскресения Христова

1985) и практически обобщены в двух томах Археологической карты России – Владимирской и Ивановской областей.

В начале XXI в. исследования Суздальской экспедиции ИА РАН привели к валлообразному накоплению новых археологических данных. Сплошному археологическому обследованию подвергнуты два участка Ополя: один, площадью около 160 км² – в районе Суздаля (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2004; 2005), второй (около 105 км²) – в округе Владимира (Макаров, Федорина, Шполянский, 2013). В результате в округе Суздаля собраны данные о 105, в районе Владимира – о 103 новых памятниках (в дополнение к 35 и 9 известным ранее соответственно), выявлено 3 новых курганных могильника, неизвестные А. С. Уварову (Макаров, Красникова, Зайцева, 2014. С. 160, 161). Всего на 2017 г. обследовано более 350 памятников, для 302 определены их площади (Шполянский, 2017. С. 1177). Накопление фактического материала сопровождается раскопками наиболее перспективных селищ, могильников, в том числе грунтовых, выявленных впервые, с применением естественно-научных методов, теоретическими обобщениями (Алешинская и др., 2008; Федорина, 2012; Макаров, Федорина, 2015).

Однако «белых пятен» на археологической карте Ополя существенно больше. Из примерно 5,5 тыс. км² территории Ополя сплошные разведочные работы охватили порядка 370 км² (Шполянский, 2017. С. 1177). Обследовались районы, тяготеющие к крупным городским центрам Средневековья, – наиболее плотные массивы сельских памятников. Но завершенная картина сельской колонизации региона возможна только с учетом охвата и периферийных участков Ополя.

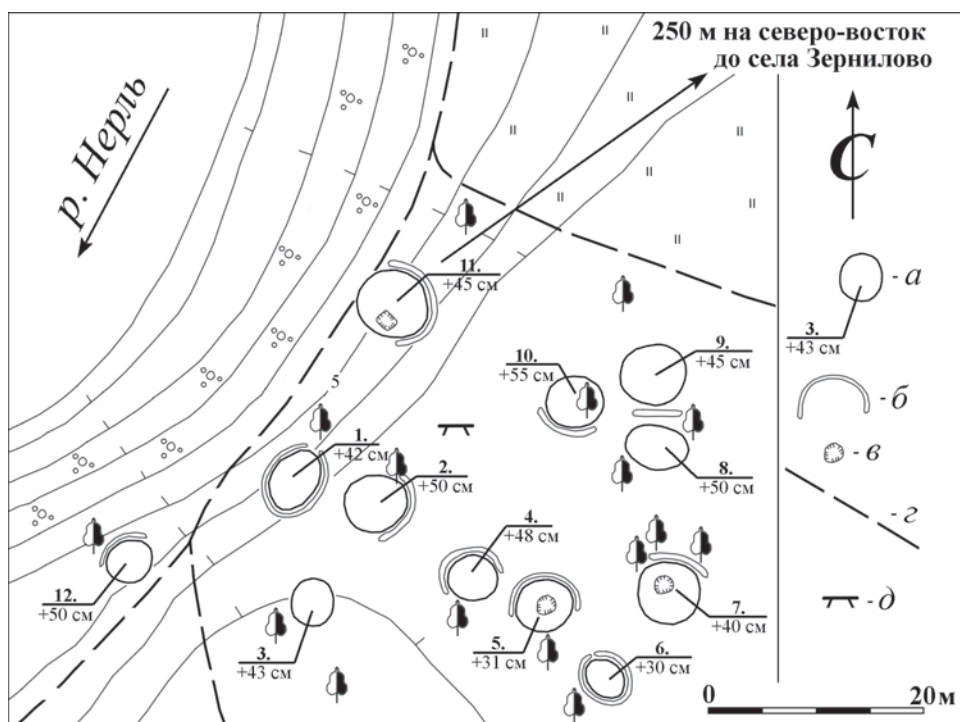


Рис. 2. Ситуационный план курганной группы Зернилово I в лесу Быслав. *а* – курган (номер, высота насыпи); *б* – ровик; *в* – кладонскательская яма; *з* – проселочная дорога; *д* – место отдыха (столлик, скамейка)

Одним из таких участков является левобережье Нерли в Тейковском районе Ивановской области от устья Койки до устья Подоксы, ее левых притоков.

С геоморфологической точки зрения левобережье Нерли не входит в понятие «Ополье». Эта территория представляет собой слаборасчлененную зандровую равнину московского оледенения с серыми лесными и дерново-подзолистыми почвами (Алешинская и др., 2008. С. 38). Здесь господствуют сосновые боры с широколиственными (дубовыми) перелесками, которые сменяются ельниками по мере удаления от русла Нерли. Залесенность территории по левому берегу Нерли существенно выше в сравнении с ее правобережьем, что является прямым отражением уровня колонизационных процессов IX–XII вв. (Алешинская и др., 2008. С. 46).

При этом левобережье Нерли экономически и административно тяготеет к Ополью. Это подтверждается наличием здесь отдельных кустов поселенческой активности (группа памятников у деревень Старое Быково, Сизино, Борщевка, Лопатницы в Суздальском районе Владимирской области; «Мирславская» группа могильников в бассейне левого притока Нерли реки Ухтомы в Гаврилово-Посадском районе Ивановской области) (Лапшин, 1985. С. 104, 106). В состав «Опольского стана» в XVII в., по данным писцовых книг, входили села на левом берегу Нерли – Булгаково, Зернилово, Стебачево, Крапивное, Яришное (Черненко, 2000).

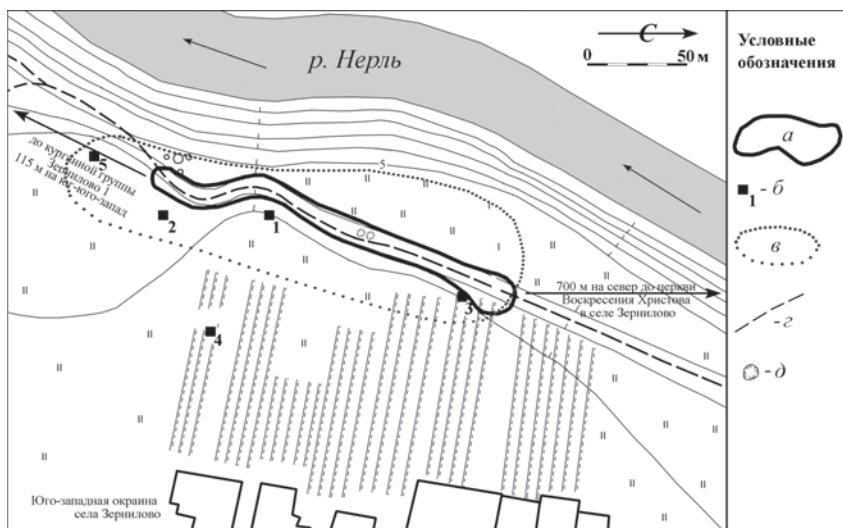


Рис. 3. Ситуационный план участка проведения разведочных работ на селище Зернилово I. а – область распространения подъемного материала; б – точки постановки разведочных шурфов (не в масштабе); в – ориентировочные границы селища XII–XIII вв. Зернилово I; г – проселочная дорога; д – хозяйственные разрывы

Причина, по которой левобережье Нерли на территории Тейковского района Ивановской области осталось «белым пятном», не вполне ясна. Видимо, уже А. С. Уваров пропустил этот участок: ему известны курганная группа у села Мирславля, городище на урочище Красно близ деревни Мальтино (здесь в 1950–1960-е гг. выявлены курганные могильники Яришнево 1–2–3), «городок» у села Стебачево (Уваров, 1872. С. 36, 37). Следующая группа памятников, описанная А. С. Уваровым, – в устье реки Ирмес (курганный могильник у села Вель, «городок» Лисья-Гора, на левом берегу Нерли – несколько курганных групп между селом Старым Быковым и деревней Тепленихой (Уваров, 1872. С. 37–39) – находится на 18 км южнее существенно ниже по течению Нерли. В результате археологических разведок 1950–1980-х гг., которые проводили Е. Н. Ерофеева, Е. М. Молодцова, К. И. Комаров, на археологической карте по левому берегу Нерли ниже Крапивнова новых объектов не появилось (Археологическая карта..., 1993. С. 156, 157, 169, 170). Разведки Суздальской экспедиции ИА РАН, район которых охватывает поречье Нерли от д. Пантелиха выше устья Подоксы до с. Абакумлево ниже устья Каменки (Алешинская и др., 2008. С. 37. Рис. 2; С. 38), также не затронули этот участок.

Осенью 2015 г. сотрудники ООО «Археологическая служба "Находка"» совершили пешую разведку по левому берегу реки Нерль от деревни Уреево до села Булгаково у границы Ивановской и Владимирской областей. Было обнаружено три местонахождения. На двух из них – у деревень Никульское и Бушариха – собраны фрагменты керамики, предварительно отнесенной к периодам позднего

Средневековья и Нового времени. Материал отсюда очень фрагментирован; состав формовочной массы – без визуально фиксируемых грубых примесей либо с примесью мелкого песка.

Иначе обстоит дело с обнаруженным подъемным материалом у села Зернилово (рис. 1). Подъемный материал отсюда гораздо обильнее. Если на местонахождении Никульское 1 найдено 4 фрагмента керамики, на местонахождении Бушариха 1 – 13 фрагментов, то в Зернилово собрано 59 фрагментов. Мелкодробленые фрагменты залегают в песчаной колее проселочной дороги и регулярно поднимаются наверх колесами автомобилей, вымываются дождями и талыми водами. Область распространения подъемного материала протянулась на 175 м вдоль берега Нерли по урезу первой надпойменной террасы на высоте + 6 / + 7 м над уровнем воды.

Здесь же, в 115 м к югу от южной границы распространения подъемного материала, в небольшой дубраве, которую местные жители называют «Лес Быславь», обнаружена курганная группа (рис. 2). Могильник состоит из 12 насыпей. Протяженность курганной группы – 40 м с севера на юг и 57 м с запада на восток. Расстояние от современного уреза воды – 14 м. Все насыпи расположены на высоте +5 / +8 м над уровнем воды в реке Нерль. Насыпи имеют полусферическую округлую (№ 2–5, 7, 9–12) или подовальную (№ 1, 6, 8) форму. Диаметр насыпей – от 4 до 6 м (курган № 6 – 3 × 4 м), высота – от 30 до 55 см (в среднем – 40–50 см). Почти везде у насыпей прослежены ровики, которые, в случае с насыпями № 1 и 6, опоясывают их по всему периметру либо охватывают насыпь частично. Насыпи № 8 и 9 отделены друг от друга углублением в виде прямого ровика длиной 4 м.

Три насыпи (№ 5, 7, 11) испорчены кладоискательскими ямами. Поверхность ям хорошо задернована. По северо-западной оконечности насыпи № 11 проходит колея проселочной дороги, частично изменившая контуры насыпи.

Курган № 12 находится в стороне от остальной группы. Этот курган является самым «крутобоким»: отношение высоты и диаметра основания у него равняется 1:8. Впрочем, отклонение от показателей остальных насыпей невелико. Практически то же значение дает курган № 4 – 1:8,3. Показатели остальных насыпей колеблются в промежутке от 1:9,1 (у кургана № 10) до 1:12,2 (у кургана № 9). На этом фоне выделяются насыпи № 11 (1:13,3), № 7 (1:15) и № 5 (1:16,1). Но эти три насыпи испорчены кладоискательскими ямами: их исходные пропорции, видимо, изменены в результате антропогенного вмешательства.

Камни обкладки отсутствуют как на поверхности насыпей, так и по периметру.

Выявленная курганная группа по своему расположению (на невысокой террасе у русла реки), количеству насыпей (10–20 насыпей), их размерам (менее 0,5 м – не более 1 м в высоту) близка могильникам Ивановской области, датируемым XII–XIII вв. и расположенным как в бассейне Клязьмы, так и в Костромском Поволжье (Ерофеева, Уткин, 1989. С. 14–20; Рябинин, 1986. С. 91–96).

Курганный могильник в лесу Быславь топографически привязан к селищу, зафиксированному в ходе второго этапа разведочных работ в Зернилово. Осенью 2016 г. здесь, в районе распространения подъемного материала, было поставлено пять разведочных шурфов площадью 1 × 1 м каждый (рис. 3). В двух шурфах зафиксирован выраженный культурный слой (шурфы 1 и 2) (рис. 4). Мощность культурных напластований составила соответственно 38–48 и 95–105 см (без учета

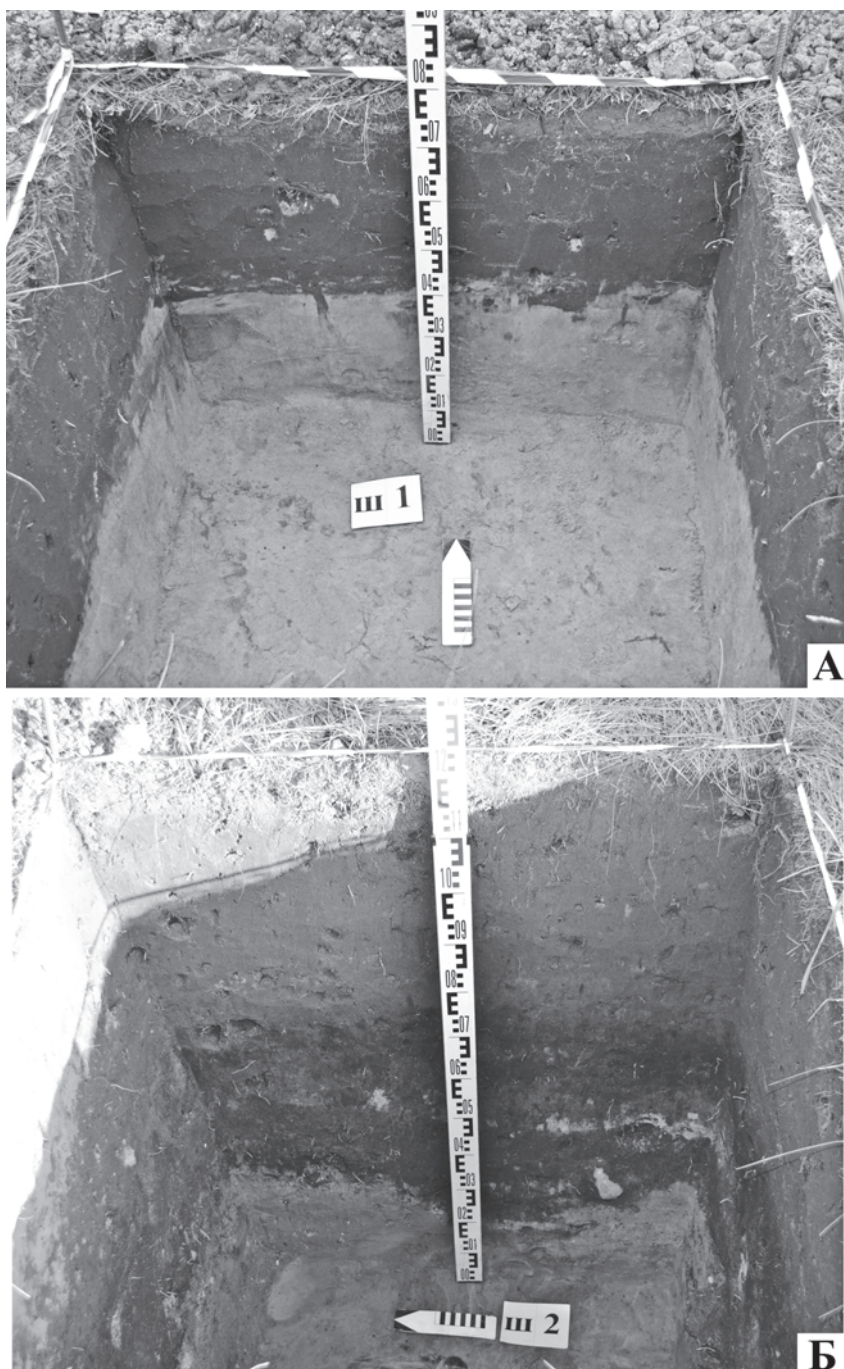


Рис. 4. Стратиграфия разведочных шурфов на селище Зернилово I. А – шурф 1, северная стенка; Б – шурф 2, восточная стенка

материковых углублений в шурфе 2). При этом шурф 1 поставлен в центральной части распространения подъемного материала на небольшом, отчетливо читающемся в рельефе мысу. Шурф 2 был приурочен к крайней южной точке распространения подъемного материала – мощность напластований в нем, возможно, объясняется «попаданием» в площадь антропогенного объекта (хозяйственной/жилищной ямы). Относительное обилие находок в шурфе 2 косвенно подтверждает это. Здесь собран массовый керамический материал, кости животных, индивидуальные находки: оселок, неопределимый фрагмент медного изделия, железная игла, каменная плитка со следами шлифовки (рис. 5).

Культурный слой в шурфах 1 и 2 представлен серыми и темно-серыми, почти черными супесями. В шурфе 1 черная супесь, насыщенная керамикой, залегает непосредственно под дерном и перекрывает стерильный желтый речной песок, который, в свою очередь, лежит на четвертичных покровных суглинках. Стратиграфия шурфа 2 сложнее. Здесь под дерном залегает слой однородной серой супеси – до 50 см. Под ним проявляется черная супесь, насыщенная артефактами. Ее мощность – всего 15 см. Далее следует серо-коричневая супесь с линзами белесого песка, обожженными камнями, фрагментами древесного угля – от 18 до 33 см без учета материковых углублений (в данном случае – канавка глубиной до 14 см, пересекающая шурф в направлении с востока на запад). Вещевой материал собран в слоях черной и серо-коричневой супеси.

Шурфы 3 и 5 позволили установить северную и южную границы распространения культурного слоя. Их площадь следует включить в площадь селища, на что указывают следующие факты: а) шурф 3 попадает в зону распространения подъемного материала; б) в составе керамического материала из обоих шурфов преобладает керамика древнерусского облика (в шурфе 5 найдена исключительно домонгольская керамика); в) в шурфе 5 супесчаный поддерновый слой мощностью не более 33 см имеет насыщенный черно-серый цвет, близкий к цвету поддернового слоя в шурфе 1, где он признан нами культурным слоем селища XII–XIII вв.

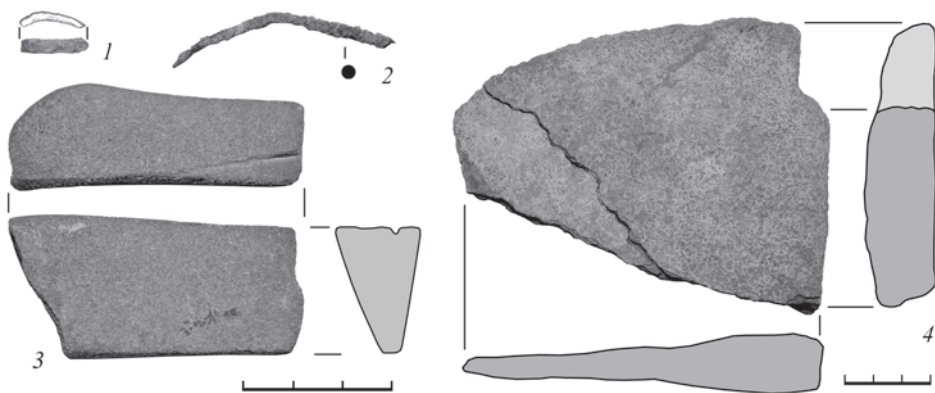


Рис. 5. Индивидуальные находки из материалов разведки на селище Зернилово I. 1 – фрагмент медного изделия; 2 – игла железная; 3 – оселок каменный; 4 – плитка каменная (1, 2 – из канавки 1; 3, 4 – пласт 3)

Шурф 4, отложенный вглубь надпойменной террасы на 50 м, оказался стерильным. Следует признать, что восточная (напольная) граница селища фактически не определена; очевидно, что площадь шурфа 4 не входит в площадь селища; условно граница проведена нами восточнее шурфов 1 и 2 на 20–25 м.

Западная (приречная) граница селища определяется исходя из особенностей рельефа и проходит по кромке крутого склона надпойменной террасы.

Таким образом, ориентировочная площадь селища рассчитывается следующим образом: протяженность по береговой линии – 230 м, протяженность вглубь материка – около 40–45 м, т.е. 0,92–1,35 га.

В составе собранной коллекции отсутствуют индивидуальные находки, являющиеся хроноиндикаторами. Датировка селища дана по фрагментам керамических сосудов.

Коллекция керамики представлена 244 фрагментами круговых сосудов из красножгущихся глин. Вся керамика – за исключением единичных фрагментов из верхних пластов – имеет примесь дресвы в тесте (до 3 мм). На 34 фрагментах присутствует линейный орнамент.

Серия венчиков (51 фрагмент) распределена на следующие типы (*Лапшин*, 1992. С. 90–101): тип V (XI – середина XII в.) – 2 фрагмента; тип VI (XI – первая треть XIII в.) – 13 фрагментов; тип VIIA (XII–XIII вв.) – 27 фрагментов; тип VIIБ (вторая половина XII – XIII в.) – 6 фрагментов; тип VIIВ (середина XII – XIII в.) – 1 фрагмент. Еще один фрагмент с вертикальным прямым горлом, вероятно, принадлежит сосуду типа стакана. Один венчик из шурфа 3 относится к поздним изделиям конца XVII – XIX в. Венчики типа X, рассматриваемые как хроноиндикаторы середины – второй половины XIII в. (*Макаров, Федорина, Шполянский*, 2013. С. 69), в коллекции отсутствуют (рис. 6).

Таким образом, материалы селища Зернилово I можно уверенно отнести к середине XII – первой половине XIII в., т.е. ко времени наиболее бурных колонизационных процессов, которые В. А. Лапшин характеризует как «демографический взрыв» и связывает с возможным притоком населения из Поднепровья в результате деятельности Юрия Долгорукого (*Лапшин*, 1985. С. 116, 117; *Макаров, Леонтьев, Шполянский*, 2004. С. 31).

Топография селища имеет целый ряд черт, типичных для сельских поселений XII – первой половины XIII в.

Во-первых, это уже отмеченная связь селища и курганного могильника: по В. А. Лапшину, наиболее типичным комплексом поселения и могильника является комплекс, состоящий из 1 селища и 1 курганной группы, причем правилом является примыкание могильника непосредственно к селищу (*Лапшин*, 1985. С. 99, 100).

Зерниловское селище имеет типичное расположение на горизонтальной площадке у края речной террасы на высоте 5–8 м над меженным уровнем воды (*Лапшин*, 1985. С. 99, 100). Участок с выходом культурного слоя и распространением средневековой керамики вытянут узкой полосой (примерно на 230 м) вдоль реки (в поперечном направлении – менее 50 м), что характеризует 12 из 59 опольских селищ, учтенных Н. А. Макаровым с соавторами по материалам обследований 2001–2002 гг. (*Макаров, Леонтьев, Шполянский*, 2004. С. 21). Имея площадь около 1 га или менее, селище Зернилово I соответствует картине, зафиксированной

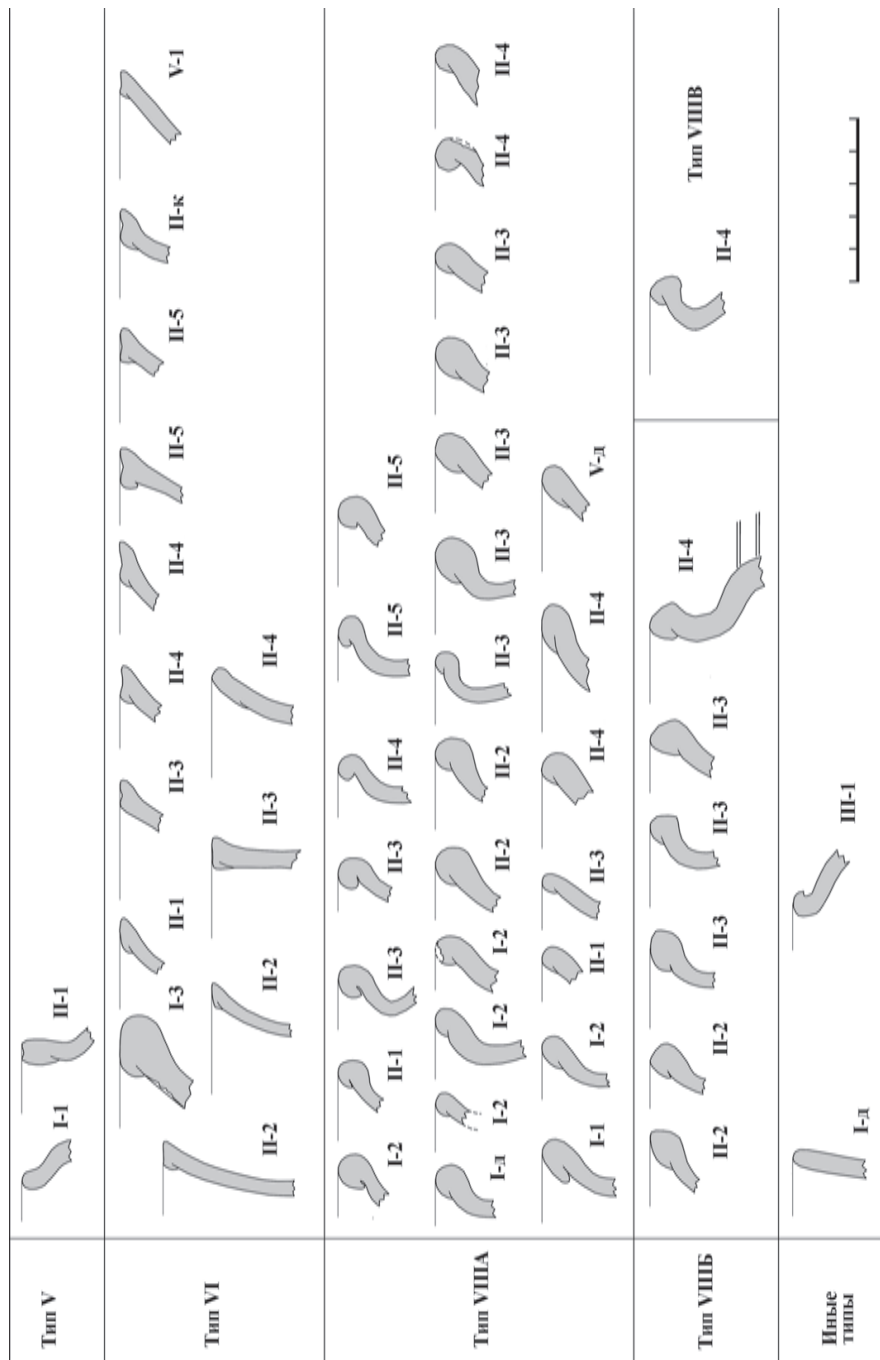


Рис. 6. Образцы венчиков керамических круговых сосудов из материалов разведки на селище Зернилово I. Римская цифра – номер шурфа; арабская цифра – номер условного пласта (по 20 см); д – дерн; к – канавка I

для левого берега Нерли, где преобладают небольшие поселения деревенского облика (*Макаров, Леонтьев, Шполянский*, 2004. С. 22; *Седова*, 1997. С. 233). Для Суздальского Ополья естественно «гнездование» селищ в локальные группы, в которых они удалены друг от друга на минимальные расстояния и, представляя единый поселенческий комплекс, разделены естественными преградами (оврагами, ложбинами, руслами ручьев). Однако именно на левом берегу Нерли фиксируются преимущественно единичные селища, что естественно для слаборасчлененного рельефа левобережья.

Селище Зернилово I расположено непосредственно на окраине современного села, что характерно для 60 % опольских селищ (*Макаров, Леонтьев, Шполянский*, 2004. С. 21), у его южной границы. Современное село протянулось вдоль береговой линии на 850 м. Вопрос о наличии здесь локальной группы домонгольских селищ остается открытым и требует дополнительных полевых работ. Размеры береговой площадки достаточны для этого. Кроме того, местные жители отмечают находки «черной» (чернолощеной?) керамики у северной границы села.

В связи с этим существенен и вопрос о преемственности выявленного домонгольского селища и села Зернилово Опольского стана, известного из писцово-вой книги 1628–1630 гг. (*Черненко*, 2000). В опубликованных актовых источниках XIV–XVI вв. Зернилово не упоминается, что не удивительно, поскольку дошедшие в составе монастырских архивов акты отражают преимущественно историю духовного землевладения; документы светского землевладения сохранились в составе монастырских архивов в той мере, в какой они отражают процесс перехода частновладельческих земель к монастырям (АСЭИ, 1952. Т. 1. С. 4). Зернилово на рубеже 20–30-х гг. XVII в. представляло собой владение дьяка Семена Васильевича Собакина (*Черненко*, 2000). Дьяк Суздальского уезда Семен Собакин был пожалован вотчиной за «московское осадное сидение» царем Василием Шуйским (Список вотчинников..., 2009. С. 480). Таким образом, до начала XVII в. Зернилово входило в состав вотчины князей Шуйских, до 1392 г. – Суздальско-Нижегородских. Левобережье Нерли с 1355 г. входило в удел князя Дмитрия-Фомы Константиновича (*Кучкин*, 1984. С. 224. Рис. 7), прямым потомком которого в седьмом поколении был царь Василий Шуйский.

Эти теоретические построения не дают оснований утверждать прямую преемственность между селищем XII–XIII вв., вотчиной суздальско-нижегородских и Шуйских князей и селом Зерниловым писцовых книг XVII в.

Обратимся к топографии села. Здесь, на относительно протяженном участке береговой площадки, в южной оконечности которой выявлено селище, отсутствуют какие-то естественные разделители, допускающие распространение средневекового культурного слоя несколькими локальными пятнами. Исключение составляет ручей, впадающий в Нерль на северной окраине села и отделяющий основную площадь современного села от террасы, на которой возвышается церковь Воскресения Христова 1846 г. Вероятно, именно к северу от этого ручья располагалось небольшое село XVII в.: оно состояло всего из 14 дворов – 9 крестьянских, 1 помещичьего и 4 церковных (*Черненко*, 2000). Отметим, что в отличие от многих сел Суздальского уезда здесь после событий Смутного времени и польско-литовского разорения не было пустующих дворов. В селе XVII в. стояла цер-

ковь Николая Чудотворца, на месте которой, очевидно, в середине XIX в. был выстроен современный кирпичный храм: в одном из его приделов сохранен престол в честь святителя и чудотворца Николая (Историко-статистическое описание..., 1896. С. 235). Таким образом, территориальная связь между открытым селищем и селом XVII в. не прослеживается, по крайней мере без дополнительных археологических данных. Вероятно, жизнь на селище Зернилово I угасла в середине XIII в., под влиянием – прямым или косвенным – монголо-татарского нашествия. Поречье Нерли выше устья Каменки и Подоксы во второй половине XV в. было населено недостаточно – великий князь Иван III «называл» сюда крестьян-поселенцев (Кучкин, 1984. С. 204). Позднее, к XVI–XVII вв., село восстановилось уже на новой основе.

Литература

- АСЭИ. Т. 1 / Сост. и примеч. С. Б. Веселовского. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 804 с.
- Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Макаров Н. А., Спиридонова Е. А., 2008. Становление аграрного ландшафта Суздальского Ополя в Средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // РА. № 1. С. 35–47.
- АКР. Ивановская область / Сост. К. И. Комаров. М.: ИА РАН, 1993. 224 с.
- Ерофеева Е. Н., Уткин А. В., 1989. Курганный могильник близ д. Яришнево на р. Нерль Малая // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 2. Иваново. С. 14–20.
- Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 3: Суздальский и Юрьевский уезды / Сост. В. Березин. Владимир: Типо-литография В. А. Паркова, 1896. 526 с.
- Кучкин В. А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука. 349 с.
- Лапшин В. А., 1985. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. (по археологическим материалам): дис. ... канд. ист. наук. Л. 171, 278 с.
- Лапшин В. А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика: сб. ст. М.: ИА. С. 90–101.
- Макаров Н. А., 2015. А. С. Уваров и начало археологического изучения Северо-Восточной Руси // АВСЗ. Вып. 5 / Ред. Н. А. Макаров и др. М.: ИА РАН. С. 5–15.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., 2014. Новые исследования средневековых могильников Суздальской земли // Вестник РГНФ. № 1. С. 156–177.
- Макаров Н. А., Леонтьев А. Е., Шполянский С. В., 2004. Средневековое расселение в Суздальском Ополе // РА. № 1. С. 19–34.
- Макаров Н. А., Леонтьев А. Е., Шполянский С. В., 2005. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материалы // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга / Сост.: В. Ю. Коваль, И. Н. Кузина; отв. ред.: Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука. С. 196–215.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н., 2015. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. // КСИА. Вып. 238. С. 115–131.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В., 2013. Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // РА. № 4. С. 58–74.
- Рябинин Е. А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука. 160 с.
- Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.: Русский мир. 236 с.

- Список вотчинников, пожалованных за московское осадное сидение при царе Василии Шуйском, по данным писцовых книг и книг Печатного приказа (Приложение IV) // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Вып. VIII: Осадный список 1618 г. / Сост.: Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов; отв. ред.: Б. Н. Флоря, Ю. М. Эскин. М.; Варшава: Древлехранилище, 2009. С. 386–506.
- Спицын А. А.*, 1905. Владимирские курганы // Известия Императорской Археологической комиссии. Т. 15. СПб. С. 84–172.
- Уваров А. С.*, 1872. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М.: Синод. тип. 217 с.
- Федорина А. Н.*, 2012. Средневековые сельские поселения Суздальской земли по данным археологии и геофизики (исследования 2008 г.) // КСИА. Вып. 226. С. 77–87.
- Черненко Д. А.* Сёла Суздальского уезда по писцовой книге 1628–1630 гг. [Электронный ресурс] // Открытый текст. Электронное периодическое издание. Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/history/histgeography/?id=3118>. Дата обращения: 30.06.2018.
- Шполянский С. В.*, 2017. Суздальское Ополе до и после монгольского нашествия: ответственность и трансформация в материальной культуре сельского населения во 2-й пол. XII – 1-й пол. XV в. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сб. науч. тр. конф. / Ред.: А. А. Тишкин, А. П. Деревянко. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. С. 1177–1178.

V. Yu. Baryshnikov, A. D. Baryshnikova

SETTLEMENT OF THE XII–XIII CENTURIES ZERNILOVO I AND A BURIAL GROUND IN BESLAV' WOOD IN TEYKOVO DISTRICT OF IVANOVO REGION

Summary. The article presents the results of an archaeological reconnaissance made by the archaeological agency “Nakhodka” in 2015–2016 on the left bank of Nerl-river on the territory of Teykovsky district in Ivanovo region. A site of an old Russian unfortified settlement Zernilovo I was registered as a result of field studies. The settlement dates back to the middle of the 12th c. That was a period of the highest colonization activity in Suzdal Field region. According to the archaeological data the stable existence of the settlement was interrupted in the middle of the 13th c. A cemetery, which is adjacent to the site, contains twelve barrows and may belong to the settlement. The discovered sites are examined in the context of archaeology of medieval rural settlements in Suzdal Field region.

Keywords: Suzdal Opolye, Nerl, Zernilovo I, settlement of the XII–XIII centuries, a burial ground.

М. И. Давыдов

ВЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МЕСТНОСТИ ВОКРУГ СУЗДАЛЬСКОГО ПОКРОВСКОГО ДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)

Резюме. В работе впервые комплексно рассматриваются сообщения письменных источников – актов, материалов писцового дела, агиографических памятников, – освещающих ход освоения в последней трети XIV – первой трети XVII в. местности вокруг Суздальского Покровского девичьего монастыря. Ретроспективный анализ этих известий позволяет сделать вывод о сложном многоэтапном характере развития структур землевладения на этой территории в процессе ее интеграции в состав суздальского посада.

Ключевые слова: топография Суздаля, средневековый город, городское землевладение, урбанизация, Суздальский Покровский девичий монастырь, Спасо-Евфимиев монастырь.

Данное исследование является переработанной версией доклада, сделанного нами на VIII научно-практическом семинаре «Археология Владимиро-Суздальской земли» и посвященного анализу путей развития более чем десятка смежных владельческих комплексов (одни из них тянули к посаду, другие принадлежали различным духовным феодалам), которые в эпоху позднего Средневековья вместе составляли заречные районы Суздаля. К сожалению, в рамках работы небольшого объема полноценное рассмотрение обозначенной темы не представляется возможным. Поэтому на этапе подготовки текста доклада к печати мы решили остановиться на подробном освещении лишь одного, наиболее примечательного, как думается, и ранее специально не изучавшегося сюжета – истории освоения территории непосредственно вокруг Покровского девичьего монастыря.

В качестве верхней хронологической границы исследования период конца первой трети XVII в. нами выбран неслучайно. Именно тогда, а конкретно – в 1627/28 – 1628/29 гг., Михаилом Михайловичем Трусовым и Федором Витовтовым составлялись писцовые книги города Суздаля, являющиеся наиболее

древним (из известных ныне), практически полным кадастровым описанием интересующего нас поселения (более же ранние сохранившиеся дозорные книги города Суздаля 1617 и 1622 гг. преследовали исключительно фискальные цели, в силу чего в них не заносилась информация о так называемых белых местах – пользовавшихся податными привилегиями владениях духовных феодалов). Ценность писцовых книг 1627/28–1628/29 гг. заключается также в том, что они фиксируют, образно выражаясь, кульминационную точку в поступательном развитии традиционных внутригородских структур землевладения, еще ничуть не затронутых масштабной перепланировкой города, начатой только в середине XVII в.

Посему полагаем вполне уместным использовать показания названных писцовых книг в качестве своеобразной точки отсчета для изучения методом ретроспекции владельческой истории интересующей нас местности, располагавшейся на территории посада Суздаля в северной части заречья Каменки. Итак, начнем. В этом районе писцы Михаил Трусов и Федор Витовтов особо отметили лишь одно владение (что, впрочем, вполне ожидаемо) – собственно сам Покровский девичий монастырь вместе с обслуживавшей его крупной (всего 190 дворов) подмонастырной оброчной слободкой Никольской на Морковке (Суздаль..., 1904. С. 73–86). Однако в действительности здесь находилась еще и так называемая полянка Городная, которая лишь мимоходом упоминается в подготовленных все теми же писцами в 1627/28–1629/30 гг. межевых книгах Суздальского уезда: «...против оброчные слободки полянка Городная до Вознесенского броду к реке к Каменке у посацких людей в споре с Покровским монастырем. А от тое слободки... по берегу возле реки Каменки – направе земля архиепискоупля Андреевские слободки, а налеве полянки посацкие» (ГАВО. Ф. 417. Оп. 3. № 13. Л. 663, 663 об.). Прочитанное выше сообщение не только проливает свет на причины невключения информации о полянке Городной – как спорного владения – в текст городских писцовых книг, но и позволяет четко установить ее местоположение: близ реки Каменки, в районе Вознесенского брода, между покровской Никольской и архиерейской Андреевской слободками. К сказанному добавим, что тяжба обители и горожан за обладание полянкой тянулась по меньшей мере до конца XVII в. (см., например, посвященное этой борьбе судное дело 1687 г.: *Токмаков*, 1889. Приложения. С. 72–84), а сама она, уже под именем слободки Полянки, сохраняла статус отдельной кадастровой единицы вплоть до эпохи Екатерининского генерального межевания [внутригородская дача, обозначенная литерой К (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 69. Л. 16)].

Теперь обратим внимание на упоминание в писцовых книгах Вознесенского брода как ключевого ориентира, позволяющего привязать полянку Городную к окружающей местности. Сам брод находился в районе современного Покровского моста, который соединяет заречную улицу Стромынку с ведущей в центр Суздаля Слободской улицей. Еще Е. М. Караваева отмечала важное стратегическое значение данной локации в качестве «въезда со стороны Москвы» (*Караваева*, 1966. С. 15). Посему настойчивое стремление как властей Покровского монастыря, так и обитателей суздальского посада заполучить в свои руки контроль над этим участком выглядит вполне закономерным.

Более того, обращение к актовому материалу позволяет утверждать обоснованность претензий покровских стариц на обладание спорной территорией. Мы

имеем в виду показания следующих документов. Первый из них – составленная 14 марта 1547 г. от имени Ивана IV руководством суздальской городской администрации указная грамота – всецело посвящен характеристике владельческой истории и определению административного статуса монастырской слободки Спасо-Евфимиева монастыря «на посаде за рекою за Каменкою на Вознесенском броду, всего двадцать шесть дворов» (АССЕМ. № 65. С. 136, 137). То, что речь здесь идет именно о поселении, позднее известном как полянка Городная, достаточно очевидно. Еще более любопытны отмеченные в грамоте перипетии в судьбе слободки. Как выясняется, последняя возникла на ненаселенной пашне, переданной государством Спасской обители в качестве компенсации за изъятую у нее Василием III в пользу Покровского девичьего монастыря часть территории пригородного села Сельца (в других источниках об этой сделке не сообщается), и «истари... тянула в сошное письмо с сельскою землею» вплоть до момента своего включения в состав посада писцом Степаном Тимофеевичем Отяевым (действовал в регионе в 1543/44 г.: Писцовые книги..., 2007. С. 290); в распорядительной же части акта содержится предписание местным управленцам вновь исключить слободку из посадского тягла.

Тем не менее во втором документе – датированной 17 мая 1551 г. царской жалованной грамоте Спасо-Евфимиеву монастырю – слободка на Вознесенском броду по-прежнему значилась «в Суждале на посаде по конец посада» (АССЕМ. № 81. С. 151). Однако некоторое время спустя ее все же перевели в разряд сельских земель: когда в 1568/69 г. спасская братия была вынуждена окончательно уступить Покровской девичьей обители село Сельцо, в его составе старицам достались в том числе и непашенные оброчные дворы «на Вознесенском броду» (ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 94. Л. 16); см. также аналогичное известие 1570 г. со схожей по смыслу формулировкой: «слободка села Сельца дворы непашенные» (АССЕМ. № 159. С. 316). Итак, как видим, в конце 60-х гг. XVI в. рассматриваемая слободка (будущая спорная полянка Городная) действительно принадлежала покровским монахиням; правда, пока остается неясным, почему те не сумели впоследствии обособовать свои права на данное владение, а равно когда именно и по какой причине оно вновь было приписано к посаду.

В описанном выше сюжете особо отметим ту легкость, с которой происходила коренная трансформация административного статуса слободки: ее то подчиняли властям города, то, наоборот, возвращали в состав уезда. Для эпохи XVI в. подобное – явление почти исключительное.

Еще более сложной была история развития Никольской слободки. Как и полянка Городная, она в XVIII в. также являлась отдельной единицей кадастрового учета [внутригородская дача, обозначенная литерой L (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 69. Л. 16 об.)]. При этом, однако, территория слободки со временем претерпела определенные изменения. Если в писцовых книгах 1627/28–1628/29 гг. прямо сообщается о чересполосном расположении некоторой ее части – «той же слободы дворы за селом Селцом по реке по Каменке» (Суздаль..., 1905. С. 81), то на планах XVIII в. интересующее нас владение уже не имело каких-либо эксклавов (см., например: Мазур, 2011. С. 8. Рис. 9; С. 12. Рис. 14). Не менее показательны и другое: несмотря на свое существование по меньшей мере с 1575 г. (ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 168. Л. 55), оно вплоть до эпохи писцового описания Суздаля конца 20-х гг. XVII в. обычно упоми-

нается в источниках совсем без имени – просто как «слобода» / «слободка», и лишь единожды, в 1597 г., как Никольская слобода (ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 232. Л. 36). Такое факультативное использование топонима можно объяснить только его новизной, а равно относительной «молодостью» самого обозначаемого им объекта.

По нашему мнению, в относительно законченном виде территория слободки вокруг Покровской обители сложилась только где-то к началу 70-х гг. XVI в.; ранее же происходил длительный и многоэтапный процесс ее формирования, причем, что интересно, исключительно за счет владений Спасо-Евфимиева монастыря. Это хорошо видно по актам. Сначала, в правление Ивана III, то есть не позднее 1505 г., старицы получили здесь 5 жилых дворов общей площадью 3531 кв. саженей (АССЕМ. № 1. С. 13); затем, при Василии III, как мы отмечали выше, монахиням досталась какая-то часть села Сельца, а в 1540 г., то есть в период малолетства Ивана IV, еще 8,5 десятины спасской земли с дворами, огородами и конопляниками, «что пришли к их (то есть покровских сестер. – М. Д.) монастырю их кельям» (АССЕМ. № 45, 46. С. 105, 106). Тем не менее даже после этого, в 1552 г., насельницы продолжали жаловаться на дискомфорт, причиняемый им шумящими в праздники соседями – спасскими крестьянами и жителями посада (Давыдов, 2013. С. 52). Чуть погодя борьба ведущих суздальских духовных корпораций за пригородные территории достигла апогея: 3 и 6 сентября 1561 г. правительство выдало Покровскому монастырю грамоты на обладание располагавшимся близ его стен спасским селом Сельцом (ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 142. Л. 114, 114 об.), однако практически сразу же, 13 сентября того же года, данное распоряжение было аннулировано (АССЕМ. № 117. С. 247, 248); кстати, столь скорая отмена уже принятого верховной властью решения весьма наглядно свидетельствует о том, сколь мощные ресурсы и на каком уровне пришлось задействовать властям Спасской обители для защиты собственных интересов в этом деле. И все же в 1568/69 г. покровскими старицам удалось-таки добиться передачи себе села Сельца, а заодно, как мы помним, и слободки на Вознесенском броду (ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 94. Л. 20, 19, 18, 17, 16, 15, 14, 13; № 989. Л. 52). К указанному моменту Сельцо являлось высокоурбанизированным (по средневековым меркам, конечно) поселением: в нем лишь в 65 дворах занимались крестьянским трудом, тогда как 120 оброчных дворов значились непашенными (ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 94. Л. 19 и 14 соответственно). Мы уверены, что по преимуществу именно за счет последних к 1575 г. и была сформирована территория подмонастырного посада, со временем усвоившего наименование Никольской слободки. Добавим, аккумуляция в составе оной домовладений, ориентированных на ремесло и торговлю, а не на сельскохозяйственную деятельность, в свою очередь, обусловила заметный рост в XVII в. удельной доли обитателей села Сельца, непосредственно занятых в агрокультурной сфере (пусть даже это произошло на фоне резкого снижения в нем общей численности жителей): так, в писцовых книгах Суздальского уезда 1627/28–1629/30 гг. уже знакомых нам писцов Михаила Трусова и Федора Витовтова зафиксировано наличие в селе 23 крестьянских дворов против 5 дворов церковного причта, 4 дворов бобылей и 13 дворов монастырских детенышей (ГАВО. Ф. 417. Оп. 3. № 13а. Л. 27–28).

Наблюдаемая по актам картина формирования территории Никольской слободки наглядно свидетельствует об изначальной принадлежности местности

вокруг Покровского монастыря Спасской духовной корпорации. По документам последняя вотчинчала здесь еще с середины XV в., когда под обезличенным пока что наименованием – «селце в городе под монастырем» – среди ее владений впервые было упомянуто село Сельцо (АСЭИ. Т. II. № 448. С. 488, 489).

В свете сказанного следует обратить внимание на восходящие к устной традиции известия об обстоятельствах основания в Суздале самой Покровской обители. Они отложились в позднейших агиографических памятниках – Пространной редакции жития преподобного Евфимия Суздальского и обеих редакциях (Краткой и Пространной) жития святителя Иоанна Суздальского. Названные произведения имеют общую литературную основу (в качестве таковой выступила Краткая редакция жития преподобного Евфимия 10-х гг. XVI в.), атрибутируются одному автору – иноку Спасо-Евфимиева монастыря Григорию, действовавшему в третьей четверти XVI в., и вообще текстуально очень близки друг другу (подробнее об истории создания рассматриваемых источников см.: *Клосс*, 2001. С. 351, 352, 363–366, 370–372; *Усачев*, 2008. С. 5–15).

Вкратце фабула интересующего нас сюжета освещена в житиях следующим образом. Нижегородский князь Андрей Константинович во исполнение данного ранее обета задумал построить в Суздале женскую обитель. Заручившись поддержкой суздальского владыки Иоанна, князь обратился с просьбой к спасскому архимандриту Евфимию выделить «место об он пол реки на брезе (то есть на противоположном городу правом берегу Каменки. – *М. Д.*)... земли и в широту, и в долготу на двадесят лактеи..., еже есть благоугодно на нем монастырю здатися». Получив требуемое, князь Андрей «поклонися блаженному Еуфимию и дасть ему в монастырь довольну милостыню». Вскоре после этого «создана бысть церковь древяна во имя Пресвятыя Богородица честнаго и славнаго Ея Покрова. Святыи же Иоанн вручи стареишнество матери блаженнаго Еуфимиа сестричичне и взем ю от великиа лавры святого великаго мученика Александра, иже на горе в том же граде Суждале» (цит. по публикации Пространной редакции жития святого Иоанна Суздальского: *Усачев*, 2008. С. 37, 38). Добавим, в древнейших списках житий обоих святых рассмотренный эпизод не имеет четкой хронологической привязки; принятая же в литературе, пусть и с оговорками, датировка основания Покровского монастыря – 6872 (то есть 1363/64) г. – фигурирует, насколько нам известно, лишь в куда более поздних (первой половины XIX в.) вариантах Пространной редакции жития преподобного Евфимия Суздальского (см., например: ГВСМЗ. № В-27306. Л. 14 об.; № В-43576. Л. 3). В этой связи рискуем предположить, что для последних источником заимствования даты 6872 г. скорее всего послужило соответствующее место сочинения Анания Федорова «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале» (1855. С. 181), которое в рукописном виде широко бытовало в городе и его округе еще с середины XVIII в. Не свободен вышеприведенный рассказ об устройении Покровской обители и от разного рода анахронизмов – вроде представления князя Андрея и преподобного Евфимия как современников епископа Иоанна, хотя тот скончался еще в 1314 г. (*Клосс*, 2001. С. 365).

Однако, с другой стороны, читающееся там сообщение о возведении Покровской обители непосредственно на территории спасской вотчины полностью

согласуется с нашими собственными выводами на сей счет, опирающимися на показания актов XVI в. Указанное обстоятельство, в свою очередь, не только свидетельствует о наличии в сохранившемся агиографическими сочинениями предании некоего рационального зерна, но и заставляет иначе воспринимать еще целый ряд приводимых в житиях фактов. Касаемо последних особо хотим подчеркнуть, во-первых, ничтожно малую площадь выделенного под застройку спасским настоятелем участка – по 20 локтей «земли и в широту, и в долготу», или по современному счету около 85–120 м² (столь сильный разброс обусловлен вариативностью величины локтя как меры длины, обозначавшей расстояние в диапазоне от 46 до 54,7 см); во-вторых, возведение на данном месте первоначально не монастыря, а всего лишь церкви; наконец, в-третьих, вручение власти над учрежденной женской общиной двоюродной сестре (материной «сестричичне») преподобного Евфимия. Рассматривая все эти известия в совокупности, можно с уверенностью говорить о совершенной незначительности вновь устроенной Покровской обители, напоминавшей тогда скорее скит, нежели нечто большое, а равно – об ее несомненно подчиненном положении на первых порах по отношению к Спасскому монастырю. Именно зависимостью Покровской духовной корпорации от более влиятельного соседа, надо думать, объясняется и ее упоминание в письменных источниках вплоть до начала XVI в. А если вспомнить еще об одном поразительно схожем случае «парного» сосуществования двух других здешних обителей, тоже Спасской и Покровской – доминирующей мужской Спасо-Кукоцкой и подвластной ей женской Покровской Кукоцкой, которые располагались в селе Сербилове и, как представляется, были организованы по образу и подобию «тезоименных» им столичных (суздальских) монастырей (подробнее см.: Давыдов, 2015. С. 33–35), то становится понятным, что подобное положение вещей отнюдь не являлось простой случайностью.

Подведем итоги. Зафиксированная в материалах писцового дела конца первой трети XVII в. картина размежевания владений в северной части заречья Каменки сформировалась постепенно, в результате напряженного соперничества Покровского девичьего и Спасо-Евфимиева монастырей, а также посадских людей Суздаля в деле освоения и закрепления за собой данной местности; отмеченное противоборство насчитывало около десятка отдельных эпизодов и продолжалось большую часть XVI в. О ходе развития интересующей нас территории в предшествующее время (последняя треть XIV – XV в.), к сожалению, определить судить нельзя ввиду скудости известий письменных источников; единственное, что устанавливается достаточно четко, так это факт постройки Покровской обители непосредственно на землях Спасской духовной корпорации и, как следствие, ее зависимость от последней на начальном этапе своего существования.

Литература

- АСЕМ. 1506–1608 гг. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина; ред. С. Н. Кистерев. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 638 с.
- АСЭИ. Т. 2 / Отв. ред. Л. В. Черепнин; сост. И. А. Голубцов. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 727 с.
- Давыдов М. И., 2013. Любопытное известие середины XVI столетия о борьбе государства с нарушителями общественного порядка в городе Суздале // Суздаль в исто-

- рии России: материалы Всероссийских научно-краеведческих чтений 2010 и 2011 гг. / Отв. ред. М. И. Давыдов. Владимир: Транзит-Икс. С. 48–54.
- Давыдов М. И.*, 2015. К вопросу о времени основания Спасо-Кукоцкого монастыря // Суздальский сборник за 2014 год: сб. науч. ст. / Отв. ред. М. И. Давыдов. Владимир: Транзит-Икс. С. 27–40.
- Каравеева Е. М.*, 1966. Градостроительное развитие Суздаля [Рукопись]: дис. ... канд. архитектуры. М.
- Клосс Б. М.*, 2001. Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М.: Языки русской культуры. 488 с.
- Мазур Л. Д.*, 2011. Изобразительные источники по истории города до периода его регулярных преобразований эпохи классицизма (Владимир, Суздаль, Шуя, Юрьев-Польский) // Архитектура и современные информационные технологии. № 3 (16). Режим доступа: <http://www.marhi.ru/AMIT/2011/3kvart11/mazur/mazur.pdf>. Дата обращения: 30.06.2018.
- Писцовые книги Восточного Замосковья / Сост. М. Ю. Зенченко и др. М.: Памятники исторической мысли, 2007. 542 с.
- Токмаков И. [Ф.]*, 1889. Историческое и археологическое описание Покровского девичьего монастыря, в городе Суздале (Владимирской губернии), в связи с житием преподобной чудотворицы Софии (в мире великой княгини Соломонии) и царицы инокини Елены (в мире Евдокии Феодоровны Лопухиной). М.: Русская типо-литография. 58, 87 с.
- Суздаль. Список с писцовой книги гор. Суздаля, с 7136 по 7138 г. // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1904. Кн. 6. Отд. II: Материалы. С. 1–87 (разд. паг.).
- Усачев А. С.*, 2008. Житие святого Иоанна, епископа Суздальского // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 5–56.
- Федоров А.*, 1855. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1855. Кн. 22. [Отд.] II: Материалы. С. 1–212 [разд. паг.].

M. I. Davydov

**EVOLUTION OF LAND TENURE AROUND THE INTERCESSION
OF THEOTOKOS CONVENT IN SUZDAL FROM THE LAST THIRD
OF THE 14th CENTURY TO THE FIRST THIRD OF THE 17th CENTURY
(ON EVIDENCE FROM WRITTEN SOURCES)**

Summary. This paper for the first time and in a comprehensive manner focuses on evidence from various written sources (legal records, cadastral information, hagiographical texts), which describe area development in the vicinity of the Intercession of Theotokos Convent in Suzdal from the last third of the 14th century to the first third of the 17th century. A retrospective analysis of such data leads to the conclusion about complicated and multi-staged evolution of land tenure structures within that territory whilst its integration with Suzdal city posad.

Keywords: topography of Suzdal, medieval city, urban land ownership, urbanization, Suzdal Pokrovskiy maiden cloister, Spaso-Evfimiev cloister.

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

С. И. Милованов

БОГОЛЮБОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ ПО ИТОГАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI в.

Резюме. Анализ и обобщение результатов исследований 1954–2017 гг. Боголюбовского городища позволили представить археологический контекст архитектурного комплекса. Первоначально площадка городища, вероятно, была заселена во второй половине I – начале II тыс. н.э. Поселение этого времени было небольшим по площади и локализуется на берегах Якиманского оврага. Установлено, что для возведения княжеской резиденции было выбрано пустое, незастроенное место. Определено, что в середине XII – XIII в. не вся площадь городища была заселена. Территория распространения культурного слоя этого времени составляет примерно ок. 2,75 га. Она локализуется в южной части плато, занятого городищем. В ходе работ 2017 г. в районе Благовещенской церкви определено новое место активного каменного строительства середины XII в.

Ключевые слова: Боголюбовское городище, архитектурный комплекс, княжеская резиденция, культурный слой середины XII – XIII в.

Боголюбовское городище как уникальный белокаменный комплекс княжеской резиденции середины XII в. хорошо известен в научной литературе. Наиболее масштабные археологические исследования на памятнике осуществлялись под руководством Н. Н. Воронина в 30-е гг. XX в. Они были направлены на изучение архитектурного ансамбля. В ходе работ были определены размеры дворца, изучены остатки собора середины XII в., сохранившиеся в неповрежденном виде, определены месторасположения древнего кивория и каменной оборонительной башни (*Воронин*, 1961. С. 201–261). Собственно, это были единственные крупные исследования на территории памятника, которые в первую очередь решали задачи, направленные на обследование архитектурного наследия комплекса. Но как признавал сам исследователь: «Возможности его [Боголюбовского городища] археологического исследования далеко не исчерпаны и, вероятно, приведут в дальнейшем к новым открытиям» (*Воронин*, 1961. С. 201).

Дальнейшие археологические работы на территории памятника проводились эпизодически с большими перерывами и носили разведочный характер. Во второй половине XX – начале XXI в. работами на территории памятника в разные годы руководили Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт, В. П. Глазов, Вл. В. Седов, Д. Ю. Бадеев, С. И. Милованов. За пять полевых сезонов (1954, 1984, 1989, 2015 и 2017 гг.) было заложено 63 шурфа общей площадью чуть более 300 м² и осуществлено несколько зачисток. Исследования осуществлялись как непосредственно на участках расположения сохранившихся памятников архитектуры, так и на остальной территории городища и за пределами оборонительных укреплений. В 2015 г. проводились работы внутри собора Рождества Богородицы, снаружи был расчищен северный портал собора, был заложен шурф около лестничной башни. Результаты этих работ опубликованы в ряде статей, в которых прежде всего представлен анализ архитектурных материалов (Седов, 2015б, 2017а, 2017б; Вдовиченко, 2017).

Таким образом, до сих пор в стороне остается понимание археологического контекста существования каменного комплекса, именно той среды, в которой он формировался и возник. Ввиду этого назрела необходимость представления и анализа накопившегося к настоящему моменту материала, освещающего развитие городища как поселения, его основные этапы развития и заселения, насколько это позволяет современное состояние источника.

Работы 1954–2017 гг., как уже отмечалось выше, носили не столь масштабный характер, как исследования Н. Н. Воронина в 30-е гг. XX в. Но благодаря тому, что они охватили практически всю площадку городища и прилегающую территорию, они дали важный и новый материал по истории и археологии памятника и архитектурного ансамбля второй половины XII в.

Проведенные исследования показали различную степень сохранности культурного слоя. Установлено, что он значительно переотложен в результате активной хозяйственной деятельности в XVIII–XIX вв. Слой эпохи Средневековья сохранился локально в разных частях памятника. Но, несмотря на это, полученные материалы позволяют сделать некоторые выводы по его истории.

Летописные сообщения определяют четкую дату основания Боголюбовского комплекса – 1158 г. (ПСРЛ, 1915. Т. 4. С. 158). Напластования, предшествующие началу активного строительства и освоения площадки городища, зафиксированы на различных участках плато высокого коренного берега. Они прослежены под остатками руинированных оборонительных укреплений и под слоями, связанными со строительством каменных сооружений. Эти напластования представлены темно-серым, почти черного цвета гумусированным суглинком мощностью до 20–25 см. В нем не зафиксировано включений древесного угля, пещины, костей животных и иных следов активной антропогенной деятельности, всего того, что указывало бы на культурный слой поселения. В некоторых шурфах (внутри храма Рождества Богородицы и в юго-западной части городища) прослежена четкая ровная нижняя граница, свидетельствующая, что данные напластования являются пахотным горизонтом. Пахотный слой зафиксирован в 8 точках, в основном в районе дворцового комплекса. Именно там они хорошо сохранились ввиду того, что были перекрыты слоями, связанными со строительством каменных сооружений.

Изредка с данным горизонтом связаны очень мелкие фрагменты лепных сосудов второй половины I – начала II тыс. н.э. Всего с территории городища и прилегающих с запада участков происходит чуть более 30 фрагментов лепных сосудов, обнаруженных в 11 шурфах. Преимущественно в шурфах найдено по 1–2 фрагмента. Современное состояние археологического материала не позволяет точно локализовать поселение рассматриваемого времени. Но стоит отметить, что наибольшее количество обломков лепных сосудов происходит из шурфа 1 1954 г. (10 фр.) и шурфа 7 1984 г. (более 9 фр.) (Воронин, 1954. С. 16, 17; Глазов, 1984. С. 8–10). Оба шурфа расположены в устье Якиманского оврага на его обоих берегах. Шурф 1954 г. был заложен в южной части территории городища, шурф 1984 г. – на краю высокого коренного берега р. Клязьма к западу от городища, за пределами его оборонительных укреплений. Таким образом, поселение второй половины I – начала II тыс. н.э. могло занимать небольшую территорию в устье Якиманского оврага либо на обоих его берегах, либо на одном из них. Для данного утверждения материалов недостаточно и, конечно, требуется серьезная аргументация и дополнительные материалы. Однако стоит отметить, что в пользу локализации поселения этого времени в данном месте свидетельствует тот факт, что к северу и к востоку от этого участка не выявлено признаков культурного слоя, сформировавшегося до середины XII столетия. К тому же керамический материал второй половины I – начала II тыс. н.э. на этих участках представлен единичными фрагментами. Его малочисленность, наличие пахотного горизонта, отсутствие признаков культурного слоя – все это говорит о том, что поселение не располагалось в районе современной улицы Ленина и дворцового комплекса. Все перечисленные обстоятельства в первую очередь говорят, что эти участки находились поблизости от пока еще достоверно не локализованного поселения и входили в зону его хозяйственного освоения. Таким образом, для возведения белокаменных построек было выбрано пустое, свободное от застройки место.

Рассматривая материалы, предшествующие возникновению Боголюбовского городища, следует отметить находки четырех фрагментов лепных сосудов, которые по морфологическим, технологическим и орнаментальным признакам могут быть отнесены к эпохе поздней бронзы – раннего железного века (рис. 2) все рисунки не по порядку. Они найдены под остатками руинированных оборонительных сооружений около северо-западной угловой башни монастырской ограды и в районе Благовещенской (Трапезной) церкви (шурфы 1 и 13 2017 г.). Фрагменты очень мелкие и трудно поддаются более узкой хронологической и культурной интерпретации.

В верхней части пахотного горизонта, за исключением одного шурфа, заложенного внутри собора Рождества Богородицы, встречены фрагменты древнерусских круговых сосудов, характерных для периода второй половины XII – XIII в. Этот факт может с определенной долей достоверности свидетельствовать о поэтапном освоении участка и формировании культурного слоя на территории памятника. Привлечение этих материалов позволяет предложить относительную хронологию возведения каменных построек на территории городища. Отсутствие каких-либо признаков культурного слоя и материалов середины – второй половины XII в. в шурфе 1 2015 г. (рук. Вл. В. Седов), заложенном внутри собора Рождества Богородицы, указывает, что он был самой первой постройкой на территории памятника.

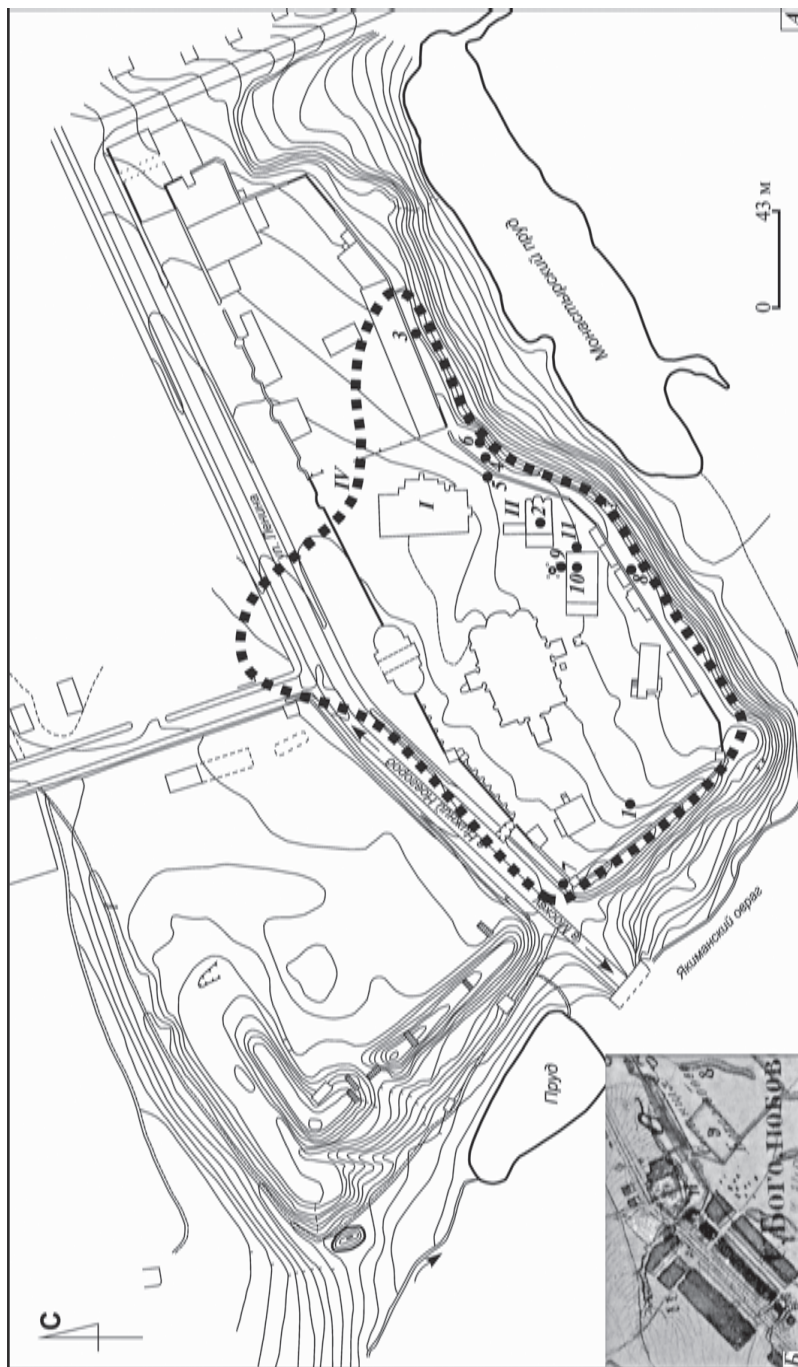


Рис. 1. План Боголюбовского городища по Н. Н. Воронину (А) и фрагмент топографической карты с. Боголюбово середины XIX в. (Б). I – Братский корпус; II – собор Рождества Богородицы и лестничная башня; III – Благовещенская (Трапезная) церковь; 1 – шурф № 1 1954 г.; 2 – шурф № 1 2015 г., рук. Вл. Седов; 3–5 – шурфы 2015 г., рук. Д. Ю. Бадеев (3 – шурф № 1; 4 – шурф № 4; 5 – шурф № 5); 6 – участок геологического бурения, скважина № 10; 7–II – шурфы 2017 г. (7 – шурф № 1; 8 – шурф № 4; 9 – шурф № 10; 10 – шурф № 12; II – шурф № 13)

В ходе исследований 2015, 2017 гг. получены интересные материалы по выбору места сооружения собора и дворцового комплекса. В трех шурфах (шурфы 4, 5 2015 г., рук. Д. Ю. Бадеев, и шурф 4 2017 г.) в районе архитектурного комплекса, расположенных на склоне коренного берега, зафиксированы слои, представляющие собой засыпку. Она образована последовательно сменяющимися друг друга слоями строительного мусора (извести и кирпичного боя), мешаного материкового суглинка и переотложенного культурного слоя, содержащего материалы XII–XVIII вв. Ни в одном из тех шурфов работы не были доведены до уровня материковой поверхности, и их глубина составила 2,2–3,5 м. Наиболее вероятно, данные шурфы полностью попали в границы засыпанных отвержков. Они были засыпаны до возведения существующей кирпичной ограды монастыря, построенной в начале XIX в. Судя по наличию выявленного керамического материала и фрагментам красноглиняного рельефного полихромного лицевого изразца и гладкого расписного пояса, они были засыпаны в XVIII столетии (рис. 5). Топографически данные отвержки ограничивали с юго-запада и северо-востока площадку, на которой располагался дворцовый комплекс (рис. 1: А).

О существовании засыпанного оврага свидетельствуют результаты бурения, проводившегося на краю и склоне коренной береговой террасы в 2015 г. На месте расположения скважины № 10 были зафиксированы «насыпные грунты» общей мощностью более 8 м. Они представлены последовательно сменяющимися друг друга слоями суглинков различного окраса с примесью кирпичной крошки, камней и извести. В то же время средняя мощность напластований на склоне берега варьируется в пределах от 1,5 до 2 м.

Таким образом, для возведения дворцового комплекса была выбрана хорошо выраженная в рельефе часть площадки коренной террасы. Насколько большими и глубокими были данные отвержки на момент строительства белокаменных сооружений, судить затруднительно.

С началом каменного строительства начинается активное заселение и освоение южной части городища. Благодаря тому, что работами было охвачено практически все городище, удалось определить территорию распространения культурного слоя середины XII – XIII в. Картографирование шурфов, где выявлены культурные напластования эпохи Средневековья, слои, связанные со строительством середины – второй половины XII в., или большое количество массового керамического материала этого времени, но в переотложенном состоянии, демонстрирует, что территория городища не была полностью освоена. Площадь заселенной части памятника составляла около 2,75 га и в основном локализуется в границах современного монастыря в южной части городища и частично в центральной (рис. 1: А). Как показывают картографические материалы, границы заселения обозначенной территории оставались стабильными вплоть до середины XIX в. (рис. 1: Б).

Находки середины XII – XIII в. в подавляющем большинстве представлены обломками круговых сосудов, аналогичными материалам синхронных комплексов г. Владимира, Суздаля и других памятников Суздальского ополья. Среди находок также встречены детали книжных переплетов (застежек), изготовленных из цветного металла, поливные плитки пола, архитектурные белокаменные детали (рис. 3).



Рис. 2. Фрагменты лепных сосудов эпохи поздней бронзы – раннего железа

В двух шурфах (№ 1 и 4 2015 г., рук. Д. Ю. Бадеев), расположенных поблизости друг от друга на кромке террасы в районе дворцового комплекса, найдено 35 фрагментов амфор. Столь большое количество подобных находок на компактной площади является довольно редким явлением в древнерусских городах и в каждом случае требует отдельного осмысления и интерпретации.

Установлено, что амфоры являлись тарой для перевозки «дорогих и социально престижных пищевых продуктов (прежде всего вина, а также масла, пряностей), нефтепродуктов» (Коваль, 2003. С. 343). Иногда большое количество обломков амфор связано с усадьбами, на которых осуществлялась специализированная ремесленная деятельность, производство лаков, красителей или же располагалась художественная мастерская, например известная усадьба Олесея Гречина в Великом Новгороде (Колчин и др., 1981. С. 86, 114; Завьялов, 2005. С. 99). Также крупным потребителем товаров, доставляемых в амфорах, были храмы и монастыри, так как вино являлось необходимым продуктом для исполнения литургии (Коваль, 2003. С. 346). В случае с Боголюбовским городищем интересно вспомнить сообщения летописей, подробно описывающие убийство Андрея Боголюбского в 1174 г. и действия заговорщиков «и идущимъ имъ к ложницы его, и прия въ страх и трепет и бежаша съ сени и шедше в медушу и пиша вино» (ПСРЛ, 1998. Т. 2. Ст. 586). Не указывает ли столь большое количество амфорного боя на расположение в районе княжеской резиденции медуши?

В целом, характеризуя культурный слой рассматриваемого времени, можно отметить, что он слабо насыщен предметами материальной культуры. Видимо, это объясняется его сильной переотложенностью и небольшими вскрытыми площадями.

Археологический материал золотоордынского периода еще более скуден и менее многочислен, чем предшествующего периода. Находки фрагментов сосудов, характерных для XIV–XV вв., встречены в восточной части распространения культурного слоя эпохи Средневековья, в районе братского корпуса и Благовещенской церкви (рис. 1; 4). К этому времени достоверно можно отнести лишь две находки. Первая – обломок пластинчатого браслета с рельефными валиками (рис. 3: 7). Подобные браслеты по новгородской шкале древностей датируются 40-ми гг.



Рис. 3. Индивидуальные находки. 1, 2 – детали книжных застежек; 3, 6 – обломки амфор; 4 – ушко котла; 5 – деталь монетных весов; 7 – обломок браслета; 8, 9 – поливные плитки пола

XIII – серединой XV в. (Сарачева, 2007. С. 82). Другая находка – деталь (коромысло) монетных весов, также изготовленных из цветного металла. Коромысло имеет завершение в виде небольшой лопаточки, противовес опилен (рис. 3: 5). Весы найдены в слоях XV–XVI вв. Данная конструкция весов проникла на территорию Руси из Золотой Орды, где они преимущественно изготавливались из кости, а металлические монетные весы наиболее характерны для русских памятников (Волков, 2003. С. 40). Находки аналогичных предметов торгового инвентаря известны в Москве в слоях XV в. (Григорьев, Зайцев, 2000). Собственно этими двумя находками и ограничивается узкодатированный материал удельного времени.

В 1984 г. В. П. Глазовым проводилась археологическая разведка за пределами городища. К западу от сохранившихся руинированных укреплений, вдоль Ямского оврага им было заложено три шурфа и осуществлено три зачистки. В ходе работ был обнаружен массовый керамический материал XII–XIII вв., определено нали-

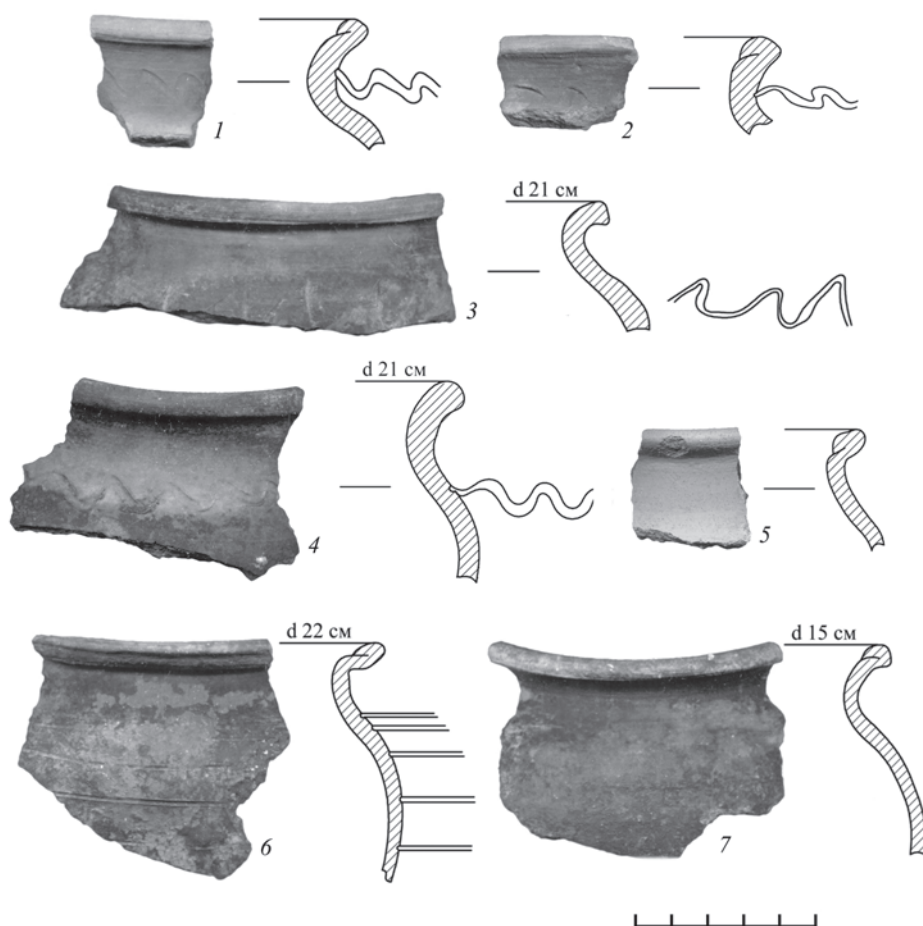


Рис. 4. Массовый керамический материал XIV–XV вв.

чие культурного слоя и объектов этого времени. Основываясь на результатах своих работ, автор интерпретировал данное поселение как посад Боголюбовского городища, вытянутого вдоль Ямского оврага в направлении с северо-запада на юго-восток в длину на около 600 м. Общая площадь распространения культурного слоя определялась исследователем в 36–40 га (Глазов, 1984. С. 24).

Оценивая приведенные цифры площади выявленного селища, стоит отметить, что его границы определены довольно условно и требуют дополнительных полевых работ, в ходе которых они будут скорректированы. Но в то же время эти работы, бесспорно, подтверждают факт заселения территории к западу от оборонительных укреплений Боголюбовского городища. По сообщениям исследователя, в двух шурфах (№ 7 и 8 1984 г.) выявлены обломки лепных сосудов X–XI вв. и круговых сосудов XI–XIII вв. (Глазов, 1984. С. 9, 10). Вероятно, поселение на правом берегу Ямского оврага возникло и существовало раньше, чем началась строиться княжеская резиденция, которая, как было отмечено выше, располагалась на не застроенном ранее участке.

Во многом схожая ситуация прослежена в ходе исследований другого широко известного памятника древнерусского зодчества – церкви Бориса и Глеба в с. Кидекша под Суздалем. По результатам работ, проводившихся экспедицией ИА РАН в 2011 г., установлено, что площадка будущего строительства храма также была абсолютно пуста и не застроена, «там не было ни княжеского дворца, ни рядовой усадебной застройки, ни более ранних церковных построек» (Макаров и др., 2015. С. 178). До возведения храма территория распахивалась, а участок застройки XI – первой половины XII в., по мнению исследователей, находился недалеко к югу от церкви (Макаров и др., 2015. С. 178). Прослеживается определенная закономерность, когда для возведения белокаменных строений по воле князя выбираются участки, расположенные за пределами существующих поселений, но в непосредственной близости от них.

В 2017 г. проводились исследования в интерьере и снаружи Благовещенской церкви, расположенной в непосредственной близости от дворцового ансамбля. В одном из шурфов, заложенных внутри здания (шурф 12), были зафиксированы слои, образованные последовательно сменяющимися друг друга прослойками извести и переотложенных насыпных грунтов, покоившихся на древнем пахотном горизонте (рис. 6: 2). Исходя из стратиграфической ситуации, эти слои датируются временем начала активного каменного строительства на территории комплекса в середине XII в. Аналогичные напластования прослежены в шурфе 1 2015 г. (рук. Вл. В. Седов) в интерьере собора Рождества Богородицы. В нем было зафиксировано три прослойки извести, разделенные между собой песчаными слоями толщиной 30–50 см. Самая нижняя прослойка извести в Рождественском соборе, так же как и в шурфе внутри Благовещенской церкви, покоилась на пахотном горизонте, сформировавшемся до возведения собора. Авторами работ слои в соборе Рождества Богородицы связывались со временем его строительства и определялись как подготовка под конструкцию полов храма середины XII в. (Вдовиченко, 2017. С. 154. Рис. 2, 3).

Около северной и восточной стены Благовещенской церкви (шурфы 10 и 13 2017 г.) прослежены схожие напластования, образованные желтым материковым суглинком или мешаными слоями материкового суглинка с погребенной почвой, лежащими на пахотном горизонте и перекрытыми слоем извести толщиной до 30–



Рис. 5. Фрагменты изразцов

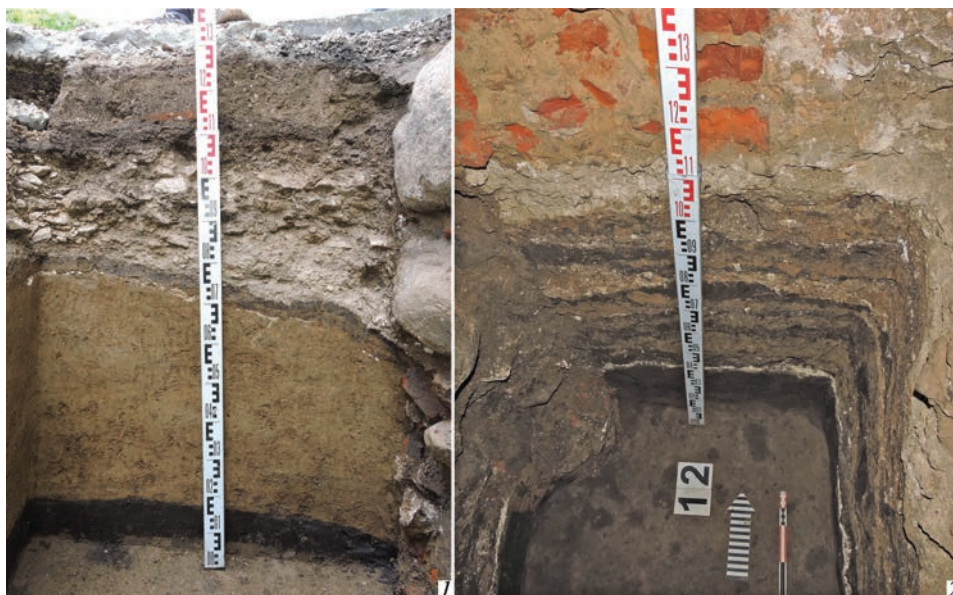


Рис. 6. Исследования в районе церкви Благовещения в 2017 г. 1 – фотография восточного профиля шурфа № 10; 2 – фотография северного профиля шурфа № 12

40 см (рис. 6: 1). Эти слои синхронны времени возведения белокаменных построек и конструктивно не связаны с церковью Благовещения XVII в. Об этом свидетельствуют два момента. Во-первых, они прорезаны траншеями фундаментных рвов Трапезной церкви. Во-вторых, они перекрывают первоначальный пахотный горизонт, на котором не сформировался культурный слой XII–XVII вв. Наличие подобных слоев свидетельствует об активной строительной деятельности на участке в середине XII в. и связано с возведением белокаменных построек.

В 1989 г. при снятии грунта вокруг Трапезной церкви находили большое количество каменного боя, но чем дальше от фасадов церкви, тем его становилось меньше. Повсеместно был встречен слой известкового раствора и белокаменного щебня (Глазов, 1989. С. 25).

Приведенные материалы указывают на возможное расположение на данном участке ранее неизвестной каменной постройки, входившей в состав княжеской резиденции. В кратком Владимирском летописце, вероятно составленном в XVI в., сообщается о том, что Андрей Юрьевич «сотвори Боголюбный град и спом осяпа и постави две церкви каменные и ворота каменны и полаты» (Тихомиров, 1979. С. 186).

Конечно, предположение о наличии ранее неизвестной каменной постройки очень гипотетично. Но факт наличия серьезной строительной деятельности в районе современного расположения Благовещенской церкви является неоспоримым и будет объяснен при проведении новых полевых исследований.

Литература

- Вдовиченко М. В., 2017. Фрагменты фундаментов XII в. собора Рождества Богородицы в Боголюбове, раскрытые в ходе работ 2015 г. // КСИА. Вып. 249, ч. II. С. 151–169.
- Волков И. В., 2003. Средневековые монеты с селища Могутово-2 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (12). С. 35–43.
- Воронин Н. Н., 1954. Отчет о работе Владимирской экспедиции Владимирского областного музея и ИИМК АН СССР 1954 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1002.
- Воронин Н. Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1: XII столетие. М.: Изд-во АН СССР. 583 с.
- Глазов В. П., 1984. Суздальский район пос. Боголюбово. Историческое ядро. Зоны охраны культурного слоя // Архив ИА РАН. Р-1. № 12463.
- Глазов В. П., 1989. Отчет. П. Боголюбово. Суздальский район. Боголюбровский монастырь. Археологические исследования 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13784.
- Григорьев А. В., Зайцев В. В., 2000. Находки фрагментов костяных «монетных весов» XIV в. в Тульской области // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М.: ГИМ. С. 130, 131.
- Завьялов В. И., 2005. Археологические исследования посада // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли. С. 90–104.
- Коваль В. Ю., 2003. С. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред.: Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука. С. 340–352.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л., 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука. 168 с.
- Макаров Н. А., Шполянский С. В., Долгих А. В., Алешинская А. С., Лебедева Е. Ю., 2015. Раскопки в Кидекше: культурный слой и пахотный горизонт под церковью Бориса

- и Глеба // ABC3. Вып. 5 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН С. 159–179.
- ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 1105 с.
- ПСРЛ. Т. 4: Новгородская четвертая летопись. Ч. I. Петроград, 1915. 320 с.
- Сарачева Т. Г.*, 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. Вып. 221. С. 73–88.
- Седов Вл. В.*, 2015а. Отчет о проведении археологических исследований на территории Боголюбского монастыря Рождества Богородицы в Суздальском районе Владимирской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 48631.
- Седов Вл. В.*, 2015б. Каменные стены Боголюбова. Исследования 2015 года // КСИА. Вып. 241. С. 191–202.
- Седов Вл. В.*, 2017а. Северный портал собора Рождества Богородицы в Боголюбове // КСИА. Вып. 246. С. 56–69.
- Седов Вл. В.*, 2017б. Лестничная башня в Боголюбове (по материалам раскопок 2015 года) // КСИА. Вып. 249, ч. II. С. 131–150.
- Тихомиров М. Н.*, 1979. Русское летописание. М.: Наука. 384 с.

S. I. Milovanov

THE BOGOLYUBOV FORTIFIED SETTLEMENT ACCORDING TO RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES OF THE SECOND HALF OF XX – THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

Summary. Analysis and generalization of the research results of 1954–2017 of the Bogolyubov fortified settlement allowed to present the archaeological context of the architectural complex. The original site of the settlement was probably inhabited in the 2-nd half of the I – beginning of II thousand A. D. The settlement of this time was not big on the area and is localized on the banks of the Yakimansky ravine. It is determined that for the construction of the Prince's residence the empty undeveloped place was chosen. It is defined that in the middle of the XII – XIII centuries not the entire area of the settlement was inhabited. The area of distribution of the cultural layer of this time is approximately 2.75 hectares. It is localized in the southern part of the plateau occupied by the fortified settlement. The new place of active stone construction of the middle of the XII century in the area of the Annunciation Church is determined in the course of work in 2017.

Keywords: The Bogolyubov fortified settlement, architectural complex, princely residence, the cultural layer of the middle of XII–XIII centuries.

В. С. Нефедов, В. Н. Орлов, Н. Г. Самойлович

ТИПОГРАФСКИЙ РАСКОП 2016 г. НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ РОСТОВА ВЕЛИКОГО

Резюме. Небольшие по площади спасательные раскопки на отдаленном от исторического центра города участке на ул. Окружной выявили отложения XI–XIII вв. Исследованы сооружения городской усадьбы, существовавшей на протяжении длительного времени и погибшей в пожаре, уточнены границы распространения раннегородского культурного слоя, впервые обнаруженного в верховьях озерного притока – речки Пижермы.

Ключевые слова: Ростов Великий, историческая топография, культурный слой, городская усадьба, лепная керамика.

Одним из объектов охранных работ на территории Ростова Великого в 2016 г. был участок строительства у здания городской типографии по адресу: ул. Окружная, д. 12. Участок находится на значительном удалении от исторического центра города – в 700 м от кремля и в 400 м от берега озера Неро (рис. 1).

Площадь раскопа составляла 48 м², общая мощность культурного слоя достигала 2 м (рис. 2). Верхние отложения, представлявшие собой кирпичный бой и строительный мусор, оставшийся после разрушения предшествующего здания, были сняты техникой, раскопки начались с глубины 0,4 м от дневной поверхности.

Верхний горизонт исследованного культурного слоя относится к концу XVIII – первой половине XIX в., когда на этой территории внедрялась регулярная городская планировка с застройкой по красным линиям окружной и радиальных улиц, частично сохранившаяся до наших дней. Это рыхлый мешаный грунт, насыщенный строительными остатками, кирпичным боем, известью, обломками дерева. Среди находок этого горизонта серия монет разного достоинства 1797–1850 гг. чеканки, два креста-тельника, медная пластина-заготовка для финифти («дробничка»), обломки курительных трубок, фрагменты помадных банок, фаянсовой и глиняной посуды.

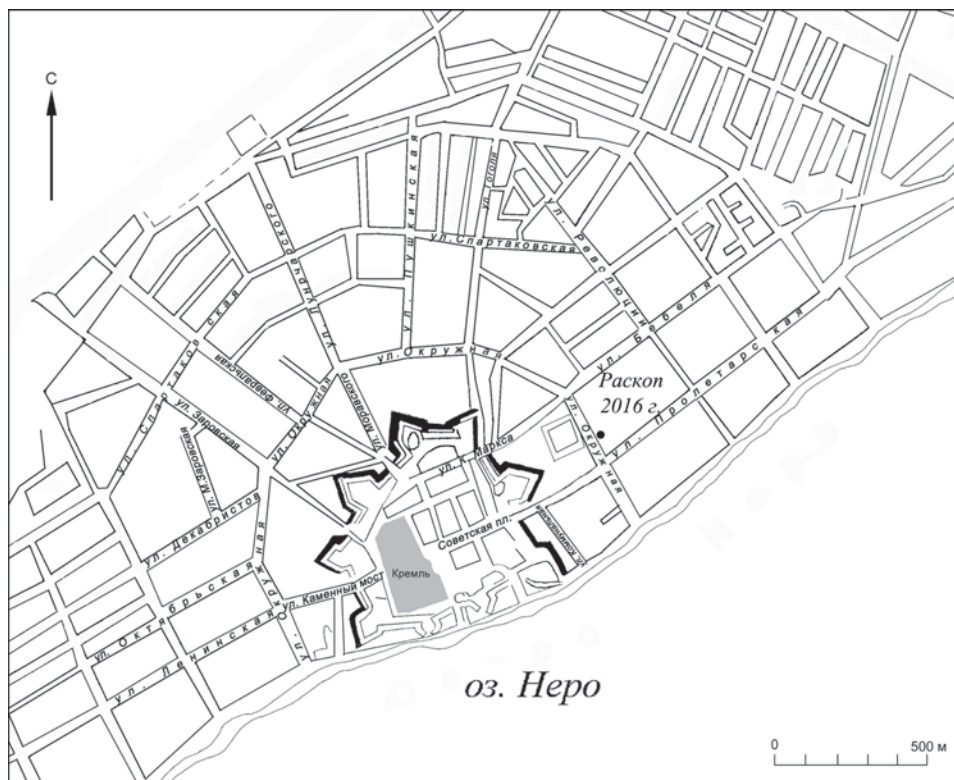


Рис. 1. Современный план Ростова с указанием места расположения Типографского раскопа

Ниже залежали отложения, которые можно датировать в широких хронологических рамках XVI–XVIII вв. – это достаточно однородный влажный суглинок мощностью около 0,4 м, не содержащий видимых примесей, прослоек и включений, кроме редких угольков и мелких пережженных камней, его мощность составляла около 0,4 м (рис. 2: II). На участке нет следов строительной деятельности, очевидно, территория пустовала, что подтверждает свидетельства письменных источников о прокладке новых улиц по плану регулярной планировки 1779 г. по «пустошам, огородным и покосным землям». Начало формирования этого горизонта датировано находками двух тверских пул рубежа XV–XVI вв., среди других находок – монеты-«полушки» 1702 и 1719 гг., голландская курительная трубка, ременная пряжка, обломок конской подковы. Верхний пласт этих отложений отличался необычно большим для нежилого участка количеством керамического боя – разрозненных фрагментов чернолощеной посуды разных типов, в основном кувшинов и мисок. Можно полагать, что этот керамический комплекс связан с Ростовской ярмаркой, рыночные площади которой с середины XVIII в. занимали территорию, прилегающую с напольной стороны к валам земляной крепости. Напротив нашего



Рис. 2. Типографский раскоп. Участок профиля юго-восточной стенки. Обозначены слои: *I* – XVIII–XX вв.; *II* – XVI–XVIII вв.; *III* – погребенная почва; *IV* – XII–XIII вв.; *V* – пахотно-огородный горизонт (XI в.)

участка, на месте, где в середине XIX в. был построен Мытный двор (нынешний Городской рынок), находились ярмарочные площади Увеселительная, Дужная и Санная (Собянин, 1929. С. 18; Самойлович, 2008. С. 135).

Участок пустовал и в предыдущий, достаточно длительный, период – по определению А. Л. Александровского, лежавший ниже описанного слоя горизонт однородного темно-серого суглинка толщиной около 0,2 м носил явные следы почвообразования (рис. 2: *III*).

Почвенный слой перекрывал сильно гумусированный, насыщенный щепой, древесным тленом, включениями золы, угольков городской культурный слой, мощность которого достигала 0,30–0,50 м. Слой хорошо стратифицирован, сохранились остатки сооружений двух строительных периодов, что позволяет в общих чертах представить историю этого участка городской территории с начала его освоения.

На первом этапе возникновения усадебной застройки поверхность участка была выровнена, местами для этого сделана подсыпка из материковой глины. На подготовленном месте был сооружен жилой (?) дом (постройка 2, в площадь раскопа вошла ее часть) (рис. 3), рядом появилась легкая ограда – плетень, который впоследствии неоднократно подновлялся.

В площади постройки 2 были найдены обломок стеклянного браслета (рис. 4: *1*), подвеска-лунница белого металла (рис. 4: *5*), фрагмент бронзового пластинчатого браслета, латунная поясная бляшка, железная игла, костяной гребень (рис. 4: *12*). Вблизи постройки найдены каменная литейная форма (рис. 4: *8*), обломки нескольких тиглей (рис. 4: *2*), слиток свинца, выплески цветного металла и оселок (рис. 4: *13*).



Рис. 3. Типографский раскоп. Постройка 2. Вид с востока

Позднее постройка 2 была разобрана и к западу от нее сооружается более легкая, сложенная из плах, а не из бревен, небольшая по площади хозяйственная постройка 1. Для ее устройства было частично использовано основание предыдущего дома. Тогда же, по-видимому, был устроен частокол, в отличие от легкой плетневой конструкции предшествующего периода, сооруженный из столбов диаметром до 20 см, в его восточном углу сохранился воротный проем шириной около 1,4 м.

В площади постройки 1 и на прилегающем участке найдены шарообразная бусина из бесцветного полупрозрачного стекла (рис. 4: 3), два шиферных пряслица (рис. 4: 6, 7), обломок корчаги, два костяных гребня (рис. 4: 15, 17), «брунчалка» из полой птичьей кости (рис. 4: 11), костяная деталь (рис. 4: 16), нож (рис. 4: 10), два наконечника стрел (рис. 4: 9, 14). Особо необходимо отметить наперсный крест из серого шифера с прочерченным изображением Голгофского креста и надписью IC XC. Крест относится к типу так называемых крестов с наконечниками – на его лопастях сохранились следы снятых металлических обоймиц (рис. 4: 3).

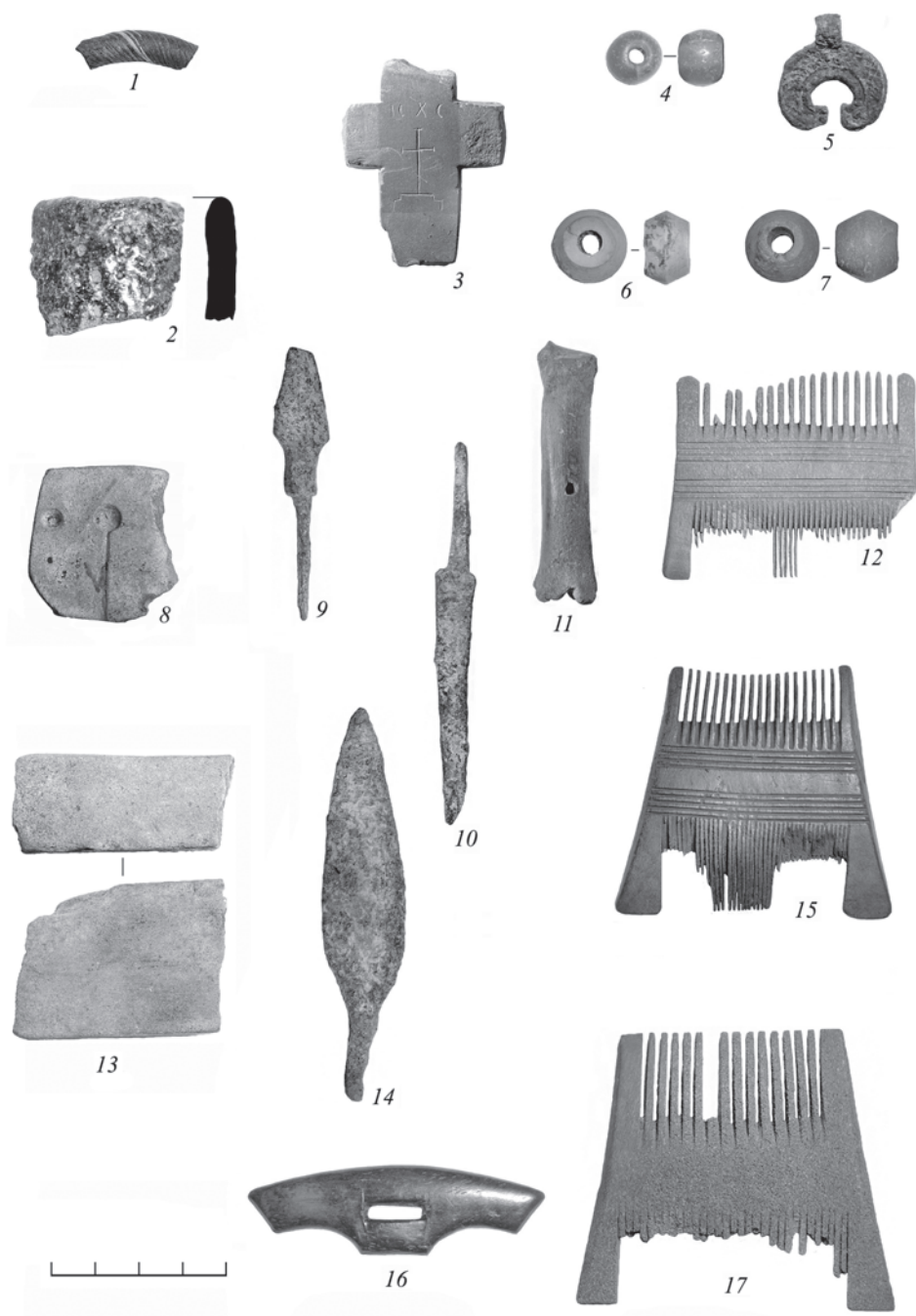


Рис. 4. Типографский раскоп. Находки из усадебного слоя XII–XIII вв.



Рис. 5. Типографский раскоп. Лепная и круговая керамика из пахотно-огородного горизонта



Рис. 6. Ростов в границах XIII в. Более темным цветом выделена территория города XI в. по имевшимся археологическим данным (по: *Леонтьев*, 2003)

Усадьба погибла в пожаре – верхний горизонт усадебного слоя содержит большое количество обугленных остатков дерева, пережженных камней, дресвы, линз золы и обожженной глины, в нем встречена ошлакованная керамика. Горизонт разрушения сильно минерализован и, видимо, долгое время представлял собой дневную поверхность.

Самый нижний горизонт культурного слоя, залегающий на материке и местами на остатках гумусового горизонта погребенной почвы, – это однородный агрогенный горизонт толщиной в основном от 0,15 до 0,25 м. Его нижняя граница на большей части раскопа была покрыта округлыми и овальными в плане, подтреугольными и сегментовидными в разрезе «ямками», которые, предположительно, являются следами лопат. Поверхность этого горизонта в целом понижалась с востока на запад, что отражает особенности древнего рельефа на данном участке. На финальном этапе своего формирования этот горизонт, несомненно, был огородным, однако ранее он мог формироваться как пахотный. По заключению А. Л. Александровского, процесс его формирования занял несколько десятилетий. К этому горизонту, к его верхней части, приурочены многочисленные находки керамики, среди которой встречены фрагменты лепных сосудов (рис. 5: 4, 5) – это горшки из грубого теста с примесью крупной дресвы, один из них орнаментирован по плечу горизонтальным поясом насечек в виде «елочки» и косыми насечками по краю венчика (рис. 4: 4). Остальная керамика этого горизонта представлена образцами раннекруговых горшков (рис. 4: 1–3, 6–13).

При отсутствии дендродат и узкодатирующих находок период существования усадебной застройки можно определить в рамках XII–XIII вв. Стекланная бусина из постройки 1 представляет самый распространенный в Ростове тип шарообразных бусин, который датируется в городе второй половиной XII – началом XIII в. (*Самойлович*, 2006. С. 372). Находки биконических шиферных пряслиц небольшого размера в Ростове также приурочены к отложениям XII–XIII вв.

Однако первоначальный период освоения территории, связанной с пашней (?) и огородом, приходится на более раннее время, на что указывают находки фрагментов лепной и круговой керамики ранних форм. Лепная керамика в Ростове является надежным индикатором отложений X–XI вв. Круговая посуда из нижнего горизонта также представлена формами, характерными для середины – второй половины XI в. (*Леонтьев, Самойлович*, 1991. С. 60, 62. Рис. 2; *Леонтьев*, 1998. С. 144. Рис. 8). В целом набор керамических форм нижнего горизонта Типографского раскопа идентичен коллекции из нижних пластов раскопа 1 в Конюшенном дворе, датирующихся второй половиной XI в. (*Самойлович*, 2007. С. 8).

Хотя усадебная застройка участка сложилась позже, но сравнительно большое количество керамики в нижнем горизонте, наличие в коллекции развалов горшков позволяет предположить, что и в более раннее время жилая застройка располагалась где-то поблизости.

Подводя итог исследованиям на участке Типографского раскопа, можно утверждать, что территория Ростова в XI в. была больше, чем предполагалось ранее (рис. 6), и превышала 15 га, рассчитанные по результатам работ предшествующих лет, охватывая значительную часть левобережья речки Пижермы¹ к востоку от центра города. Этот участок городской территории оставался «белым пятном» на археологической карте города (*Леонтьев*, 2003. Рис. 4).

Материалы Типографского раскопа подтверждают также запустение ранее заселенных участков городской территории, отмеченных до этого на Посадском и Всехсвятском раскопах, где на месте сгоревших в XIII в. усадеб вплоть до XV–XVI вв. оставались пустоши, что позволило говорить о стагнации города в XIV в. (*Леонтьев*, 2003. С. 45).

Литература

- Леонтьев А. Е.*, 1998. Ростов эпохи Ярослава Мудрого // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли. С. 135–153.
- Леонтьев А. Е.*, 2003. От столицы княжества к уездному городу (Материалы к исторической топографии Ростова X–XIV вв.) // Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред.: Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука. С. 34–47.
- Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г.*, 1991. Керамика Ростова X–XIII вв. // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. В. Седов. Тверь: Тверской гос. ун-т. С. 56–66.

¹ Речка Пижерма – небольшой озерный приток, засыпанный в конце XVIII в. по проекту регулярной планировки Ростова, утвержденному в 1779 г. Исток находился, предположительно, в районе нынешних ул. Некрасова и Гоголя, следы речной долины остались в виде заболоченной низины с внешней стороны северо-западного бастиона Земляной крепости.

- Самойлович Н. Г.*, 2006. Стекланные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья: (к 80-летию К. И. Комарова): сб. ст. / Ред. А. В. Кашкин. М.: ИА РАН. С. 371–386.
- Самойлович Н. Г.*, 2007. Конюшенный раскоп в Ростове Великом: материалы охранных археологических исследований. М.: Таус. 87 с. (Труды отдела охранных раскопок / ИА РАН; т. 9.)
- Самойлович Н. Г.*, 2008. Обустройство территории Ростовской ярмарки в конце XVIII – начале XIX вв. (по археологическим данным) // История и культура Ростовской земли: материалы конф. 2007. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль». С. 134–139.
- Собянин В. А.*, 1929. Ростов в прошлом и настоящем. 2-е изд., испр. и доп. Ростов-Ярославский: Тип. им. Калинина. 71 с.

V. S. Nefedov, V. N. Orlov, N. G. Samoylovich

**TYPOGRAPHSKIY EXCAVATION OF 2016. NEW DATA
TO THE HISTORICAL TOPOGRAPHY OF ROSTOV THE GREAT**

Summary. The paper is devoted to the results of security excavations in the territory of Rostov the Great in 2016. The area where the work was carried out was located at a considerable distance from the historical center of the city – 700 m from the Kremlin and 400 m from the shore of the lake Nero. Nevertheless, the thickness of the cultural layer in the excavated area of 48 sq. m. reached 0.30–0.50 m. The layer is well stratified, the remains of constructions of two construction periods remained. The period of existence of buildings can be defined within the XII–XIII centuries. However, the initial development of the territory falls on an earlier time, as indicated by the findings of fragments of modelled and circular ceramics of early forms. The modelled ceramics in Rostov is a reliable indicator of deposits of the X–XI centuries. As a result it is possible to claim that the territory of Rostov in the XI century was more, than it was supposed earlier and exceeded 15 hectares calculated according to the results of works of the previous years.

Keywords: Rostov the Great, historical topography, cultural layer, city estate, modelled ceramics.

Н. Н. Грибов

БОЛЬШОЕ НЕУКРЕПЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В ПОСУРСКИХ ВЛАДЕНИЯХ БОРИСА КОНСТАНТИНОВИЧА СУЗДАЛЬСКОГО

Резюме. В статье изложены краткие итоги первых исследований большого неукрепленного поселения Курмыш-4, обнаруженного на левом берегу реки Суры в 2007 г. Рассмотрены основные группы инвентаря. Дана характеристика особенностям комплекса керамической посуды. Предложен подход к историко-социологической интерпретации данного поселения. По летописным данным, поселение находилось во владениях суздальского князя Бориса Константиновича. Вместе с городищем Курмыш оно входило в единую поселенческую агломерацию, обладающую городскими чертами.

Ключевые слова: Посурье, большое неукрепленное поселение, суздальский князь, городище, чугунные котлы, золотоордынские монеты, керамика, восточный импорт, полиэтничный состав населения, следы производственной деятельности.

Восточная периферия поволжских земель, находящихся под юрисдикцией русских князей в эпоху Золотой Орды, остается слабо изученной в археологическом отношении. Разведочные исследования, проводимые в 2007–2009 гг. на левобережье Нижней Суры – в одном из восточных пограничных районов Нижегородско-Суздальского княжества, – неожиданно привели к обнаружению здесь большого неукрепленного поселения Курмыш-4 (*Грибов, Ахметгалин, 2010*). По размерам (18,6 га) и ряду других археологических признаков оно заметно отличается от известных средневековых селищ Нижегородского Поволжья: самые крупные русские селища в окрестностях Нижнего Новгорода имеют площади порядка 4–6 га, а максимальные размеры мордовских неукрепленных поселений начала II тыс. н.э. в южных районах Нижегородской области не превосходят 10–11 га. Значительные размеры поселения, определенные при первом его обследовании по области распространения подъемного материала, были подтверждены в 2011 г. результатами специальных изысканий по локализации его границ с заложением 25 шурфов и 11 зачисток (*Грибов, 2011а*).

Площадка поселения Курмыш-4 вытянута вдоль кромки первой надпойменной террасы левого берега р. Суры на 1200 м (рис. 1). Вглубь террасы она простирается на 80–250 м. Ее высота над уровнем заболоченной поймы реки колеблется от 5 до 7 м. Северо-западная периферия поселения выходит на берег протяженной старицы, которая, по воспоминаниям старожилов, до 1941 г. была участком русла Суры. Узкой балкой территория памятника рассечена на две соразмерные части. К юго-востоку от балки вблизи бровки берегового склона в 2007 г. был заложен первый разведочный шурф. Зафиксированные в нем культурные напластования состояли из двух разновременных горизонтов: под верхним темным средневековым слоем на супесчаном материке лежал светлый слоистый песок с лепной керамикой финала бронзы. В северо-западной части памятника в 2008 и 2009 гг. были заложены два небольших раскопа, общей площадью 107 м². Здесь были вскрыты только средневековые отложения (мощностью до 40 см), почти повсеместно перетолженные на всю глубину (до материка) в результате старой распашки. Только на небольших локальных участках вблизи материковой поверхности культурный слой сохранился в неповрежденном виде и был структурирован перемежающимися прослойками углей, печных развалов и светлыми выбросами из материковых ям.

Уже при первых сборах подъемного материала стало очевидным, что от единовременных нижегородских селищ, помимо исключительно больших размеров, поселение Курмыш-4 отличается необычным составом керамического комплекса (Грибов, 2011б. С. 89. Табл. 1). Собранная на памятнике керамическая коллекция обширна: без учета находок, обнаруженных на дневной поверхности, она включает в себя 17 813 фрагментов лепных и гончарных сосудов. По сочетанию способа формовки, характера обжига и типу основного отощителя теста фрагментированный керамический материал разделяется на несколько групп. Доминируют обломки гончарной посуды с примесью толченой раковины, изготовленной, за исключением рецептуры теста, в полном соответствии с традициями русского средневекового гончарства эпохи Золотой Орды. При систематике керамики Болгара соответствующая керамическая группа (группа XVI, см.: *Хлебникова*, 1988. С. 33) получила довольно неудачное наименование «славяноидной» (*Хлебникова*, 1967. С. 89, 90; *Никитина*, 2006. С. 114, 115). К этой группе относится, в среднем, каждый второй черепок, обнаруженный на поселении (50,5 %). Второй по численности является обычная для нижегородских памятников русская средневековая посуда с примесью песка или дресвы (29,7 %). Набор венчиков характерен для комплексов Нижегородского Поволжья середины XIV – начала XV в. (группа II, см.: *Грибов*, 2006. С. 70).

Влияние русских традиций в формообразовании сосудов прослеживается в профилировке изделий еще одной керамической группы поселения Курмыш-4. Это круговые изделия с примесью шамота в тесте (9,2 %). К более редким разновидностям относятся фрагменты лепных с примесью шамота (иногда – толченой раковины) сосудов (7,7 %) и продукция ремесленных центров Золотой Орды, представленная хорошо обожженными краснолощеными изделиями (2,2 %).

Количественные соотношения образцов различных керамических групп в подъемном материале и в разных горизонтах заполнений наиболее крупных

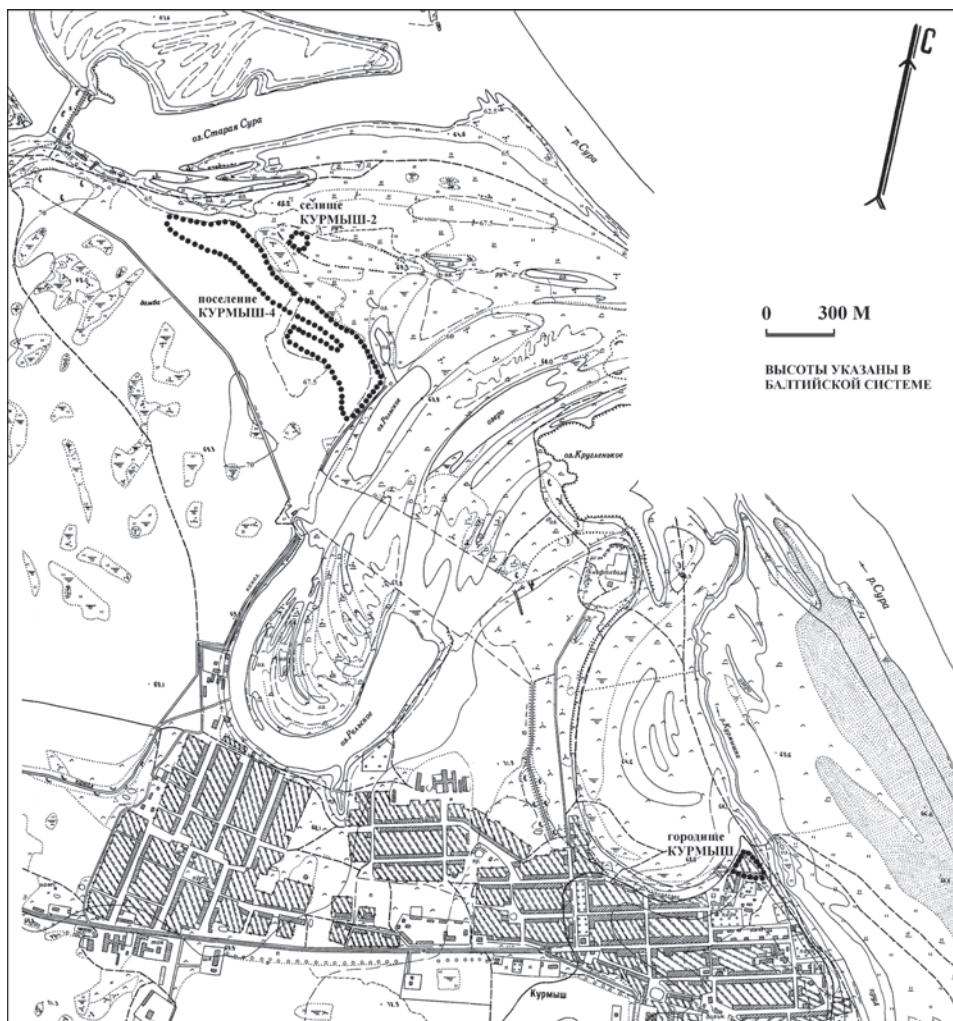


Рис. 1. Поселение Курмыш-4, селище Курмыш-2 и городище Курмыш-1. Ситуационный план

материковых ям соответствуют друг другу, что, вероятно, свидетельствует об использовании местными насельниками посуды, изготовленной в соответствии с разными технологическими традициями.

Культурное разнообразие предметного мира местных насельников проявляется и в индивидуальных находках, насчитывающих 530 единиц (с учетом подъемного материала). К вещам, указывающим на православное вероисповедание, по крайней мере, части местных насельников, относятся предметы личного благочестия. Это четыре бронзовых креста-тельника и двухсторонняя свинцово-оловя-

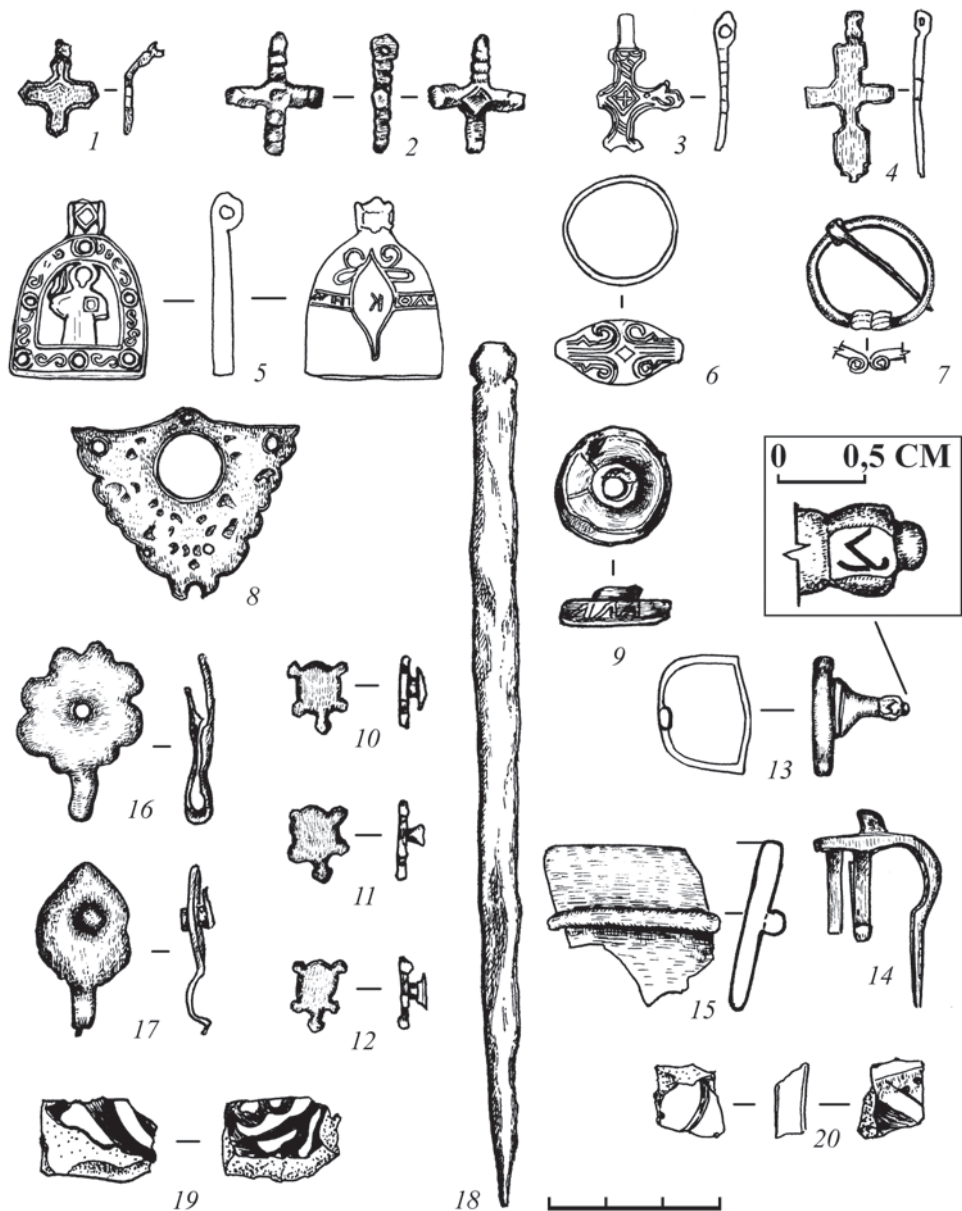


Рис. 2. Поселение Курмыш-4. Находки: 1–4 – нательные кресты; 5 – иконка-привеска; 6 – перстень; 7 – кольцевая застежка; 8, 10–12, 16, 17 – накладки; 9 – грузик; 13 – муфта; 14 – дужка от замка; 15 – фрагмент венчика сосуда; 18 – писало; 19, 20 – фрагменты сосудов. Железо: 16–18. Бронза: 1–8, 10–14. Свинец: 9. Стекло: 15. Кашин: 19, 20. Раскоп 1: 8 (яма 1), 14 (кв. 6А, пл. 1). Раскоп 2: 1 (кв. 12, пл. 2), 2 (кв. 14, пл. 1), 9 (кв. 4, пл. 2), 10 (кв. 2, пл. 3), 11 (кв. 11, пл. 3), 12 (кв. 4, пл. 3), 15 (кв. 6, пл. 2), 17 (кв. 4, пл. 1), 20 (яма 1). Подъемный материал: 3–7, 13, 16, 18, 19

нистая иконка-привеска с ростовым изображением святого Николая Чудотворца (рис. 2: 1–5). Найденное железное писало с шарообразной головкой близко к типу позднейших новгородских стилей середины XIII – XV в. (рис. 2: 18) (*Овчинникова*, 1994. С. 84).

Значительную часть коллекции образуют предметы, традиционно относимые к «восточному» импорту. Преобладают фрагменты чугунных котлов (81 находка), среди которых встречено 19 венчиков и четыре фрагмента стенок со следами ремонта (рис. 3: 9, 10). По количеству обломков чугунных сосудов поселение Курмыш-4 в настоящее время лидирует среди поселений русских земель, обгоняя по этому показателю даже периферийные памятники юго-восточных окраин, где в контактной зоне с кочевым миром отлитые из чугуна емкости имели широкое распространение (*Гоняный*, 2005. С. 157. Рис. 43). Так, при раскопках поселения Мельгуново-3 на площади свыше 4000 м² обнаружено 39 фрагментов таких изделий (*Екимов*, 2006. С. 146).

Круг предметов, характерных для поволжских центров Золотой Орды, кроме чугунных котлов, включает в себя бронзовую дужку от зооморфного болгарского замка (рис. 2: 14), бронзовую нашивную накладку (вероятно, от седельной сумки, рис. 2: 8), три однотипных поясных штифтовых накладки из бронзы – подквадратной формы с выступами по углам и посередине одной из сторон (рис. 2: 10–12), венчик сосуда из цветного стекла (рис. 2: 15), три фрагмента поливной кашинной посуды (рис. 2: 19, 20). Среди последних следует отметить обломок стенки сосуда, расписанный кобальтом, – «тимуридский» кашин, который появляется не ранее конца XIV в. (*Булатов*, 1968. С. 102). К привозным изделиям восточного происхождения относится полукруглая бронзовая муфта с декоративным щитком колоколовидной формы (от футляра ножа?). Завершение щитка отмечено клеймом из двух арабских букв («ба» и «каф»), образующих слово «бек» (рис. 2: 13).

Нумизматические находки представлены девятью золотоордынскими монетами – тремя медными пулами и шестью серебряными дангами (*Грибов*, 2011б. С. 90. Табл. 2). Медные монеты: два одинаковых анонимных пула с изображением барса (г. Гюлистан, 764 г. х.) и пул Хызра (г. Гюлистан, очевидно, 762 г. х.: при изготовлении штемпеля допущена типичная для резчиков штемпелей ошибка в обозначении даты (766 г. х.), вызванная зеркальной симметрией арабских начертаний цифр «2» и «6»). Монеты из серебра: два данга Узбека (г. Сарай; один 715 или 717 г. х., другой 734 г. х.), один – Джанибека (оба 743 г. х., г. Сарай-ал-Джедид), один – Бердибека (760 г. х., г. Сарай ал-Джедид) и еще один – Мюрида (764 г. х., г. Гюлистан). Наиболее ранние по датам монетные выпуски (Узбека и Джанибека) обрезаны под весовые нормы дангов поволжских центров Золотой Орды второй половины XIV – первого десятилетия XV в.: их вес от 0,71 до 1,36 г. В целом время археологизации собранных монет датируется достаточно узким промежутком – от начала «великой замятни» (конец 50-х гг. XIV в.) до денежной реформы рубежа первых двух десятилетий XV в., существенно изменившей вес серебряной монеты (*Тростьянский*, 2009. С. 13, 14; *Федоров-Давыдов*, 1989. С. 122, 123).

К типично финским элементам материальной культуры относится бронзовая кольцевая застежка со спирально подвернутыми невыступающими окончаниями (рис. 2: 7).

Обращают внимание выявленные при первом рекогносцировочном исследовании поселения следы различных производств. С получением железа связаны массовые находки фрагментов криц и крицеобразных шлаков, происходящие из разных участков памятника (Грибов, Ахметгалин, 2010. С. 33. Рис. 9). Многочисленные осколки чугунных изделий, наличие среди них фрагментов стенок котлов со следами ремонта ставят вопрос о существовании местного чугунолитейного производства. О занятии железообработкой свидетельствует обнаруженный железный массивный пробойник, грубо декорированный косой насечкой вблизи бойка (рис. 3: 7). С функционированием местной бронзолитейной мастерской, очевидно, следует связать находки осколков керамических тиглей (рис. 3: 1–4), обломков литейных форм (для отливки перстней) (рис. 3: 5, 6), литников, слитков бронзы, бронзовой проволоки (Грибов, Ахметгалин, 2010. С. 33. Рис. 10). О работе на поселении профессионального костореза указывает железное лучевое сверло (рис. 3: 8).

Одно из направлений местной хозяйственной деятельности, очевидно, было связано с земледелием, на что указывают находки железных серпа и двух целых сошников.

По совокупности характерных особенностей – составу керамического комплекса, этнокультурному разнообразию вещевого материала, находкам золотоордынских монет – поселение Курмыш-4 тяготеет к группе компактно расположенных единовременных поселенческих памятников на правобережье р. Суры в Горномарийском районе Республики Марий Эл. Вместе с тем у него есть и весьма своеобразные черты, выделяющие его из поселений округи крупнейшего местного средневекового центра – городища Аламнэр (Никитина, Михеева, 2006. С. 142–163). Прежде всего, это значительные размеры, более чем в два раза превосходящие суммарную площадь всех известных здесь поселений XIII–XV вв., широкое распространение чугунных котлов, большая насыщенность находками.

Получить представление о месте поселения Курмыш-4 в иерархической организации средневекового расселения помогают сведения из письменных источников. Согласно тексту жалованной грамоты из архивохранилища нижегородского Благовещенского монастыря, выданной 8 декабря 1393 г., рыбные ловли на левом берегу р. Суры на участке от ее устья до места впадения в Суру р. Курмышки входили во владения великого суздальского князя Бориса Константиновича (АСЭИ. Т. 3. С. 321). Поселение Курмыш-4 располагается в 2 км к западу от устья р. Курмышки на указанном участке Сурского левобережья, входящем в вотчину этого князя и в непосредственной близости (в 2,8 км к северо-западу) от основанного им в 1374 г. города Курмыш (рис. 1).

Борис Константинович – третий по старшинству сын Константина Васильевича Суздальского, основателя династии великих нижегородских князей, получившего в 1341 г. ярлык на Суздаль, Городец и Нижний Новгород от хана Узбека. Уступая по возрасту старшим братьям в правах на отчее наследство, он, благодаря незаурядной энергии и предприимчивости и, конечно, родственным связям, стал заметной политической фигурой в борьбе за столичный Нижний Новгород, был известен в Византии и даже мог оказывать влияние на поставление нижегородских церковных иерархов. В сохранившихся актах Константинопольского патриархата Борис Константинович упоминается как

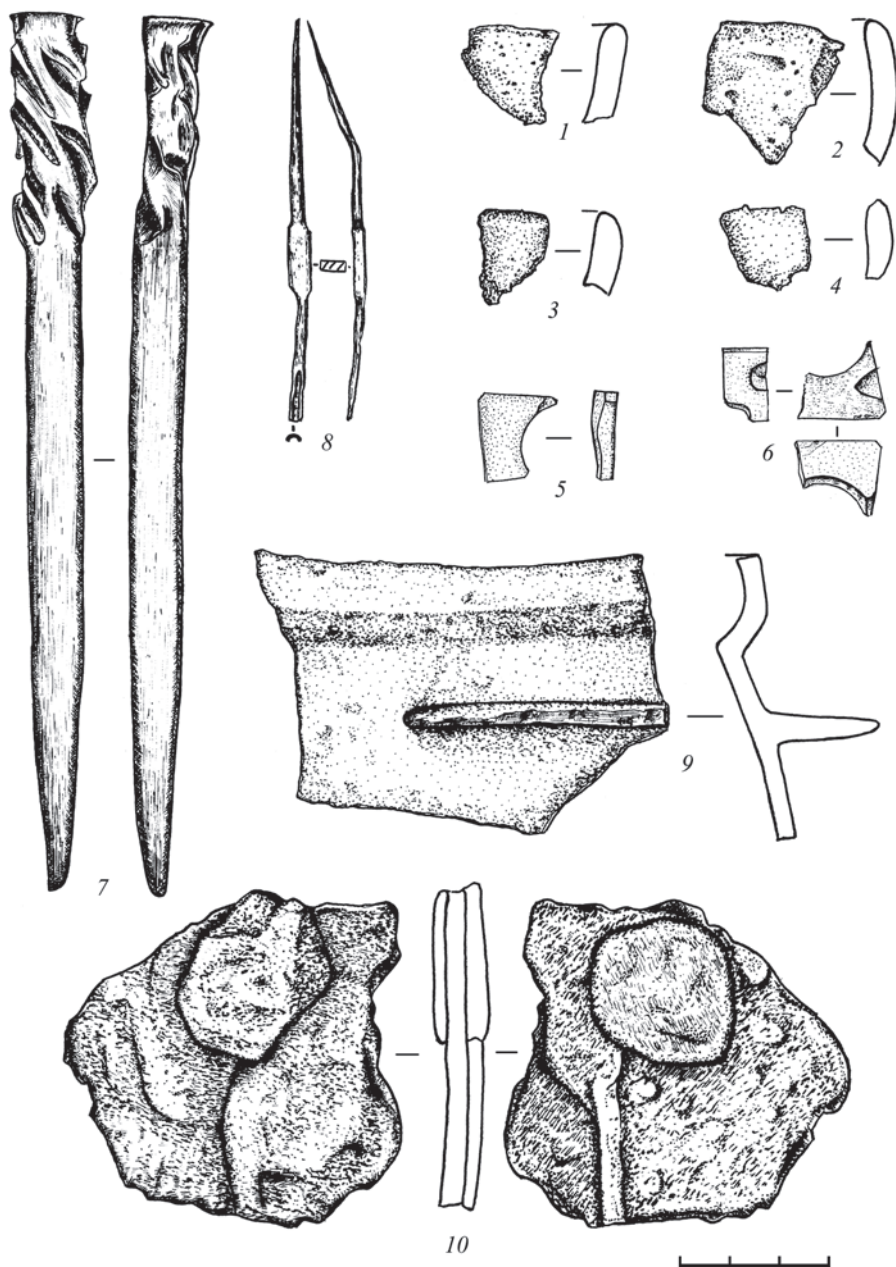


Рис. 3. Поселение Курмыш-4. Находки: 1-4 – фрагменты тиглей; 5, 6 – фрагменты литейных форм; 7 – пробойник; 8 – сверло; 9, 10 – фрагменты чугуных котлов. Железо: 7-10. Камень: 5, 6. Керамика: 1-4. Раскоп 1: 1 (кв. 1, пл. 1), 2 (кв. 6, пл. 3), 3 (кв. 6А, пл. 3), 4 (кв. 1, пл. 1), 5 (кв. 6, пл. 3), 6 (кв. 6, пл. 1), 8 (яма 1). Подъемный материал: 7, 9, 10

политический противник Дмитрия Ивановича Московского (Донского), не желающий видеть кого-либо из «мосховитов» главою местной епархии. В этих документах он, имея статус одного из многочисленных удельных князей, называется явно неуместным, вызывающим удивление, королевским титулом «рекс» (гех), закрепленным в грамотах патриарха того времени исключительно за великими московскими князьями («королями великой Московии») (Бибиков, 2006. С. 273, 274). Предпосылкой противостояния Бориса Константиновича князьям Московского дома, вероятно, стала его женитьба в 1352 г. на дочери могущественного князя Великой Литвы Ольгерда (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 61). Последний не единожды осаждал Москву и по кончине безвестным автором великокняжеского свода был назван «зловредным, безбожным и нечестивым» (ПСРЛ. Т. 25. С. 193). Удельным князем Борис Константинович стал, скорее всего, уже сразу по кончине своего отца в 1355 г., получив в удел Городец-на-Волге (Кучкин, 1984. С. 219, 223). В 1363 г., воспользовавшись тем, что наследный правитель великого Нижегородского княжества «боголюбивый» Андрей Константинович отошел от дел, а второй по старшинству брат Дмитрий (Фома) был вовлечен в борьбу за удержание великого Владимирского княжения, Борис Константинович вероломно захватил Нижний Новгород (Кучкин, 1984. С. 226). Впоследствии его политические инициативы дважды пресекались московскими войсками, которые нижегородские князья (сначала старший брат Дмитрий в 1364 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 78), затем племянники – Василий и Семен Дмитриевичи в 1388 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 154)) – призывали для удержания за собой стольного Нижнего Новгорода или своих нижегородских волостей. Летописи фиксируют три продолжительные походы Бориса Константиновича в Орду: с осени 1382 г. по осень 1383 г., весной – осенью 1386 г. и 1389–1391 гг. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 147, 149, 151, 156, 160). В общей сложности в ханской ставке он провел около трех лет. По воле Токтамыша после смерти старших братьев 8 ноября 1383 г. Борис Константинович «седе на княжении болшемъ на столе на своей отчине» в Нижнем Новгороде (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 149). В 1392 г. ярлык на Нижний Новгород взял «златом и серебром» Василий Дмитриевич Московский (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 162). При посредничестве ордынского посольства осенью этого года московский князь сместил Бориса Константиновича с нижегородского стола. Обманутый и преданный своими боярами, Борис Константинович закончил жизнь удельным суздальским князем 6 мая 1394 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 164).

Первое известие о владениях Бориса Константиновича в Присурье отмечено 1372 г. В соответствующей летописной статье сообщается, что городецкий князь поставил себе город на Суре и нарек ему имя Курмыш (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 100). Город Курмыш занесен в «Список городов дальних и ближних», составленный вблизи рубежа XIV–XV вв. (НПЛ. С. 477), и, несмотря на свое периферийное положение, достаточно часто упоминается в более поздних источниках. Осенью 1445 г. из г. Курмыша был отпущен плененный во время Суздальской битвы великий московский князь Василий Васильевич (ПСРЛ. Т. 25. С. 263). До середины XVI в. г. Курмыш играл заметную роль на «московско-казанском» пограничье. Описание его позднейших дерево-земляных укреплений сохранилось в «Писцовой книге города Курмыша» 20-х гг. XVII в. (Писцовая книга..., 2013. Оп. 602а. Ед. хр. 6А).

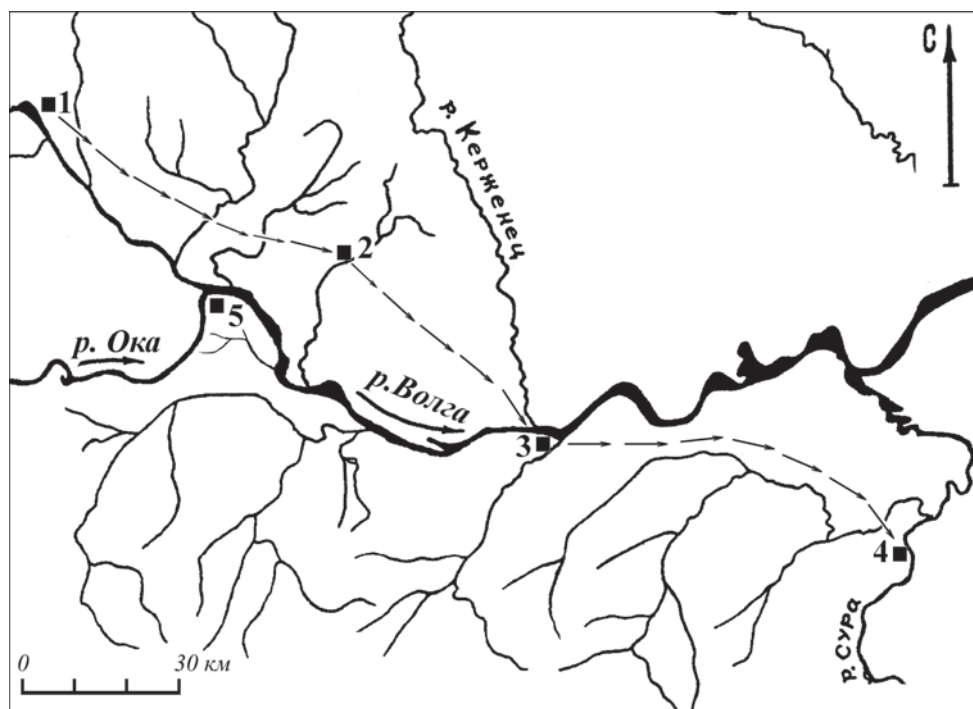


Рис. 4. Предполагаемая трассировка отрезка сухопутной дороги в Орду в границах Нижегородского княжества. 1 – г. Городец-на-Волге; 2 – городище в д. Городищи Борского района Нижегородской области; 3 – городище Оленья Гора; 4 – городище Курмыш; 5 – г. Нижний Новгород

Впервые остатки укреплений средневековой крепости в черте современного поселка Курмыш Пильнинского района Нижегородской области были обнаружены в 1948 г. нижегородским историком и краеведом И. А. Кирьяновым (1961. С. 71–77). В 1991 г. нижегородский археолог И. А. Очеретин заложил на этом памятнике первые шурфы, что позволило локализовать его местоположение по области распространения археологического материала (Очеретин, 1994). После шурфовочных работ, проведенных на посаде г. Курмыша XVI–XVIII вв. (Бейлекчи, 2007), примыкающем к древнейшей линии укреплений с внешней стороны, окончательно выяснилось, что город Бориса Константиновича имел весьма незначительную площадь – не более 1 га. Таким образом, размеры средневековой крепости Курмыш более присущи укрепленным феодальным усадьбам, нежели городам как многонаселенным и многофункциональным центрам. Обследование ближайших окрестностей укрепленной резиденции Бориса Константиновича показало, что Курмыш-4 (вместе с отделенным от него узкой протокой селищем Курмыш-2 площадью 7200 м²) является единственным единовременным поселением в его ближайшей округе, что позволяет рассматривать городище Курмыш и поселение Курмыш-4 в рамках единого поселенческого комплекса. Один из этих

памятников (городище) находится на естественно защищенном возвышенном мысу с обрывистыми склонами и некогда был обнесен кольцом дерево-земляных укреплений, но располагался на значительном удалении (около 1 км) от русла р. Суры. Площадка второго, напротив, охватывая участок на низменной первой террасе, частично подтапливаемой в половодье, подходила вплотную к речному руслу (в настоящее время это старица). Таким образом, эти два поселения функционально могли дополнять друг друга: одно из них – укрепленное, но не имело выхода к реке, другое, неукрепленное, непосредственно примыкало к древнему берегу р. Суры.

Результаты изучения поселения Курмыш-4 меняют сложившиеся представления о специфике освоения пограничного Присурья в эпоху Золотой Орды. Этот удаленный район в это время наверняка был известен не только своими богатыми промысловыми угодьями, перечисленными в грамоте Бориса Константиновича 1393 г., – рыбными ловлями, бортными ухояеями, небольшими расчищенными от леса пахотными полями («роздертями»). Здесь, на левом берегу р. Суры, в середине – второй половине XIV в. функционировал большой многонаселенный поселенческий центр с развитым ремеслом и, вероятно, торговлей. Вполне возможно, что он маркировал окончание отрезка сухопутного пути в Орду, проходящего по землям Нижегородского княжества в обход Нижнего Новгорода, – дороги, используемой Борисом Константиновичем в пору его удельного княжения в Городце-на-Волге. О существовании «восточной» дороги из Городца, проходящей вдоль русла Волги по ее левому берегу, косвенно свидетельствует сообщение Тверской летописи об отступлении отряда войска Едигея (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 484). В этом ключе проясняются функции двух безвестных городищ с материалами XIV в., не упомянутых ни в «Списке городов дальних и ближних», ни в каких-либо других источниках XIV в. Это городище в селе Городищи Борского района – на левобережье Волги в 70 км от Городца, и городище Оленья Гора, расположенное на мысу правого возвышенного берега р. Волги напротив устья р. Керженец, в месте, где и в настоящее время налажена волжская переправа (АКР, 2004. С. 258–260; 2013. С. 127, 128). Эти укрепленные поселения могли служить промежуточными пунктами, обеспечивающими функционирование этого пути. Рассматривая на карте взаимное расположение этих городищ и городов Городца-на-Волге и Курмыш, невольно замечаешь, что эти единовременные укрепленные поселения равномерно распределены вдоль предполагаемой дороги, образуя три равновеликих отрезка, длиной по 60–70 км (рис. 4). Поселенческая агломерация с городищем Курмыш во времена Бориса Константиновича, возможно, являлась одним из передовых населенных мест на восточном рубеже русских поволжских земель, восполняя городецкому князю прежнюю немаловажную функцию его удельной столицы, утраченную с появлением Нижнего Новгорода.

Появление за сравнительно короткий срок такого большого поселения, как Курмыш-4, в слабо обжитом районе, очевидно, было невозможно без «административного вмешательства» в процесс освоения посурских земель. Нехватку рабочих рук, дефицит квалифицированных мастеров-ремесленников на малолюдном восточном пограничье русских земель городецкий князь, очевидно, восполнил выходцами из Золотой Орды, которые составили костяк местного населения. В этой

связи обращает внимание широкое распространение в местных домохозяйствах чугунных котлов, обломки которых относительно равномерно покрывают всю площадь поселения Курмыш-4. Фрагменты изделий из чугуна крайне редко встречаются на русских поселениях XIV в. В отличие от некоторых других предметов восточного происхождения (краснолощеной неполивной и кашинной посуды, стеклянных биконических бус из глушеного бирюзового стекла), чугунные котлы, очевидно, «не прижились» в русском быту. Большое число находок из чугуна на поселении Курмыш-4, вероятно, может служить указанием на приверженность многих из его жителей бытовым традициям населения Золотой Орды. Заметим, что о практике выкупа пленных в Орде и заселении ими окраинных земель Нижегородского княжества в 60-х гг. XIV в. сообщает особая редакция Типографской летописи (Насонов, 1958. С. 247).

Агломерация единовременных средневековых поселений, состоящая из городища Курмыш, поселения Курмыш-4 и селища Курмыш-2, как целое, обнаруживает ряд городских признаков (рис. 1). К ним относятся: наличие укрепленной части – автономной и удаленной от основной селитебной территории; большие размеры (поселение Курмыш-4 – третье по площади средневековое поселение в русских землях Нижегородского Поволжья после городов Городца-на-Волге и Нижнего Новгорода); следы разнообразной производственной деятельности и, вероятно, торговли; полиэтничный состав местного населения; расположение на берегу большой реки, одного из наиболее значимых волжских притоков. В полиэтничный состав местных жителей входили, скорее всего, преимущественно выходцы из золотоордынских улусов, возможно выкупленные в Орде пленные, и поволжское финноязычное население. Крупный поселенческий центр на Суре, вероятно, был razoren и прекратил свое существование во время нашествия Едигея зимой 1408/1409 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 484).

При изучении материалов первых исследований Курмышской поселенческой агломерации складывается впечатление, что оставшиеся от нее археологические памятники фиксируют некую стадию урбанизационного процесса, трагически прерванного в силу исторических обстоятельств в самом начале XV в.

Литература

- АСЭИ. Т. 3 / Отв. ред. Л. В. Черепнин; сост. И. А. Голубцов. М.: Наука, 1964. 687 с.
- Бейлекчи В. С., 2007. Отчет «Проведение археологических разведок в рамках выполнения историко-культурной экспертизы в Арзамасском, Ардатовском, Балахнинском, Большемурашкинском, Борском, Вадском, Ветлужском, Воротынском, Дальнеконстантиновском, Дивеевском, Кулебакском, Лысковском, Павловском, Пильнинском, Перевозском и Первомайском районах Нижегородской области в 2007 году // Архив ИА РАН. М. Р-1. № 29080.
- Бибиков М. В., 2006. Византийские свидетельства о Нижнем Новгороде // Проблемы антиковедения и медиэвистики. Вып. 2: К 30-летию кафедры истории Древнего мира и Средних веков Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т. С. 271–274.
- Булатов Н. М., 1968. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов (По материалам Царёвского, Селитренного и Маджарского городищ) // СА. № 4. С. 95–109.

- Гоняный М. И., 2005. Археологические памятники района Куликова Поля (конец XII – третья четверть XIV в.) // Куликово Поле и Донское побоище 1380 года / Отв. ред. А. К. Зайцев. М.: ГИМ. С. 95–162. (Труды ГИМ; вып. 150.)
- Грибов Н. Н., 2006. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 10 / Отв. ред. Е. А. Молев. Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т. С. 62–91.
- Грибов Н. Н., 2011а. Отчет об археологической разведке на участках, подлежащих затоплению в результате подъема уровня Чебоксарской ГЭС на р. Волга на части территории Пильнинского района Нижегородской области в окрестностях пос. Курмыш в 2011 г. // Архив ИА РАН. М. Р-1. № 29574.
- Грибов Н. Н., 2011б. Русско-болгарское пограничье в эпоху Золотой Орды (по материалам поселения Курмыш-4) // Болгарский форум I: материалы Международного Болгарского Форума (19–21 июня 2010 г., г. Болгар). Казань: Ин-т истории АН Республики Татарстан. С. 85–92. (Археология евразийских степей; вып. 12.)
- Грибов Н. Н., Ахметгалин Ф. А., 2010. Русско-болгарское пограничье на Волге в эпоху Золотой Орды (по материалам поселения Курмыш-4) // Научный Татарстан. № 4. С. 26–36.
- Екимов Ю. Г., 2006. Чугунные котлы из древнерусского слоя поселения Мельгуново-3 / Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси) // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси): материалы Всерос. науч. конф. (Рязань, 7–10 сентября 2005 г.) / Отв. ред. П. В. Акульшин. Рязань: Политех. С. 146–155.
- Кирьянов И. А., 1961. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький: Кн. изд-во. 107 с.
- Кучкин В. А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука. 349 с.
- Насонов А. Н., 1958. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. Вып. VI / Отв. ред. А. А. Новосельский. М.: Изд-во АН СССР. С. 235–274.
- Никитина Т. Б., 2006. К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // Finno-Ugrica. № 9. С. 114–130.
- Никитина Т. Б., Михеева А. И., 2006. Аламнер: миф и реальность: Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 193 с. АКР. Нижегородская область. Ч. 1 / Под ред. А. В. Кашкина и др. М.: ИА РАН, 2004. 384 с.
- АКР. Нижегородская область. Ч. 3 / Под ред. А. В. Кашкина и др. М.: ИА РАН, 2013. 406 с.
- НПЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
- Овчинникова Б. Б., 1994. Писала средневекового Новгорода // Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвящённой 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского (Новгород, 28 сентября – 2 октября 1992 г.) / Ред.: В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков. Новгород. С. 83–86.
- Очеретин И. А., 1994. Средневековая крепость Курмыш (по итогам исследований 1991 года) // Уваровские чтения-II (Муром, 21–23 апреля 1993 г.). М.: ИВФ Антал. Писцовая книга города Курмыша 1623–1626 гг. писца С. И. Жеребцова // ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а. Ед. хр. 6А.
- ПСРЛ. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб.: Тип. Леонида Демиса, 1863. 504 с.

- ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. Петроград, 1922. VIII с., 186 стб.
- ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2004. XV, 463 с.
- Тростьянский О. В.*, 2009. Монеты Великого княжества Нижегородско-Суздальского 1410–1431 гг. М.: Нумизматическая литература. 178 с.
- Фёдоров-Давыдов Г. А.*, 1989. Монеты Нижегородского княжества. М.: Изд-во МГУ. 253 с.
- Хлебникова Т. А.*, 1967. Археологические памятники XIII–XIV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа: материалы научной сессии, проведённой марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 г.). Йошкар-Ола: Маркнигоиздат. С. 85–92.
- Хлебникова Т. А.*, 1988. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. С. 7–102.

N. N. Gribov

**GREAT SETTLEMENT WITH NO TRACES OF FORTIFICATIONS
IN SURA REALM OF SUZDAL PRINCE REACHES BORIS KONSTANTINOVICH**

Summary. The article describes the brief the results of the first large studies of settlement with no traces of fortifications Kurmysh-4, found on the left bank of the Sura River in 2007 year. The main group of equipment. Characterised by the ceramic ware. An approach to historical-sociological interpretation of this settlement. According to the chronicles the settlement was in the realm of suzdal Prince Boris Konstantinovich. However, settlement Kurmysh it was a unified settlement agglomeration with urban characteristics.

Keywords: Posurie, a large unfortified settlement, Suzdal Prince, fortified settlement, cast iron cauldrons, coins of the Golden Horde, pottery, Oriental.

С. В. Томсинский

КОМПЛЕКСЫ X–XI вв. НА СЕВЕРНОЙ ОКОНЕЧНОСТИ МЫСОВОЙ ПЛОЩАДКИ УГЛИЧСКОГО КРЕМЛЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2001–2002 гг.

Резюме. Статья посвящена результатам раскопок 2001–2002 гг. в кремле г. Углича. Раскопками установлена последовательность 11 периодов хозяйственной активности на мысовой площадке кремля в X – первой четверти XI в., очевидно, на территории богатой усадьбы одного из представителей местной знати.

Ключевые слова: Угличский кремль, раскопки, языческое святилище, усадьба, княжеский двор.

Участок мысовой площадки Угличского кремля, непосредственно примыкающий с западо-северо-запада к остаткам святилища, открытым на раскопах № 10 1995 г. и № 24 2014 г., исследовался раскопами 17 2001 г. (95 м²) и 18 2002 г. (84 м²), заложенными к ЮВ от церкви Св. царевича Димитрия на Крови – СВ стенка раскопа 18 прошла в 2,5 м от стены храма (рис. 1). В процессе разборки антропогенных отложений на раскопах 17 и 18 – до 1,4 м (общей мощностью до 1,4 м) – собрано 6837 фрагментов гончарной керамики, 452 фрагмента лепной керамики и 664 предмета из железа, цветных металлов, кости, стекла, камня и глины, датируемых IX–XX вв. Для характеристики начального этапа развития древнерусского города Угличе Поле особый интерес представляют комплексы, зафиксированные на раскопах 17 и 18 в предматериковых отложениях.

Стратиграфический контекст. Стратиграфия антропогенных отложений на участках раскопов 16 и 18 в целом соответствует стратиграфии других раскопов, заложенных на территории Угличского кремля (Томсинский, 2003б. С. 96–112). Непосредственно под дерном залегал слой 1, датируемый XVII–XX вв., общей мощностью до 0,3 м. Под слоем 1 зафиксирован слой 2, сформированный более плотной коричневой супесью с органическими включениями, общей мощностью до 0,4 м, с включениями органики, датируемый XIV–XVII вв. Под слоем 2 залегал

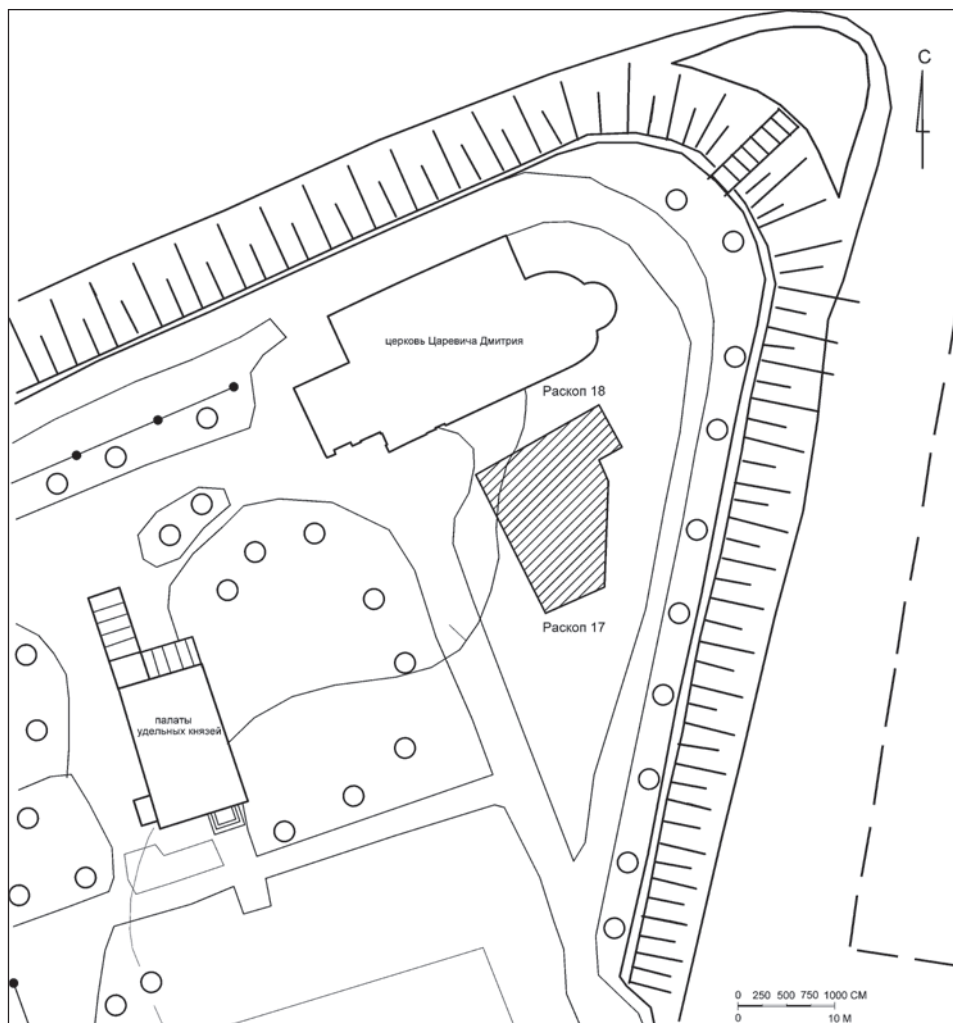


Рис. 1. Углич. Кремль. План расположения раскопов 17–18. 2001–2002 гг.

слой 3, в котором зафиксированы 2 горизонта, датируемые X–XI и XII–XIII вв., общей мощностью до 0,4 м.

Наконец, под слоем 3, непосредственно на песчаном материке, зафиксирован слой 4 – оподзоленная серо-коричневая супесь, мощностью до 0,2 м, подвергавшаяся интенсивной распашке (рис. 2).

Хронологический контекст. Отсутствие в антропогенных отложениях Угличского кремля остатков деревянных конструкций, устанавливающих дендродаты, заставляет оперировать широкими датировками отдельных категорий находок в соотношении со стратиграфией выявленных комплексов из предмете-

риковых отложений исследованных участков. Все они принадлежат горизонту 2 слоя 3. Для датировки этой почвенной структуры важное значение имеет коллекция бус с участков раскопов 17 и 18. По составу эта коллекция вполне сопоставима с коллекцией бус из антропогенных отложений X–XI вв. в Ростове – ближайшем к Угличу крупном древнерусском центре Волго-Окского междуречья; по ростовским материалам с учетом датировок бус в Старой Ладого, Новгороде и Новгородской земле мы и устанавливаем датировку углических бус, исходя из того, что в Угличе, входившем в состав Ростовской земли, как и в Ростове, наиболее распространенные бусы-лимонки и бисер не бытовали позже первой четверти XI в. (Львова, 1968. С. 87–88; Самойлович, 2006. С. 379–380; Лесман, 1984. С. 140):

Бусы-лимонки желтые – 50 ед., не позже XI в.

Бусы-лимонки синие – 14 ед., не позже XI в.

Бусы-лимонки полосатые – 4 ед., не позже XI в.

Бусы-лимонки серебростеклянные – 9 ед., не позже XI в.

Бусы зонные синие кобальтовые – 4 ед., X–XI вв.

Бисер синий – 1 ед., не позже XI в.

Бисер желтый – 6 ед., не позже XI в.

Бисер зеленый – 1 ед., не позже XI в.

Бусина печеночно-красная – 1 ед., VIII–XI вв.

Бусы эллипсоидно-ребристые – 3 ед., до конца XI в.

Бусы глазчатые – 2 ед., до первой четверти XII в.

Бусина биконическая с разводами – 1 ед., XI в.

Бусина золотостеклянная цилиндрическая – 1 ед., конец X – XII в.

Бусина призматическая зеленая – 1 ед., не позже X в.

Пронизка синяя – 1 ед., XI в.

Датировку, установленную находками бус, поддерживают находки ножей с асимметричным расширением в средней части, бытовавшим в VIII – первой четверти XII в. (Минасян, 1980. С. 68–74; Леонтьев, 1996. С. 104–106), предметов, принадлежащих скандинавской и салтовской культурным традициям, дирхемов и их фрагментов. Верхняя дата комплексов и предматериковых отложений раскопов 17 и 18, распределенных по 11 периодам активности (ПА), устанавливается залеганием остатков дерево-земляных укреплений, сооруженных после разгрома города в 1149 г., в 3–4 пластах на участке раскопа 23 2014 г.

1 ПА. Раскоп 17. Забутовка плотной желтой глиной истока оврага, впадавшего в Каменный ручей, русло которого, постепенно заплывавшее культурным слоем, зафиксировано на раскопе 23 2014 г. Датировка, равно как и мотивация этой перепланировки, не устанавливается (рис. 2). В процессе забутовки по всей площади раскопа 17 отложились глинистые прослойки № 8 и 8а мощностью до 0,14 м.

2 ПА. Ямы № 01, 02

Ямы 2 ПА впущены в предматериковую оподзоленную супесь – слой 4 – с нижнего уровня прослойки углистой супеси (пласт 6) (рис. 2). Из этой прослойки, помимо прочих находок, происходит дирхем чекана 888/9 г. (Аббасиды. Ал-Мутамид. Арминия) и два неопределимых фрагмента дирхемов.

Датирующие находки: бисер рубленный желтый и синий, 3 бусины-лимонки желтые, 2 полосатые, 1 синяя, 1 серебростеклянная, синяя («кобальтовая») зон-

Конструктивное назначение ям этого периода, в т. ч. и столбовых, материала раскопок не устанавливается. С наибольшей вероятностью 2 ПА может быть датирован началом X в.

3 ПА. Яма № 58а – 01 (рис. 2). Остатки квадратного в плане сооружения, размерами по материке $4,4 \times 4,4 \times 3,8 \times 3,8$ м. В ЮВ углу котлована определен неправильно-прямоугольный выступ, видимо, на месте входа в сооружение, размерами $1,2 \times 1,2$ м. Угол заложения стенок котлована 30, размеры его по дну – $3,3 \times 4,2 \times 4,1 \times 3,4$ м. В С части котлована ямы зафиксировано неправильно-треугольное в плане материковое возвышение размерами $2,4 \times 2,4 \times 3,1$ м. На этом возвышении у С стенки котлована – сегментовидное углубление $1,6 \times 0,44 \times 0,02$ м. В ЮВ части неправильно-треугольного возвышения, в кв. Е2 расчищено сегментовидное углубление $1,6 \times 0,12$ м. К Ю от этого углубления располагался неправильно-овальный в плане очаг размерами $1,5 \times 1,8$ м.

Очаг находился в блюдцеобразном углублении общими размерами $2,4 \times 1,7 \times 0,48$ м, причем СВ граница этого углубления была затронута перекопом ямы № 58б. Заполнение очага – плотный углистый суглинок с включениями углей и глины. В заполнении очага обнаружены двойная желтая бусина-лимонка и желтый рубленый бисер.

Для реконструкции постройки, остатками которой признана яма № 58а, достоверных данных нет, однако следует подчеркнуть, что нет никаких оснований утверждать, что эта яма представляла собой котлован подполья. Просуществовала постройка недолго, после чего была разобрана и котлован частично забутован желтой глиной.

4 ПА (рис. 2). На дне котлована и по стенкам зафиксирован слой углистой суглинистой, потревоженный перекопом, впущенным вскоре после частичной забутовки ямы. Датировочные находки из перекопа заполнения ямы № 58а: дирхем без чекана, конец IX – X в.; половина дирхема чекана 896/7 г. (Саманиды. Исмаил ибн Ахмед. Аш-Шаш), золотостеклянной бусины фрагмент (рис. 5: 23), желтая бусина-лимонка (рис. 5: 22), нож с асимметричным расширением в средней части (до первой четверти XII в.) (рис. 5: 24) и простое браслетообразное несомкнутое височное кольцо, датированное в широких хронологических пределах – первая половина I тыс. н.э. – начало XI в. (Леонтьев, 1996. С. 163).

Кроме того, в перекопе обнаружена ромбическая накладка из свинцово-оловянистой бронзы, датировку которой и круг аналогий еще предстоит уточнить (рис 5: 25). Исходя из датировок обнаруженных в яме № 58а предметов и даты чеканки монет, можно полагать, что 3 и 4 ПА хронологически близки 2 ПА и могут быть датированы первой половиной X в.

5 ПА. Ямы № 53, 60–62, 65, 66, 69, 70, 70а – 01

Ямы № 46а, 46ж, 55, 65а, 69, 75, 77, 77а – 02 (рис. 2)

Большинство ям 5 ПА – столбовые и, надо полагать, принадлежат конструкции каких-то каркасных сооружений или, что менее вероятно, ограждений, появившихся на участках раскопов 17 и 18 после разборки сооружения, остатками которого признана яма № 58а.

Датирующие находки из ямы № 53 – 01: фрагмент цилиндрической золотостеклянной бусины конца X – XII в., 2 желтые бусины-лимонки, синяя лимонка

Датирующие находки 7 ПА: желтая бусина-лимонка, серебряный крестик-энколпион (Томсинский, 2002), нож с асимметричным расширением в центральной части (рис. 6: 42–44).

Яма № 40 – 01 – 46б – 02, в которой обнаружен уникальный для Волго-Окского междуречья крестик-энколпион, судя по заполнению, представляла собой большую помойку, назначение других ям 7 ПА не устанавливается. Надо полагать, потеря крестика – предмета личного благочестия, представлявшего несомненную и большую ценность, – произошла в экстремальных для его владельца обстоятельствах. Наиболее вероятная датировка 7 ПА – конец X – начало XI в.

8 ПА. Ямы № 31а, 31б, 39 – 02 (рис. 3)

В ямах 8 ПА не обнаружено предметов, определяющих датировку этого периода.

9 ПА. Ямы № 45, 46а, 54, 67а, 67в, 67г, 68, 69, 72, 73, 74 – 02 (рис. 3)

Датирующие находки 9 ПА: «бантовидная» желтая бусина, нож с уступами при переходе от черенка к лезвию, фрагмент дирхема (рис 6: 45–47). Аналогичные бусы в X в. бытовали в южных районах Восточной Европы (Львова, 1968). Исходя из этих скудных данных, 9 ПА можно, как 7 и 8 ПА, отнести к концу X – началу XI в.

10 ПА. Ямы № 55, 55а (рис. 4)

Немногочисленность ям 10 Па, очевидно, может свидетельствовать о некоем кратковременном запустении исследованного участка. Отсутствие датирующих находок в ямах, отнесенных нами к 10 ПА, позволяет сугубо гипотетически отнести каркасное сооружение, остатками которого они являются, к XI в.

11 ПА. Ямы № 28, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 36, 36а, 36 – 01 (рис. 4)

Ямы № 46, 51–51л (постройка № 2), 61, 63–02

11 ПА демонстрирует – после некоторой стагнации – несомненное и значительное оживление хозяйственной деятельности на исследованном участке мысовой площадки. В С его части появляется постройка № 2, с которой, очевидно, связаны столбовые ямы № 51–51л – 02. Контуров этого сооружения определяются линией столбовых ям и неправильно-прямоугольным пятном серой и углистой супеси размерами приблизительно 3,3 × 4,4 м с углисто-золистыми полосами, маркирующими сгоревшие деревянные конструкции. Назначение постройки материалами раскопок не устанавливается, однако вокруг появляются ямы для сбросов бытового мусора.

Датирующие находки 11 ПА: 2 желтые двухчастные бусины-лимонки, привеска в виде стилизованной лапы водоплавающей птицы, пуговица-бубенчик (рис. 6: 48–51). Особый интерес представляет подвеска из саманидского дирхема, на которой мусульманская легенда на аверсе и реверсе монеты тщательно сбита ударами чекана (рис. 6: 52). Насколько нам известно, на мусульманских и западноевропейских монетах-подвесках из погребений и антропогенных отложений поселений Древней Руси, равно как и на монетах из кладов, такое «забивание» легенды ранее не фиксировалось, хотя зафиксированы граффити на дирхемах, в том числе и скандинавские руны, имевшие сакральное значение (Равдина, 1988; Добровольский и др., 1991). Эта несвойственная языческой традиции нетерпимость к мусульманской легенде монеты, проявленная владельцем подвески, достаточно выразительна и, хоть и косвенно, значима для уточнения датировки предмета, поскольку христи-



Рис. 5. Углич. Кремль. Раскопы 17–18 2001–2002 гг. Предметы из комплексов 2–5 ПА

Комплексы X–XI вв. на северной оконечности мысовой площадки
Угличского кремля по материалам раскопок 2001–2002 гг.



Рис. 6. Углич. Кремль. Раскопы 17–18 2001–2002 гг. Предметы из комплексов 6–11
ПА

анство, непримиримо враждебное исламу, утверждается в Ростовской земле не ранее XI в. (Щанов, 1989. С. 62; Панов, 1988. С. 277–328).

Хронологически с 11 Па могут быть также соотнесены обнаруженные в поздних перекопах синяя стеклянная бусина-пронизка, датируемая XI в., свинцовая вислая печать с изображением св. Федора Стратилата и процветшего креста и залегавший в непотроженном слое кубик молочно-белой смальты. Еще один кубик смальты, золотой, был обнаружен на участке раскопа 9 1994 г. и опубликован нами в 2004 г. Для Волго-Окского междуречья эти находки могут быть признаны уникальными, поскольку, насколько нам известно, в материалах раскопок других памятников на этой территории смальты не обнаружены; более того, среди памятников монументального зодчества здесь нет ни одного, в убранстве которого присутствовали бы мозаичные композиции. Как нам уже приходилось отмечать, это – реликвии, принесенные в город на Верхней Волге из Киева кем-то побывавшим на строительной площадке тамошних храмов или – что менее вероятно – в мастерской мозаичистов, поскольку трудно представить себе паломника, выковыривающего смальту из стены собора (Томсинский, 2003а. С. 13; 2003б. С. 212–213).

Исследования 2001, 2002 и 2014 гг. показали, что восточная часть мысовой площадки (со значительным – до 0,2 м – понижением уровня дневной поверхности к Каменному ручью) Угличского кремля, непосредственно примыкавшая к участку языческого святилища, функционировавшего до первой половины X в., после запустения сакральной зоны оказалась под застройкой двора, который до начала XIII в., очевидно, мог принадлежать либо периодически посещавшему город с полуднем ростовскому князю, либо постоянно пребывавшему в городе княжескому наместнику. Часть построек этой усадьбы, остатки которых открыты на участке раскопа 23 2014 г., видимо, хозяйственного назначения, располагалась на восточной оконечности мысовой площадки вдоль Каменного ручья. С первой трети XIII в., когда в Угличе Поле водворяется князь Владимир Константинович, на мысовой площадке возводится Спасский собор, в котором этот князь был погребен в 1249 г., и локализуется княжеский двор, подвергавшийся позднее перепланировке вплоть до строительства кирпичного Спасского собора и кирпичных палат при Андрее Васильевиче Большом (1462–1492 гг.). Зафиксированные раскопками ямы разной площади и глубины частью представляют собой помойки, периодически складывавшиеся на заднем дворе этой обширной усадьбы, частью – остатки сооружений, назначение которых по материалам исследований 2001–2002 гг. однозначно не устанавливается, однако можно достаточно уверенно полагать, что это были какие-то хозяйственные сооружения каркасной конструкции.

Литература

- Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К., 1991. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л.: Изд-во ЛГУ. 192 с.
- Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: ИА. 340 с.
- Лесман Ю. М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли / Под ред. Г. С. Лебедева. Л.: ЛГУ. С. 118–172.

**Комплексы X–XI вв. на северной оконечности мысовой площадки
Угличского кремля по материалам раскопок 2001–2002 гг.**

- Львова З. А.*, 1968. Стекланные бусы Старой Ладогои. Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Вып. 10. Л.: ГЭ. С. 64–94.
- Минасян Р. С.*, 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 21. Л.: ГЭ. С. 68–74.
- Равдина Т. В.*, 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории древней Руси: каталог. М.: Наука. 152 с.
- Рапов О. М.*, 1988. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Высшая школа. 416 с.
- Самойлович Н. Г.*, 2006. Стекланные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья: (к 80-летию К. И. Комарова): сб. ст. / Ред. А. В. Кашкин. М.: ИА РАН. С. 371–386.
- Томсинский С. В.*, 2002. Серебряный крестик-энколпион (из раскопок 2001 г. в Угличе) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Под ред. А. Н. Кирпичникова. СПб.: ИИМК РАН. С. 263–267.
- Томсинский С. В.*, 2003а. Раскопки в Угличском кремле в 2002 г. // Государственный Эрмитаж: Отчетная археологическая сессия за 2002 г. СПб.: ГЭ. С. 10–15.
- Томсинский С. В.*, 2003б. Угличе Поле в IX–XIII вв. СПб.: ГЭ. 320 с.
- Щапов Я. Н.*, 1989. Государство и Церковь в Древней Руси, X–XIII вв. М.: Наука. 233 с.

S. V. Tomsinskiy

**COMPLEXES OF THE X–XI CENTURIES ON THE NORTHERN TIP OF THE
PROMONTORY OF THE UGLICH KREMLIN BASED ON THE EXCAVATIONS
OF 2001–2002**

Summary. The article is devoted to the results of excavations in 2001–2002 in the Kremlin of Uglich. Excavations established a sequence of 11 periods of economic activity on the Cape site of the Kremlin in X – the first quarter of XI centuries, obviously, in the rich estate of one of the representatives of the local nobility.

Keywords: the Uglich Kremlin, excavations, pagan sanctuary, estate, princely yard.

*Светлой памяти
Юрия Александровича Смирнова
и Михаила Васильевича Фролова*

Е. А. Турова

**АЛЕКСАНДРОВСКАЯ СЛОБОДА. КАМЕННЫЕ
ПАЛАТЫ НАЧАЛА XVI ВЕКА НА ЦАРИЦЫНОМ
ДВОРЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК
ДРЕВНЕРУССКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
В 2008–2015 гг.)**

Резюме. В статье дается характеристика основных итогов исследований Древнерусской экспедиции Государственного Эрмитажа на территории Александровской слободы в 2008–2015 гг., в ходе которых впервые в истории археологического изучения великокняжеской резиденции были обнаружены остатки каменных гражданских построек начала XVI в., включавшие сильно заглубленные подвальные помещения. Технично-технологические особенности раскрытых кладок дают основания считать их результатом работы итальянских мастеров, ранее участвовавших в создании Большого Кремлевского дворца в Москве.

Ключевые слова: Александровская слобода, архитектура, раскопки, каменные палаты.

Археологические исследования дворцового ансамбля древней Александровской слободы ведутся Древнерусской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа с 2005 г. по настоящее время.

Исследования преимущественно локализовались на площадке к северо-западу от ц. Успения и к северу – северо-востоку от надкладезной часовни XVIII в. (рис. 1). Близость к Успенскому храму позволила отождествить этот участок с частью территории внутри укреплений, обозначенной в свадебных чинах середины XVI столетия как «Царицын двор» (Турова, 2010. С. 9).

В ходе исследований 2005–2012 гг. были обнаружены остатки каменных палат периода существования великокняжеской и царской резиденций, относящихся-

ся к двум периодам: времени ее основания – началу XVI в. – и времени разрушения первых каменных построек вследствие пожара и последующего строительства сменивших их зданий, предварительно датированных рубежом 1560–1570-х гг. XVI столетия (Турова, 2007; 2010; 2015).

Работы 2015, 2017 гг. расширили круг вовлеченных в исследование построек. Было проведено повторное изучение территории, в 1968 и 1970–1971 гг. исследо-



Рис. 1. Александровская слобода. План-схема расположения участков (прирезок) раскопа 1 архитектурного отряда Древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 2005–2017 гг.

ванной под руководством Б. А. Рыбакова и Н. Ф. Сергеевой (*Рыбаков*, 1970; 1971). Расширена и топография участка: раскопки ГЭ были вынесены на территорию к западу от прежнего участка, ближе к Покровскому (ныне Троицкому) собору, к юго-западу от существующего настоятельского дома.

В 2005, 2008 гг. на северной – северо-восточной периферии участка исследований были зафиксированы части фундаментов монументальной гражданской каменной постройки начала XVI в., внутреннее пространство которой располагалось к северо-востоку от раскопа, на участке перед Сретенской церковью в районе существующей асфальтовой дорожки, и к северо-западу, в районе существующего настоятельского дома, отстроенного вновь на старом основании в последние десятилетия.

К 2008 г. нами было установлено, что здания начала XVI в. погибли в середине – второй половине XVI в. в результате пожара, эпицентр которого локализовался к юго-западу от уже исследованной территории. К этому участку от северо-восточных строений вела галерея-переход на белокаменных столбах, ромбической в плане формы (исследована в 2007 г.).

Со стороны этого же южного участка было зафиксировано падение мощного строительного развала, составленного по большей части кирпичом и развалом штукатурки со следами воздействия огня, в том числе фресковой, и некоторым количеством белого камня со следами обработки, а также фрагментами красноглиняной ангобированной и чернолощеной плитки пола и белоглиняной и чернолощеной черпицы. Источником этого развала и напластований, содержащих следы пожара, неизбежно должна была быть другая каменная постройка. Признаки ее были зафиксированы в юго-западной части прирезки 7 сезона 2008 г.

Здесь было раскрыто дощатое мощение с заливкой известковым раствором, примыкающее к заливке известковым раствором с блоком белого камня, ориентированное в том же направлении (СЗ – ЮВ), что и уже исследованные остатки стены постройки начала XVI столетия (постройка б), и стратиграфически датированное тем же периодом.

В 2009 г. был заложен раскоп, получивший название прирезки 9, с целью поиска этого здания. Но первый сезон дал только предварительные результаты. Большая часть раскопа оказалась занята траншеей неоднократно обновлявшегося водопровода, часть которой ранее уже была исследована нами на участке к северо-западу от надкладезной часовни на площадке прирезок 4, 5. Ее датировка, по итогам исследования в 2007 г., была определена в широком диапазоне: не ранее конца XVII в. Последняя замена трубы была произведена в середине XX в.

После разборки напластований, связанных с прокладкой водопровода, практически на всей площадке прирезки 9 были зафиксированы многослойные заливки известковым раствором, в которых в качестве наполнителя были использованы фрагменты строительных материалов поврежденной пожаром каменной постройки: фрагментов кирпича, белого камня, штукатурки, в т.ч. фресковой, и затирки стены, терракотовых плиток пола и черепицы, а также угольков и прокаленного золистого песка. Заливки мощностью от нескольких сантиметров до 1 м чередовались подсыпками аналогичной мощности из прокаленного песка с включениями угольков и фрагментов строительных материалов, в т.ч. со следами пожара, а также

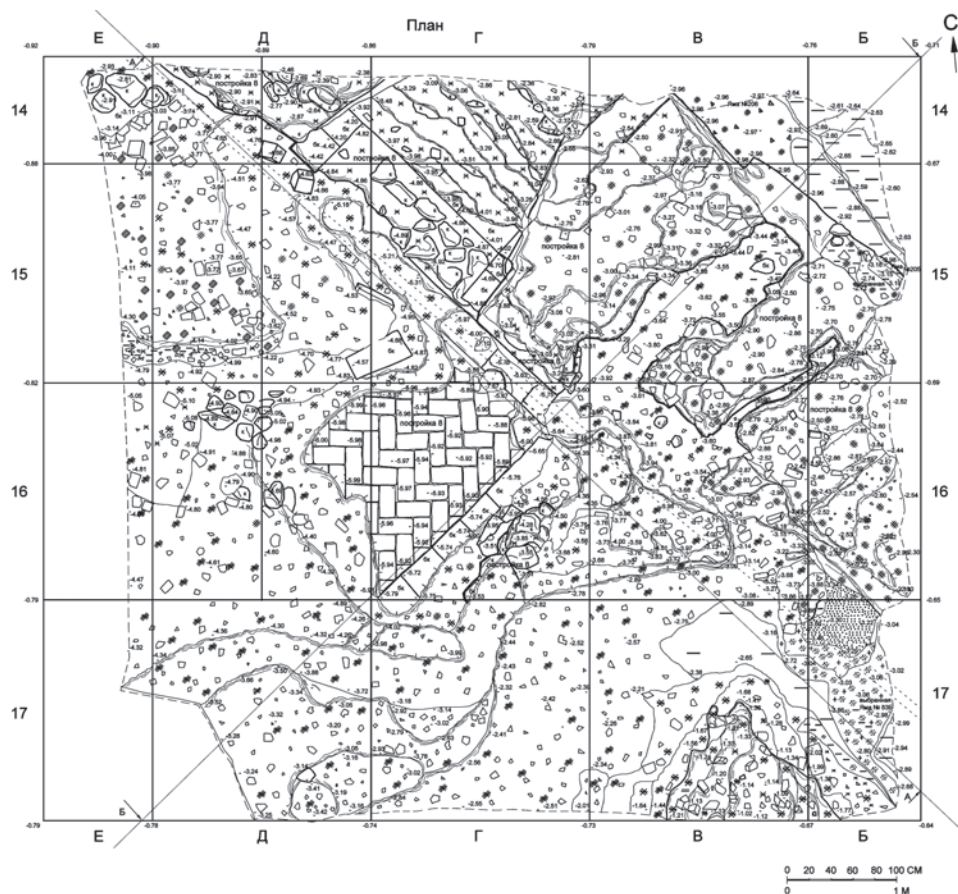


Рис. 2а. Александровская слобода. Раскоп 1. Прирезка 9. Кладка восточного угла постройки 8. Помещение подвала. Нижние части оконных проемов подвального этажа. План. Обмерял Д. Панков

гранитных валунов со следами известковых растворов. Было прослежено около семи уровней линз заливок с подстилающими их подсыпками. Однородность их состава не вызвала сомнений в том, что они возникли в рамках одного строительного мероприятия. Состав заливок и подсыпок оказался чрезвычайно близок, а местами практически идентичен забутовкам строительных конструкций, выполненным в рамках строительства каменных зданий грозненского времени в центральной части двора, сменивших разобранные строения (исследованы в 2006–2008 гг.).

Неожиданным оказалось то, что многослойные заливки продолжались на глубину около 1,5 м ниже уровня, на котором на исследуемом участке был неоднократно зафиксирован материк, а также местами на 20–30 см ниже подошв фундаментов исследованных нами с 2005 г. каменных зданий XVI в. В северо-восточном углу раскопа была зафиксирована граница северо-восточной стены здания в виде

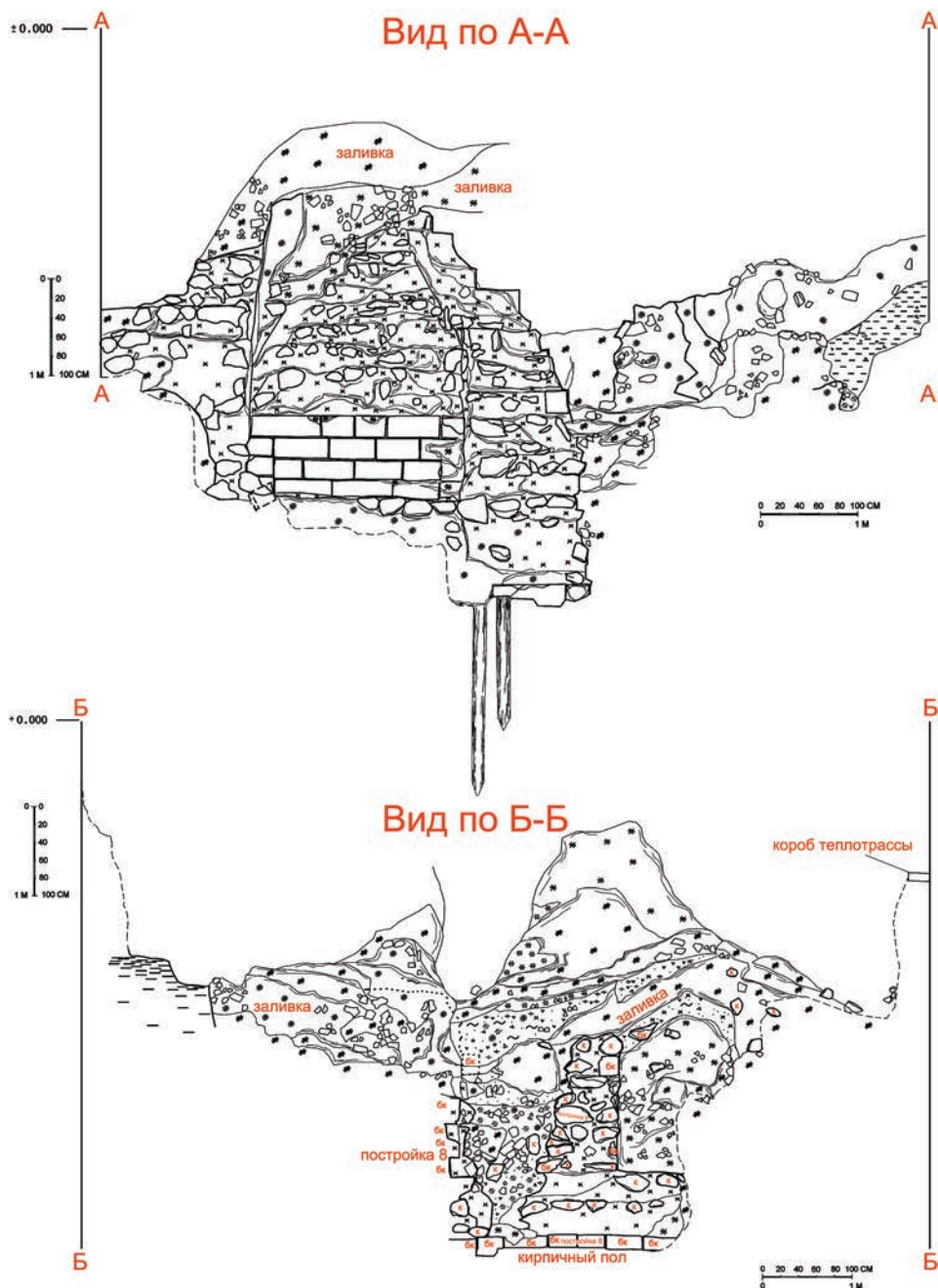


Рис. 26. Александровская слобода. Раскоп 1. Прирезка 9. Кладка восточного угла постройки 8. Помещение подвала. Нижние части оконных проемов подвального этажа. Вид А-А. Вид по Б-Б. Обмерял Д. Панков

линии границы частично выбранного фундаментного рва и небольшого участка кладки наружной поверхности стены из белокаменных прямоугольных блоков и отпечатков утраченных блоков. Линия границы фундаментного рва продолжала линию задней границы белокаменного блока и заливки известковым раствором со следами дощатого мощения, зафиксированных в углу прирезки 7 в 2008 г.

Было установлено, что мы имеем дело с сильно заглубленной каменной постройкой, забутованной развалом строительного мусора и заливками известкового раствора в грозненское время. Разобрать эти заливки в пределах сезона 2009 г. не удалось, и раскоп был законсервирован песком.

Исследования были продолжены в сезоне 2011 г. Прирезка 9 (2009 г.) была расширена к югу и к востоку, и после разборки напластований XVII–XX вв., общая мощность которых составила от 30 см до 1,3 м, на всей площади раскопа были зафиксированы заливки известковым раствором с включениями строительного мусора со следами пожара (фрагменты фрески, обмазки, изразцов, ошлакованные строительные материалы). В ходе разборки заливок стало очевидно, что они и производились одновременно с разных сторон, вследствие чего слои заливок и подсыпки разных слоев смыкаются между собой. При этом в раскопе четко локализовались два участка, которые имели самые высокие отметки уровня поверхности застывшего раствора и от которых поверхность заливок понижалась, в верхних слоях



Рис. 3. Александровская слобода. Раскоп 1. Прирезка 10. Кладка западного угла постройки 8. Помещение подвала. Нижний участок внутрестенного лестничного марша. Вид с ЮВ.

незначительно, а в нижних уровнях заливки со значительным уклоном: с юго-востока – к северо-западу и с севера – к юго-западу.

После разборки большей части 6–8-го уровня заливки оконтурился массив кладки нижней части северо-восточной стены постройки, названной по общей нумерации построек на участке сезонов 2005–2009 гг. постройкой 8 (рис. 2а, 2б).

Стена ориентирована СЗ – ЮВ. Линия ее наружной границы прослежена на расстоянии 2,59 м и частично маркирована двумя белокаменными блоками, уложенными по краю фундаментной траншеи (верхние отметки -2–26, -2,51 от принятого для раскопа сезонов 2005–2015 гг. репера), и отпечатком третьего блока (нижняя отметка -2,91) с остатками раствора на стенке впущенного в материковую глину фундаментного рва. Далее, к востоку, наружная граница стены постройки 8 маркируется ЮЗ границей технологической заливки известковым раствором, выполненной на уровне дневной поверхности времени строительства при небольшой коррективке направления линии края фундаментного рва.

Внутренняя граница северо-восточной стены постройки прослежена на длину более 4,5 м. Толщина стены – 3,01 м.

Под прямым углом к северо-восточной стене зафиксирован сохранившийся в массиве забутовки грозненского времени участок кладки юго-восточной стены постройки размером 0,53 × 0,36 м.

Кладка стен постройки 8, выложенных в полубутовой технике, в основном представляет собой массив собственно забутовки внутренней части стены, сложенный из рядов гранитных валунов среднего размера (15–40 см в поперечнике) и грубо отесанных или неотесанных кусков белого камня, а также, редко, качественно отесанных блоков, по каким-то причинам забракованных и употребленных во внутренних частях кладки. Ряды выравнивались щебнем белого камня, редко с включением кирпича, и проливались известковым строительным раствором, желтовато-белым, местами желтовато-серым, довольно однородным, средней прочности, с примесью среднезернистого речного песка, с мелкими не промешанными фракциями песка и извести. «Наружная» поверхность бутовой части кладки выложена уступами, что предполагает наружную облицовку. Ближе к наружной поверхности бутовой части кладки сохранились участки качественного белого известкового раствора, однородного, высокой прочности с небольшой стабильной примесью среднезернистого речного песка.

Лицевая поверхность стены со стороны интерьера сохранила один прямоугольный белокаменный блок наружной облицовки стены. Блок имеет следы тесла на боковых гранях. Передняя грань в западной половине обработана «начисто» и имеет абсолютно гладкую поверхность, восточная часть наружной поверхности обработана менее качественно, видны небольшие следы тесла. Поскольку поверхности разделяет прямая линия, подобная разница в обработке не является следствием небрежности, а свидетельствует о том, что к восточной половине лицевой поверхности примыкал другой блок под углом 90°. Окончательная шлифовка поверхности стены производилась, уже когда оба блока были смонтированы на месте. Это позволило предположить, что сохранившийся блок является крайним блоком кладки лицевой поверхности северного угла подвального помещения постройки 8.

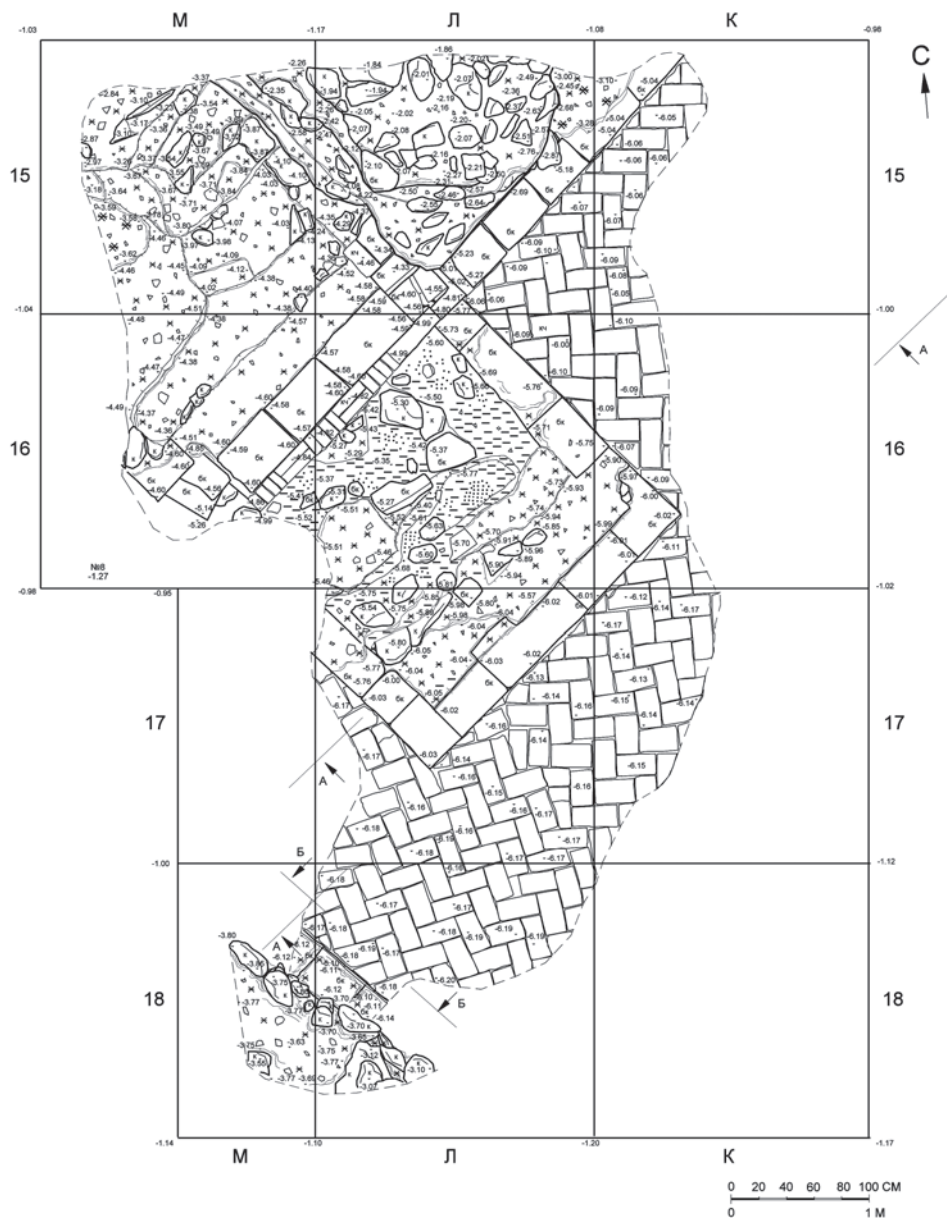


Рис. 4а. Александровская слобода. Раскоп 1. Прирезка 10. Кладка западного угла постройки 8. Помещение подвала. План. Обмерял Д. Панков

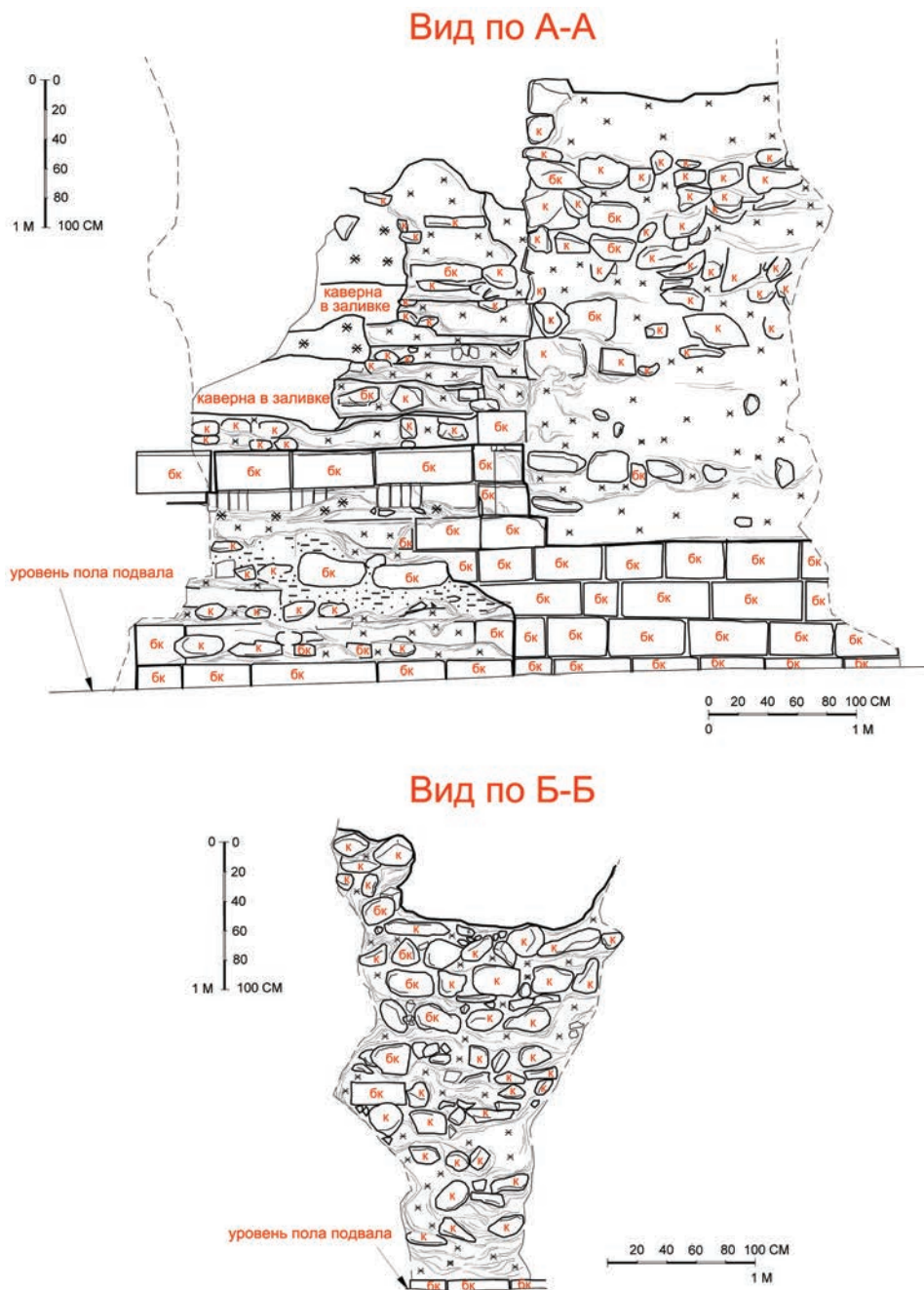


Рис. 46. Александровская слобода. Раскоп 1. Прирезка 10. Кладка западного угла постройки 8. Помещение подвала. Вид А-А. Вид по Б-Б. Обмерял Д. Панков

При дальнейшем раскрытии кладки выяснилось, что заливка поступала во внутреннее пространство постройки через оконные проемы нижнего этажа строения. Участки, где заливка имела самую большую мощность и самый крутой угол падения, после разборки заливки оказались нишами оконных проемов, нижние части которых сохранились. Предположительно, под весом поступающего известкового раствора, с наполнителем в виде строительного мусора, белокаменная облицовка световой части проема обрушилась вниз и была зафиксирована в виде компактно лежащего развала на высоте ок. 1 м выше уровня пола подвального помещения.

Внешняя часть оконного проема располагалась выше уровня дневной поверхности времени строительства. От световой части проема северо-восточной стены сохранилась часть площадки верхнего откоса, без облицовки. Полностью (за исключением целиком утраченной белокаменной облицовки) сохранилась кладка устроенного под углом ок. 120° нижнего откоса световой шахты и расположенных с небольшим расширением в сторону интерьера (раструбом) боковых откосов световой шахты. Кладка оконной ниши в нижней части световой шахты сохранилась почти полностью, с облицовкой из плотно (швы 0,5–1,5 см) пригнанных белокаменных блоков с тщательно заглаженной лицевой поверхностью на белом плотном однородном, с небольшой стабильной примесью среднезернистого песка, известковом растворе. Сохранилась кладка горизонтального подоконника внизу световой шахты, без облицовочных блоков.

В развале у сохранившейся оконной ниши были зафиксированы при расчистке кладки прямоугольные блоки упавшей облицовки оконной ниши, в т.ч. Г-образный блок – один из блоков, формирующих двухступчатую нишу обрамления окна, аналогичную нишам окон подвальных помещений ц. Троицы (в настоящее время ц. Покрова) Александровской слободы и подвальных помещений великокняжеского дворца начала XVI в. в Московском Кремле (*Подъяпольский и др.*, 2003. С. 61, 70, 84). Конструкция раскрытой световой шахты в целом чрезвычайно близка в деталях, если не полностью идентична, конструкциям световых шахт подвальных окон указанных построек.

Оконный проем юго-восточной стены исследованной постройки 8 сохранился фрагментарно. Судя по раскрытым остаткам, он имел ту же конструкцию, но полное его освобождение от позднейших заливок грозило разрушением этого фрагмента стены, поэтому разборка заливок была прекращена. Не исключено, что в случае музеефикации стен здания раскрытие может быть частично продолжено в сочетании с консервационными мероприятиями.

Часть забутовок на площадке были оставлены неразобранными для использования их в качестве «контрфорсов» стенок раскопа, которые, будучи составлены в значительной части слоями песка со строительным мусором, в т.ч. и засыпками «всухую» из крупных валунов, начали представлять опасность для работающих. Кроме того, сохранные участки заливок использовались как дополнительные площадки для удаления разобранного строительного мусора из нижних участков раскопа.

На глубине ок. 5 м от современной дневной поверхности были раскрыты пол подвала из красного кирпича, уложенный «в елочку», и нижний ряд белокаменной

облицовки внутренней поверхности стен восточного угла здания. Стены подвальной части здания сохранились на высоту более 3,5 м от уровня пола.

В месте частично утраченного белокаменного блока нижнего лицевого ряда кладки СВ стены и на границе лицевого ряда и кирпичного пола были зафиксированы каналы двух вертикальных, прямоугольного сечения, деревянных свай. Доступная к измерению длина свай 1,20 и 1,70 м.

Стена постройки 8 продолжалась к северо-западу за пределами раскопа.

Это позволило предположить, что северный угол палаты локализуется в районе надкладной часовни, и в таком случае кладки, раскрытые М. В. Фроловым в 1999–2000 гг., имеют отношение к изучаемой нами постройке.

Для продолжения исследования в 2012 г. была заложена прирезка 10 к югу от надкладной часовни, частично предполагалось раскрыть вновь кладки, найденные М. В. Фроловым, для проверки их соотношения с постройкой 8.

Были раскрыты участки кладок юго-западной и северо-западной стен постройки 8, сохранившие нижние ряды белокаменной облицовки стены внутреннего пространства здания, позволяющие определить локализацию западного угла здания. Определился размер палаты, предположительно 15 на 20 м.

На участке прирезки 10 также был раскрыт участок пола подвального помещения из кирпича «в елочку» и участок световой части дверного проема, ведущего в подвал с улицы, с каменной лестницей (рис. 3; 4а, 4б). На ступенях нижней части лестницы сохранились золистые следы, натоптанные ногами тех, кто посещал подвал после пожара. Зафиксирована полочка внутреннего дверного полотна, к которому вел нижний марш лестницы, и след от закладного дверного железного подстава. Здесь же, в развале, были найдены кирпичи, подтесанные для выкладки ниши обрамления двери. Вдоль трассы лестничного марша, выше двери сохранились следы снятых блоков белокаменной облицовки и ступеней.

Отметим, что подобная конструкция лестничного марша фиксируется в подвале Троицкой церкви на государевом дворе Александровской слободы. Близкие конструкции зафиксированы при обследовании Большого Кремлевского дворца под руководством С. С. Подъяпольского (*Подъяпольский и др.*, 2003. С. 64, 65).

В развале на трассе лестницы зафиксировано необычно большое количество фрагментов чернолощеной черепицы типа «лемех», что позволяет предполагать такое покрытие на примыкавшей ко входу галерее-переходе на столбах (обнаружены раскопками М. В. Фролова в 1999 г.).

В интерьере подвала, на полу, обнаружены заливки со следами разлитого по полу варенья, включавшего вишню и сливу (алычу?), а также фрагмент кирпича с налипшей, частично оплавленной, золотой фольгой и следами волокон дерева.

На полу зафиксированы фрагменты древесного тлена, предположительно – остатки конструкций стеллажей или полок, где хранились эти продуктовые запасы.

Интересно, что в нижних горизонтах забутовок подвала в заливке известкового раствора были обнаружены линзы органических остатков, насыщенных семенами малины.

К помещениям верхних этажей этой палаты можно с уверенностью относить терракотовый пол из трапециевидных плиток, фрагменты которого обнаружены в забутовках. Они находились нами и ранее на других участках.

На рубеже XVII–XVIII вв. многослойные заливки забутовки внутреннего пространства постройки 8 были повреждены при частичной разборке кладки западного угла постройки 8 ниже уровня дневной поверхности времени строительства.

Таким образом, в 2009–2012 гг. впервые в истории археологических исследований древней Александровской слободы были обнаружены остатки интерьера (подвального помещения) каменной гражданской постройки раннего периода освоения участка. Технично-технологические особенности раскрытых кладок позволяют с достаточной долей уверенности считать исследуемую постройку результатом работы итальянских мастеров начала XVI в.

Разрушение постройки 8 произошло не позднее середины – второй четверти XVI в. в результате пожара, датируемого вторым периодом освоения участка. Анализ текстов свадебных чинов¹ Ивана IV и царевича Ивана Ивановича позволяет уточнить эту датировку и предполагать, что пожар произошел незадолго до 1571 г.

Сразу после разрушения подвальная часть здания была забутована строительным мусором и залита многослойной заливкой известковым раствором.

Забутовка подвальной части постройки проводилась одновременно с благоустройством территории к С – СВ от постройки 8 заливкой известковым раствором (заливка 2).

Разрушение постройки 8 стало причиной возведения новых каменных палат (исследованы в 2005–2015 гг.) второго периода освоения участка на исследуемой площадке (середина XVI в., до 1581 г.). По итогам исследований предшествующих сезонов, формирование заливки 2 связано с окончанием возведения сменившей постройку 8 постройки 4–5, исследованной в 2005–2009 гг. и датированной, по технико-технологическим и стратиграфическим характеристикам, грозненским временем.

Исследования сезона 2009–2017 гг. позволяют предполагать, что именно разрушение этого здания на территории двора великой княгини стало определяющим для всей последующей строительной истории этой части дворцового комплекса.

Исследованная в 2009–2012 гг. постройка 8 представляла единый комплекс с галереей-переходом начала XVI в., раскрытой в 2006–2007 гг.

Работы сезона 2017 г., материалы которых еще находятся в стадии обработки, дали возможность с высокой долей вероятности утверждать, что другая галерея-переход на каменных столбах, остатки двух из которых были обнаружены раскопками М. В. Фролова в 1999 г., связывала постройку 8 с другой каменной палатой, предварительно также датируемой началом XVI столетия.

В ходе раскопок 2017 г. обнаружены остатки стен южного угла большой каменной палаты (постройка 12), выходящей фасадом на площадь перед алтарной частью Покровского (ныне Троицкого) собора. Палата имела подвальное помещение, вход в которое располагался точно на трассе упомянутого перехода. Нижний ярус галереи соединял входы в подвалы двух палат.

Наиболее интересными находками, обнаруженными при исследовании постройки 8, следует считать штампик (медный сплав) с растительным орнаментом

¹ Подробно данный вопрос освещен в ходе доклада в рамках Восьмых Зубовских чтений, проведенных 16–17 октября 2017 г. ГМЗ «Александровская слобода» (статья готовится к печати).



Рис. 5. Александровская слобода. Раскоп 1. Прирезка 11. Кладки построек 11 и 10. Помещение подвальной части постройки 11 с частью фрагментарно сохранившегося внутрененного лестничного марша. Фундаментная часть стены постройки 10 (на заднем плане). Вид с ЮЗ

с деревянной ручкой, предположительно, для нанесения рисунка на ткань и поливные печные изразцы ренессансной стилистики, датируемые началом XVI в.

Существенным для понимания топографии резиденции оказалось повторное исследование прирезкой 11 участка, раскопки которого были проведены в 1969–1971 гг. Б. А. Рыбаковым и подготовлены исследованиями 1968 г., проведенными Н. Ф. Сергеевой.

На территории к юго-западу от ц. Успения были открыты кладки, атрибутированные автором исследования 1970-х гг. как «фундаменты дворца Василия III... часть восточной стены и основания двух внутренних опорных столбов» (Рыбаков, 1971). В отчете было отмечено, что дальнейшее исследование восточной стены на территории к северо-западу от площадки не увенчалось успехом, поскольку там обнаруженная стена здания внезапно обрывалась. В целом здание было реконструировано как близкое к квадрату, 10×10 м, строение с внутренним пространством, включавшим, по периметру, галереи на столбах.

Для получения информативной стратиграфии прирезка 11 была заложена таким образом, чтобы захватить дополнительно порядка 10 м^2 к западу от ранее исследованной территории. Размещение раскопа вызвало трудности, поскольку небольшой участок окружен липами 1907 г. посадки. В участок разбитой прирезки 11 вошла, по всей вероятности, часть поисковых траншей Н. Ф. Сергеевой 1968–1969 гг. (раскопки велись ковшем экскаватора), локализованных на схемах отчетов 1970–1971 гг. несколько более к ЮВ.

Исследования одного сезона недостаточны для определения всей полноты картины, но ряд выводов можно сделать с достаточной долей уверенности.

На ранее не потревоженном раскопками участке была зафиксирована многослойная заливка известковым раствором, аналогичная забутовочным заливкам в подвальном помещении постройки 8 и имеющая значительное падение уровня поверхности к юго-западу.

Было выяснено, что кладки, атрибутированные как внутренние столбы квадратного в плане здания дворца, оказались поврежденными бульдозером участками наружной (северо-восточной) стены палаты с сильно заглубленным подвальным помещением (получила наименование постройки 11) (рис. 5).

После разборки заливки на глубине ок. 4,5 м от современной дневной поверхности был зафиксирован фрагмент кирпичного пола «в елочку» и нижний ряд белокаменных блоков внутренней облицовки стены подвального помещения.

Было объяснено резкое падение уровня поверхности забутовочной заливки. Участки стены, атрибутированные ранее как столбы, оказались частью наружной ниши дверного проема, ведшего с улицы на лестницу, ведущую в подвал. Наружная ниша проема, глубиной 0,80 м, зафиксирована на уровне фундамента. Ширина проема на уровне кладки фундамента 0,91 м.

Стена, как и стены постройки 8, была возведена в технике полубутовой кладки. Кладка велась в котлован. Внутренняя бутовая часть стены сложена из валунов на прочном однородном белом известковом растворе. Наружные участки кладки сохранились на высоту 4–5 рядов валунов. Общая толщина северо-восточной стены постройки 11–3,60 м. Судя по отсутствию блоков наружной облицовки, стена была разобрана до уровня верхнего обреза фундамента.

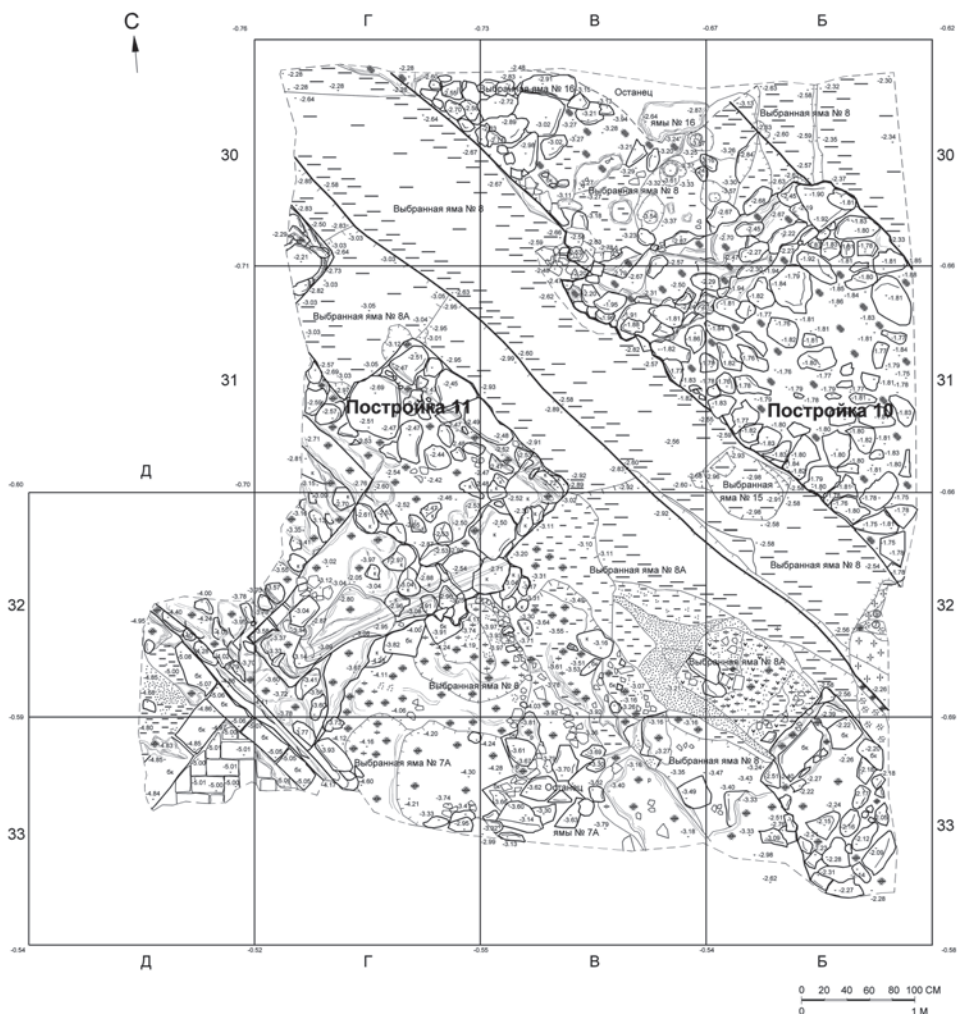


Рис. 6. Александровская слобода. Раскоп 1. Прирезка 11. Кладки построек 11 и 10. Помещение подвальной части постройки 11 с частью лестничного марша. Фундаментная часть стены постройки 10. План. Обмерял Д. Панков

Была зафиксирована кладка расположенного под уклоном основания лестничного марша во внутренней части стены здания, белокаменные ступени которого были сняты при разборке здания, и два сохранившихся *in situ* блока лицевой кладки откоса проема лестницы со стороны интерьера.

На уровне пола раскрыта кладка нижней ступени лестницы из белокаменных блоков с забутовкой внутренней части лестницы переотложенной материковой глиной с линзами крупнозернистого темного песка. Техника этой кладки аналогична кладке основания и нижней ступени лестницы подвального помещения постройки 8 (рис. 6).

Мощность фундамента палаты немногим более 1 м, что дает основание предполагать в нем не более одного надземного этажа на подклете с подвалом и предвзительно атрибутировать скорее как служебную или хозяйственную постройку.

Атрибуция Б. А. Рыбаковым участков стены как столбов стала возможной в силу того, что раскопки на подавляющей части площадки велись с помощью бульдозера, ковшом которого был сдвинут к югу от первоначального положения и перевернут центральный участок бутовой кладки стены. Он был зафиксирован нами в засыпке раскопа 1970–1971 гг. в виде блока, размерами более 1,5 × 0,76 м (частично уходит в стенку, полностью не разбирался). Вынутый блок являлся частью стены между дверным и оконным проемами. Он, так же как и ниша дверного проема в фундаментной части, сохранил ровную боковую поверхность кладки.

Кладка, определенная Б. А. Рыбаковым как внешняя восточная стена дворца Василия III, оказалась принадлежащей другому, более позднему, каменному строению. Новая стена была поставлена на расстоянии 1,1–1,2 м от северной стены разобранного здания начала XVI в. Эта постройка уже не имела подвального помещения и по технологическим характеристикам отличается от кладки постройки 11, но полностью соответствует характеристикам исследованных нами фундаментов строений, относимых к грозненскому времени. Она также была повреждена ковшем бульдозера. Ее продолжение было в пределах раскопа прослежено на уровне субструкций (каналов свай округлого сечения в основании фундаментного рва).

Таким образом, по результатам раскопок Древнерусской экспедиции ГЭ в 2005–2015 гг. на территории Царицына двора великокняжеской резиденции выявлен комплекс соединенных между собой и возведенных в начале XVI в. с употреблением идентичных строительных материалов, приемов и технологий каменных палат. Комплекс включал палаты, предположительно являвшиеся жилыми зданиями: отдельно стоящую парадную палату, высотой не менее 3 этажей, соединенную с большой палатой, располагавшейся за пределами Царицына двора, а также служебную или хозяйственную одноэтажную палату.

Выявленные особенности исследованных построек начала XVI столетия дают основание полагать, что их строительство осуществлялось в 1508–1513 гг. группой итальянских мастеров, ранее принимавших участие в постройке Большого Кремлевского дворца.

Литература

- Подъяпольский С. С., Евдокимов Г. С., Рузаева Е. И., Яганов А. В., Яковлев Д. Е.*, 2003. Новые данные о Кремлевском дворце рубежа XV–XVI вв. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 51–98.
- Рыбаков Б. А.*, 1970. Отчет об археологических раскопках в Александровской слободе. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 4076.
- Рыбаков Б. А.*, 1971. Отчет об археологических раскопках в Александровской слободе. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 4404.
- Турова Е. А.*, 2007. Архитектурно-археологические исследования на территории Александровской Слободы в 2005–2006 гг. // АВСЗ. Вып. 1 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский М.: ИА РАН.

Турова Е. А., 2010. Архитектурно-археологические исследования древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа на территории «Александровской Слободы» в 2005–2008 гг. // *Зубовские чтения*. Вып. 5: Памяти выдающегося российского ученого Алексея Ильича Комеча: материалы конф. (15–17 октября 2008 г.) / Отв. ред. В. Д. Назаров. Александров: Графика. С. 8–21.

Турова Е. А., 2015. Изразцы из раскопок археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 2005–2011 гг. на территории «царицына двора» Александровской Слободы // *АВСЗ*. Вып. 5 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский М.: ИА РАН.

Е. А. Turova

ALEXANDROVSKAYA SLOBODA. STONE CHAMBERS OF THE BEGINNING OF THE XVI CENTURY AT THE TSARITSYN YARD (ACCORDING TO THE RESULTS OF EXCAVATIONS OF OLD RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION OF THE STATE HERMITAGE IN 2008–2015)

Summary. The article gives a description of the main results of the research of the Old Russian expedition of the State Hermitage in the territory of the Aleksandrovsкая Sloboda in 2008–2015, during which, for the first time in the history of archaeological studies of the Grand Duke's residence, remains of stone civic buildings dating back to the beginning of the 16th century. Technological and technological features of the disclosed clutches give grounds to consider them the result of the work of Italian masters, who earlier participated in the creation of a large Kremlin palace in Moscow.

Keywords: Alexandrovskaya Sloboda, architecture, excavations, stone chambers.

Л. Л. Черняева

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ К ЗАПАДУ ОТ ТЕАТРАЛЬНОГО ВАЛА

Резюме. В статье дается обзор археологических работ последних лет к западу от Театрального вала г. Владимира. В результате делается вывод о существовании здесь городского посада в XII–XIII вв., прекратившего свое существование во второй половине XIII столетия.

Ключевые слова: Владимир, охранная археология, Театральный вал, посад.

В летописных источниках и в исторической литературе западная оконечность исторического Владимира в освещении градостроительной истории упоминается дважды. Первое упоминание (1158–1165 гг.) связано с масштабной программой Андрея Боголюбского строительства новых линий валов. Западная граница новой крепости определяется оврагами, спускающимися с плато к рекам Клязьма и Лыбедь. При спуске в овраги к Лыбеди устанавливаются Иринины и Медные ворота; на продольной оси города – пути на юг – стояли белокаменные Золотые ворота (*Воронин, 1946, 1965*).

Дальнейшее повествование ведется с XVI в., когда западнее валов «Нового города» появляется ряд слобод. В 1588 г. из суздальской Михайловой стороны было переселено во Владимир 15 ямщиков, положивших начало Ямской слободе, располагавшейся по Московской дороге за Золотыми воротами. Северо-западнее города, по р. Лыбедь, возникли Стрелецкая и Пушкарская Гатиловы слободы, жители которых должны были охранять город. Им была пожалована земля под пашни и сенные покосы. Застройка данной территории уступала по плотности застройке внутри городских укреплений – дворы жителей занимали большие участки с обширными огородами в глубине кварталов. В это время здесь складывается сетка улиц, идущих от Московской дороги в северном направлении – в сторону р. Лыбедь.

Если внутри валов город исследуется широко, то информации о посадах крайне мало. Охранные археологические работы последних лет к западу от Театрального вала позволили выявить и локализовать следы истории Владимира



Рис. 1. 2001 г. Раскоп по ул. Никитской, 15–15А, на уровне материка. Вид с востока (северный борт раскопа)

древнерусского времени. Первые данные о характере и состоянии культурного слоя были получены в 2001 г. Ю. Э. Жарновым и Н. Н. Мошениной в ходе раскопок на месте снесенных домов 15–15А по ул. Никитской (*Мошенина и др.*, 2002. С. 181). Мощность культурных напластований не превышает 60 см. Отложений и материковых углублений ранее XVI–XVII вв. не зафиксировано; помимо керамического материала этого времени, выявлены и 10 обломков домонгольских гончарных сосудов. В центральной части раскопа обнаружены остатки улицы (отмечено на планах XVIII в., вела к Никитской церкви, рис. 1).

В 2013 г. сотрудником ВНП ОАО «Владимирреставрация» В. В. Родиным обследуется территория, ограниченная улицей Никитской, Костериным переулком, Октябрьский проспект¹. В шурфах у домов № 31, 31А, 33 по ул. Никитской над материком фиксировался переложенный темно-серый суглинок мощностью 35 см с керамическим материалом XV–XVIII вв. и единичными фрагментами красной грубой керамической посуды XIII – середины XV в. и XII–XIII вв., найден наконечник стрелы древнерусского времени. По итогам разведок закладываются раскопы площадью 256 м² во дворе дома № 33 по ул. Никитской. На большей части раскопа фиксировался культурный слой мощностью 40 см. Культурный слой не стратифицируется. В площадь раскопа попали котлованы древнерусских и средневековых подполий, образовавшие усадебную застройку. Зафиксирован процесс ее переноса

¹ Выражаю благодарность В. В. Родину за возможность ознакомиться с материалами исследований.



Рис. 2. 2015 г. Раскоп по ул. Дзержинского, 7, на уровне материка. Вид с юго-запада

в результате одного из городских пожаров. Автор отмечает, что обследованная территория в древнерусское время входила в зону хозяйственного влияния города. Следующий этап освоения участка приходится на период XVII в. – к этому времени относится несколько выявленных объектов и обнаружение сопутствующего керамического материала в большом количестве. К концу XVIII в. относится перестройка участка по новому градостроительному плану, который в своих основных чертах сохранился до настоящего времени.

В 2015 г. археологическими работами на пересечении улицы Дзержинского и Октябрьского проспекта (ул. Дзержинского, 7) исследован участок площадью 280 м² (рис. 2). Культурные напластования достигали 60–160 см, в большей степени сформированные насыщенным строительным мусором горизонта XX в. Перекрывший материк однородный серый суглинок содержит вещевого и керамического материала XVI–XVIII вв. В раскопе встречены единичные фрагменты керамического материала древнерусского времени, а также обломки двух стеклянных браслетов. Авторы работ Д. А. Кабаев и Т. Е. Володина указывают на существование в ближайшей округе застройки древнерусского времени (Кабаев, 2016. С. 60).

В 2016 г. работами в Костерином переулке и на ул. Малые Ремесники, 9, 9А, В. Ю. Катышевский отложения эпохи раннего Средневековья, т.е. XII–XIII вв., на участке раскопа как самостоятельную структуру не зафиксировал. В начальный период формирования этого слоя на исследованном участке короткое время существовали наземные срубные дома и хозяйственные постройки с глубокими подпо-



Рис. 3. 2016 г. Раскоп в Костеринном переулке, 9–9А, на уровне материка. Вид с севера

льями, тщательно забутованными после разборки надземных частей. На площади 493 м² выявлены по меньшей мере два древнерусских жилых комплекса. В указанных комплексах обнаружены фрагменты стеклянных браслетов, пряжка, бусина-пронизка трехчастная стеклянная, а также серия фрагментов древнерусской керамики, позволяющие уверенно датировать указанные комплексы серединой XII – началом XIII в. Выявленная плотная раннесредневековая усадебная застройка позволяет предположить наличие антропогенных отложений периода XII–XIII вв. небольшой мощности (скорее всего, менее 0,1 м) на исследованном участке, перетолженных в поздний период (рис. 3)².

На основании проведенных исследований можно говорить о наличии посада XII–XIII вв. к западу от Театрального вала. Его восточная граница, очевидно, проходила по краю рва перед валом, северная граница проходила по кромке береговой террасы Лыбеди. На основании работ на ул. Дзержинского можно предположить, что западная граница посада не выходила далее современного Октябрьского проспекта. Северо-западной границей посада, вероятно, служил овраг, впадавший в пойму р. Лыбедь. На сегодняшний день овраг засыпан и застроен, и прослежи-

² Выражаю благодарность Ю. В. Катывскому за возможность ознакомиться с полевыми материалами.



Рис. 4. Топографический план Владимира; фрагмент (топосъемка 1980 г.).
 1 – 2001 г., Мошенина Н. Н., Карайчева Н. М., Жарнов Ю. Э. (ул. Никитская, 15–15А); 2 – 2015 г., Кабаев Д. А. (ул. Дзержинского, 7); 3 – 2013 г., Родин В. В., ул. Никитская, 33; 4 – 2016 г., Катывшевский Ю. В. (Костерин переулок, 3, и ул. Малые Ременники, 9, 9А)

вается на топосъемке Владимира 1980 г. (рис. 4). Все авторы работ отмечают большой хронологический разрыв освоения территории к западу от Театрального вала. Культурный слой носит переотложенный характер или не стратифицируется. Возможно, небольшой по мощности культурный слой древнерусского времени в силу трагической истории Владимира не откладывается и впоследствии интенсивно перерабатывается начиная с XVI–XVII вв.

Литература

- Воронин Н. Н.*, 1946. Социальная топография Владимира XII–XIII вв. и «Чертеж» 1715 г. // *СА*. Т. VIII. С. 145–174.
- Воронин Н. Н.*, 1965. Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. 2-е изд., перераб. М.: Искусство. 311 с.
- Кабачев Д. А.*, 2016. Отчет о раскопках в г. Владимир в 2015 году (раскоп 1, по ул. Дзержинского, д. 7). Владимир. С. 60.
- Мошенина Н. Н., Карайчева Н. М., Жарнов Ю. Э.*, 2002. Исследования во Владимире // АО 2001 г. / Отв. ред.: В. В. Седов, Н. В. Лопатин. М.: Наука. С. 181.

L. L. Chernyaeva

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES TO THE WEST FROM THE THEATRICAL RAMPART

Summary. The review of the archaeological works of the last years to the west from the Theatrical rampart of Vladimir is made in the paper. The conclusion about existence here of the posad of the city in the XII–XIII centuries which stopped the existence in the second half of the XIII century is as a result drawn. As a result, the conclusion about the existence of the posad of the city in the XII–XIII centuries, which ceased to exist in the second half of the XIII century is made.

Keywords: Vladimir, security archaeology, Theatrical rampart, Posad (suburb).

Г. В. Панченко

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВАРВАРИНСКОГО И ВНОВЬ ОТКРЫТОГО НИКОЛЬСКОГО КЛАДБИЩ В ЗАРЕЧЬЕ (ГОРОД ПЛЁС) В 2008 И 2011 гг.

Резюме. Статья содержит сведения о погребениях Варваринского и только обнаруженного Никольского кладбищ, исследованных на Варваринской улице в Плесе. Рассматривается история существования и датировка Никольского кладбища методом радиоуглеродного анализа (конец XIV – начало XIX в.), а также изменение градостроительной структуры Заречья в XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: Плес, Заречье, погребение, кладбище, Никольская, церковь, Варваринская, гроб, колода, долбленный.

В 2008 г. в Плесе начались работы по прокладке газопровода на протяжении улиц Спуск горы Свободы, Кропоткина (ныне Никольская), Урицкого (ныне Варваринская), Вичугский проезд и Горького. Трасса должна была пройти по территории средневекового посада г. Плёса, известного в литературе как селище Плес 1, а в документах органов охраны как ОКН «Историко-культурный слой города Плёса». Памятник до этого обследовался в 1986–2002 гг. П. Н. Травкиным, позднее – А. Повелихиным (охранные раскопки на участке дома отдыха ДСК). Раскопки производились за границами современного города, т.е. была исследована только восточная часть посада (Травкин, Коровина, 1987. С. 16, 17; Травкин и др., 1988. С. 30, 31; Травкин, 1988. С. 32, 33; Травкин, 1989а. С. 4–6; 1989б. С. 3–6; Травкин, Ойнас, 1990. С. 35–38; АКР, 1993. С. 143, 144). С целью выяснения наличия культурного слоя, а также его характера и датировки на территории Заречья и у подножия Соборной горы по заказу ОАО «Ивоблгаз» филиал «Приволжскрайгаз» мною было проведено археологическое обследование трассы газопровода по проекту «Газификация г. Плес. 2-я очередь» (Панченко, 2008).

На основании проведенной предварительной шурфовки трассы было предложено прохождение траншеи под газопровод по ул. Урицкого и Горького механическим способом, так как культурный слой на этих участках был перемешан

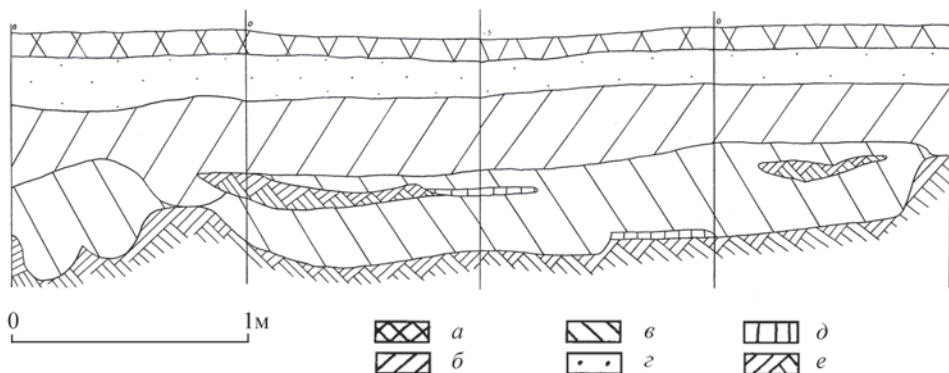


Рис. 1. Профиль могильной ямы погребения 1. *a* – булыжная мостовая; *б* – темно-серая супесь; *в* – темно-серый суглинок; *г* – желтый песок; *д* – остатки дерева; *е* – голубой глеевый песок

в результате хозяйственной деятельности в XIX–XX вв., при условии обязательного археологического наблюдения, включающего в себя сбор подъемного материала.

Прохождение трассы газопровода по ул. Вичугский проезд и Спуск горы Свободы не получило ограничений в смысле археологии, так как там не был выявлен культурный слой.

Траншея на улице Урицкого (Варваринской) принесла много интересных и неожиданных для нас открытий. Она прошла по южному краю видимой мостовой, и ее профиль показал местами значительное увеличение мощности культурного слоя, вероятно связанное с прохождением траншеи через жилищные ямы, содержавшие керамику не позднее XVII–XVIII вв. То есть в XVII–XVIII вв. там, где сейчас находится булыжная мостовая, стоял ряд домов, а дорога проходила севернее существующей и не была такой прямой, как сейчас. Подтверждение этому мы нашли в планах Плёса конца XVIII в. (рис. 6). По новым планам Варваринская улица должна была быть спрямлена и сориентирована почти строго по линии запад – восток (План г. Плёса (до 1795 г.)). Изменения были внесены и в траекторию Никольской улицы. Эти работы были действительно осуществлены в конце XVIII – начале XIX в. Так, например, Герасим Ильин Моклаков, владелец деревянного дома на Никольской улице, в 1796 г. просил под строительство на той же улице в 16 квартале место № 4, потому что «по новому плану в этом месте (на месте его дома – Г. П.) дорога» (ГАИО. Л. 91).

Археологический надзор выявил не только изменение градостроительной структуры города, но и изменение конфигурации отдельных земельных участков, в частности участка земли церкви Св. Варвары. В 9 м севернее участка дома 18 по ул. Урицкого (Никольской) экскаватором было частично вскрыто погребение 1, ориентированное с запада на восток. В отвале траншеи были обнаружены левая часть нижней челюсти, ребра, левая ключица, лобная часть черепа с выраженными надбровными дугами, левая бедренная и большая берцовая кости, обломок мало-



Рис. 2. Погребение 5, вид с востока



Рис. 3. Погребение 4, вид с севера

берцовой кости, принадлежавшие очень высокому и крупному человеку. В стенке траншеи был зафиксирован профиль могильной ямы, заполненной темно-серым легким суглинком (рис. 1: 7). Значительная, около 3 м, длина могильной ямы объясняется, видимо, как большим ростом погребенного, так и тем, что она, очевидно, вскрыта траншеей по диагонали. Вверху и внизу могильной ямы частично прослежены древесные остатки. Глубина могильной ямы невелика – 0,94–0,97 м от современной поверхности. В 20 см восточнее в профиле прослежена двойная яма, в которой виднелись остатки кожаной обуви и дерева. Полностью исследовать захоронение мы не смогли по причине быстрого установления минусовой температуры. Западнее ямы культурный слой сходит на нет и возобновляется лишь через 4,5 м. Еще западнее, через 2,9 м, прослежен край жилищной впадины, а в отвале траншеи большое количество керамики XVII–XVIII вв.

Человеческие кости (кости ног, фрагменты костей рук, ребра, обломки тазовых костей, позвонки, фаланги пальцев) были обнаружены в отвале траншеи севернее участка Урицкого, д. 20. Кости имеют плохую сохранность, некоторые из них покрыты песчано-кальциевыми отложениями. Кости погребения 2 также принадлежат крупному по конституции человеку. Значительное удаление погребения 1 (42,5 м к западу от юго-западного угла колокольни) и погребения 2 (26,5 м к западу от той же точки) от современной церкви Св. Варвары и расположение их в жилом квартале указывает на то, что в момент совершения захоронений участок церковной земли был значительно больше и его западная граница лежала значительно западнее границы современного участка, на котором стоит церковь Св. Варвары 1821 г. постройки (рис. 7). Кладбище, расположенное на церковных землях, от жилого дома, стоявшего на этой же земле западнее обнаруженных погребений, отделял проулок шириной 4,5 м, прослеженный в профиле траншеи



Рис. 4. Погребение 7, вид с запада

западнее погребения 1. Известные нам планы церковных земель подтверждают наши наблюдения (План г. Плѣса 1795 г.; План земель...).

Южнее церкви Св. Варвары в траншее в темно-буром гумусированном слое легкого суглинка обнаружено большое количество древесных остатков, которые могут быть остатками деревянной Никольской церкви, обозначенной на планах XVIII в.

Еще одной интересной находкой стало обнаружение погребений 3 и 4 севернее участка дома 7 по ул. Кропоткина (Никольская), вблизи от пересечения улиц Кропоткина (Никольской) и Урицкого (Варваринской) (рис. 7). Погребение 3 было срезано ковшом экскаватора, и отдельные кости: большеберцовая, фаланга, ключица, череп – были найдены в отвале. Ниже рабочие наткнулись на трудно различимую в грязи крышку гроба и, взломав ее, обнаружили череп. В этот момент земляные работы были остановлены до проведения исследования погребения 4. Тогда же в открывшемся гробу, как потом оказалось, в районе грудной клетки, был обнаружен фрагмент челюсти животного. Интересно, что позднее с находками костей животных в еще более ранних по времени погребениях на ул. Варваринской столкнулась Ивановская археологическая экспедиция (*Аверин и др.*, 2016. С. 26).

Погребение 4 расположено в 8,8 м к северо-северо-востоку от северо-западного угла дома. Глубина от дневной поверхности до крышки гроба – 1 м. Удалось



Рис. 5. Погребения 6 (слева) и 8 в северной стенке шурфа

собрать и восстановить взломанную часть гроба. Гроб оказался выдолбленным из одного куска дерева. Деревянная колода имела антропоморфную форму с выступающим оголовьем. Ширина оголовья вверху – 30 см, в районе плечевой части – 45 см. Один из фрагментов гроба был включен в коллекцию, другой отправлен на радиоуглеродный анализ. Форму гроба в ножной части сразу определить не удалось, так как гроб в основном уходил в стенку траншеи. Наиболее близкие аналогии долбленая колода из Плёса находит в захоронениях Зарядья (г. Москва), которые датированы XV в. (Дубынин. Л. 151), но известны случаи захоронения в подобных колодах старообрядцев в более поздний период. В стене траншеи был виден еще один гроб, расположенный вплотную, южнее и выше, к погребению 4.

С целью вскрытия захоронений к стенке траншеи был прирезан шурф 9 размерами 1 × 2 м, в котором при прохождении глубины 0–20 см была снята булыжная мостовая и часть песчаной подсыпки под нее. В нижней части песчаной подсыпки на глубине 30–40 см была найдена керамика XII–XVIII вв., кованый гвоздь, кованый железный клин, кованая железная обувная подкова и обломок современного зеленого стекла. К сожалению, 17 декабря установилась минусовая температура, продолжать работу было невозможно, и шурф был законсервирован до следующего полевого сезона.



Рис. 6. Фрагмент плана Плёса, выполненного после 29 марта 1779 г.

Отдельные человеческие кости были найдены и в траншее севернее участка Урицкого (Варваринская), д. 4: локтевая и лучевая кости правого предплечья, лопатка, ребро, обломок тазовой кости. Стало очевидно, что мы имеем дело с неизвестным ранее кладбищем.

Продолжить исследование погребений на ул. Урицкого (Никольской) удалось только в 2011 г., когда возобновились работы по прокладке газопровода. Были продолжены законсервированные в 2008 г. работы на шурфе 9 размерами 1 × 2 м, расположенном в 8,6 м к северо-северо-востоку от северо-западного угла д. 7 по ул. Кропоткина (юго-западный угол шурфа) (Панченко, 2009. С. 18–24).

В кв. 2 ближе к западной его границе на глубине 51–59 см был зафиксирован лежащий горизонтально кусок обуглившегося дерева длиной 30 см и толщиной 10 см. В том же квадрате в северо-восточном углу было прослежено черное углистое пятно. С глубины 52 до 60 см оно менялось – от круглого в плане диаметром 16 см до квадратного, а затем пятиугольного с неравными сторонами. На зачистке на гл. 60 см была видна углистая полоса неправильной формы, уходившая в восточную стенку кв. 2. Вероятно, была прослежена упавшая часть сгоревшего креста. На глубине 50–60 см и в 1-м и во 2-м квадратах было обнаружено много мелких фрагментов керамики XVII–XVIII вв., обломки костей, в том числе обожженных, кусков обработанного дерева и фрагментов изделий из кожи, в том числе со следами швов. Почти в центре кв. 2 был обнаружен большой кусок шлака дисковидной формы. Встречался рваный от огня камень, редко – обломки кирпича.



Рис. 7. Схема расположения погребений, обнаруженных в 2008, 2011 гг.

На глубине 60–70 см коричневый суглинок с большим количеством находок мелких фрагментов керамики XVII–XVIII вв., обрезков кожи и фрагментов изделий из нее остался только в южной половине кв. 1, заменившись пятнистым слоем коричневого суглинка с бежевой супесью. Углистое пятно сдвинулось в юго-западный угол кв. 2, и в нем стали отчетливо видны остатки обугленного дерева, стоявшего вертикально. Вероятно, было прослежено основание сгоревшего деревянного креста. На глубине 72 см обгоревшее вертикально стоящее обработанное дерево (крест) в юго-западном углу кв. 2 сошло на нет.

Гроб погребения 5 стал замечен с глубины 73 см у восточной стенки шурфа в южной половине кв. 2. Его крышка к западу под наклоном уходила вниз. В засыпке над крышкой гроба были прослежены угольки, фрагменты керамики, кости животных, в засыпке вдоль северной и южной кромок гроба и над ним шли рваные от огня камни. В кв. 1 чуть ниже 80 см стал виден западный конец гроба. Ориентация гроба – запад – восток с небольшим отклонением западного конца к югу.

Гроб погребения 5 был выдолблен из одного куска дерева. Типологически является сочетанием разных форм гробов-колод. Крышка в плане имела прямоугольную форму со скругленными продольными гранями, в ножной части, видимо, была слегка двухскатной (она сломалась по «коньку» и провалилась внутрь), плавно становилась плоской к головной части. Нижняя часть гроба в головном конце имела в сечении трапецевидную форму с расширением кверху, в ножном конце – то же, но с антропоморфными выемками в нижней части. Внешние размеры гроба (промеры сделаны по нижней части) – 220 × 41–47 см. Внутренние размеры – 180 × 27–30 см. Так как колода была сломана, точную ширину ее определить было невозможно, тем более что южная стенка гроба уходила в стенку шурфа и, чтобы не нарушать стратиграфию, была в ней оставлена. После вскрытия гроба был расчищен костяк, кости черепа и ног которого оказались сдвинуты к центру колоды (рис. 2). Кости кисти правой руки оказались под, а фаланги левой руки – над тазовыми костями. Позвонки прослеживались справа и слева от черепа. Сам череп был ниже 25-сантиметровой ступеньки-изголовья, лежал в развале, лицевой частью на восток, челюсть под ним. Очевидно, кости сдвинулись, когда гроб провалился. Причем провалилась не только крышка, но и нижняя часть, что указывает на то, что под гробом было свободное пространство. В дальнейшем стало видно, что гроб погребения 5 северным краем опирается на южный край гроба погребения 4 и, судя по стратиграфии, лежит наклонно. Кроме остатков кожаной обуви, похожих на голенища сапог, ничего обнаружено не было.

На глубине 88 см показался восточный конец рядом (севернее) лежащей колоды погребения 4, частично вскрытого траншеей 2008 г.

На глубине 110 см полностью стал виден антропоморфный гроб погребения 4 с узким оголовьем, расширяющимся к плечам, слегка суживающийся к ногам. Колода имела ориентировку запад – восток с небольшим отклонением западного конца к югу. Длина видимой части гроба (промеры даны по открытому гробу) составляла 206 см, ширина оголовья и ножной части – 34 см, ширина в плечевой части – 53 см. Кисть правой руки погребенного лежала на левой стороне груди в районе сердца, левая рука, согнутая в локте, лежала поперек груди над правой рукой. Кости не очень хорошей сохранности. Инвентаря не было. Под костями ног про-

слежены подошвы обуви в форме подошвы утюга из тонкой, 0,1 см, кожи с проколами шва по краю через 0,6 см (рис. 3). С северной стороны ножного конца гроба прослежен подложенный под него небольшой деревянный брусок.

В результате радиоуглеродного анализа фрагмента гроба погребение 4 было датировано 1510–1600 гг. (Le-9732, 69,1 % из 95,4 % возможных). Анализ всех образцов проводился в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) (исполнитель – Н. Д. Бурова, руководитель ¹⁴C-группы – Г. И. Зайцева).

Погребение 5, находившееся южнее и выше погребения 4, было датировано 1730–1810 гг. (Le-9733, 54,1 % из 95,4 % возможных). Полученная датировка подтвердила наше предположение о том, что погребение 5 было совершено позднее погребения 4. В профиле шурфа было хорошо видно, что гроб погребения 5 северным боком лежит вплотную к гробу погребения 4 и наклонен к северу в восточном конце и к югу – в западном. То есть при копке могильной ямы в ее северной части наткнулись на более раннее захоронение. Яму расширять не стали, что, возможно, указывает на зимний период совершения захоронения, и гроб погребения 5 был поставлен северной стороной впритык и чуть выше гроба погребения 4. Вероятно, под его южную сторону после того, как наткнулись на предыдущее захоронение, подсыпали рыхлую землю, что привело к тому, что позднее, под давлением дороги, прошедшей по старому кладбищу в XIX в., гроб накренился и проломился в центре, а кости оказались сдвинуты.

После снятия гроба погребения 4 в северной стенке шурфа стал виден юго-западный угол гроба погребения 6, находящегося под дном траншеи газопровода, т.е. ниже глубины 120 см. Гроб имеет такую же антропоморфную форму, как гроб погребения 4. Ориентирован по линии запад – восток с отклонением западного конца к югу. Под видимым концом гроба, как и у погребения 4, выявлен подложенный под него деревянный брусок.

Гроб погребения 7 начал прослеживаться с глубины 125 см в виде уходящих в восточную стенку кв. 2 досок, лежащих в разных направлениях. При попытке приподнять одну из сломанных досок стали видны кости предплечья. Гроб имел форму ящика с разломанной плоской крышкой, ориентированного по линии юго-запад – северо-восток (рис. 4). Основной своей частью погребение 7 уходило в восточную стенку шурфа.

Фрагмент гроба погребения 7 получил наиболее раннюю датировку – 1380–1440 гг. (Le-9734, 58,9 % из 95,4 % возможных).

В материковом желтом мелком песке стала хорошо видна могильная яма погребения 8, ориентированного с юго-запада на северо-восток. Погребение расположено под погребением 6, представляет собой гроб в виде ящика, под который уходит деревянный брусок (рис. 5). Погребения 7 и 8 представляли собой самый нижний пласт захоронений из обнаруженных в шурфе.

Погребения 6 и 8, уходящие под дно траншеи газопровода, не представлялось возможным вскрыть, погребение 7 тоже большей частью уходило в стенку шурфа. Поэтому было принято решение законсервировать часть шурфа с ними.

На глубине 132 см в центре кв. 1 и 2 стало видно четко очерченное золисто-углистое пятно прямоугольной формы с закругленными углами размерами

150 × 50 см с находками раннесредневековой керамики и колотых очажных камней. Пятно примыкало к западной стенке шурфа и было ориентировано строго с запада на восток. У северной кромки пятна, внутри его, лежал длинный деревянный прутик длиной 106 см и диаметром до 1 см. Под золисто-углистым пятном шел слой прокаленного серого песка. Окончательно пятно сошло на нет на глубине 146 см.

Таким образом, были полностью исследованы погребения 4 и 5 в колодах разного типа и обнаружены еще два слоя захоронений: один слой – (погребение 6) в антропоморфной колоде и второй – два захоронения (погребения 7 и 8) в гробах-ящиках, находившиеся еще ниже.

Результаты радиоуглеродного датирования свидетельствуют о том, что обнаруженное на стыке улиц Кропоткина (Никольской) и Урицкого (Варваринской) кладбище могло существовать в 1380–1810 гг. Вероятно, здесь располагалась церковь Святителя Николая Чудотворца и Великомученицы Екатерины, отмеченная в выписях из книг письма и меры Максима Кругликова в числе трех существующих в 1681 г. церквей на посаде города Плёса (Доклад... Л. 11). На плане, составленном не ранее 29 марта 1779 г. (датировка дана по изображению герба Плёса, утвержденного 29.03.1779), в этой части города цифрой 4 помечены два церковных участка с деревянными приходскими храмами: один – на прежнем месте предполагаемого нами расположения церкви Святителя Николая Чудотворца и Великомученицы Екатерины, другой – на месте существующей ныне церкви Св. Варвары (рис. 6) (План г. Плёса после 29.03.1779). На плане, составленном после 1779 г. на основании межевания 1775 г., церковь на пересечении Никольской и Варваринской улиц не обозначена. А на месте современной церкви Св. Варвары под цифрой 7 указаны два храма: «Великомученицы Варвары и Чудотворца Николая с кладбищем» (План г. Плёса после 1779 г.). На межевом плане церковного участка, датированном 1782 г., там, где сейчас стоит каменная церковь Святой Великомученицы Варвары, отмечены два храма (Межевой план...). Таким образом, церковь Святителя Николая Чудотворца и Великомученицы Екатерины на пересечении Никольской и Варваринской улиц, очевидно, ко времени составления межевого плана 1782 г. была утрачена, сгорела, как свидетельствуют результаты исследований (Панченко, 2013. С. 21). Вероятно, в соответствии с генеральным планом Плёса, утвержденным Екатериной Великой в 1781 г., новая деревянная церковь Николая Чудотворца была построена на другом месте, рядом с церковью Св. Великомученицы Варвары. Интересно, что на рисованной волжской параллели Плёса, хранящейся в ГАКО, изображена только одна церковь – «Варварская», деревянная, с шатровой колокольней и главками над храмовой частью и входом (предполагаемая датировка параллели – период с 1796 г. (дата постройки здания Присутственных мест) по 1808 (дата постройки каменного Троицкого храма)) (Параллель Плёса). Позже, в начале XIX в., в соответствии с планом 1797 г., по старому Никольскому кладбищу прошла спрямленная Варваринская улица, часть участка Варваринского храма была отдана под жилую застройку (План г. Плёса 1795 г.). А в 1821 г. был выстроен каменный храм Святой Великомученицы Варвары, и престол Николая Чудотворца был перенесен в него (Беляев, 1863. С. 146).

Поражает длительность существования на исследованном месте церкви и приходского кладбища. Вероятно, здание деревянной церкви при его утрате возобнов-

лялось. Даты, полученные в результате радиоуглеродного анализа, указывают на основание здесь храма в годы, предшествующие или одновременные постройке крепости 1410 г. О Никольском кладбище можно, таким образом, говорить как об одном из древних христианских кладбищ города Плёса.

Еще более ранние захоронения, совершенные по христианскому обряду в этой части Плёса, были прослежены раскопками В. А. Аверина на ул. Варваринской (бывшая Урицкого), 14. Этот участок кладбища находится на отдалении от обнаруженного Никольского. На площади в 20 м² было исследовано 28 погребений, датированных, как утверждают исследователи, концом X – XIII в. (*Аверин и др.*, 2016. С. 26). Вероятно, была обнаружена древняя часть на этот раз уже Варваринского кладбища. Судя по планам конца XVIII в., эта территория являлась его окраиной. Интересно, что эти захоронения одновременно захоронениям курганного могильника на Холодной горе (курганный могильник Плёс 2).

Во время земляных работ в 2011 г. были обнаружены также отдельные находки человеческих костей. В 3 м к юго-юго-западу от угла д. 8 по ул. Урицкого (Варваринской) был обнаружен обломок большой берцовой кости. Такая же находка была сделана в отводке траншеи к д. 10 по ул. Урицкого (Варваринской). Они не являлись частью захоронений и, возможно, были следствием военных действий.

Кроме того, бывшая работница детского дома, располагавшегося в советское время в здании по ул. Луначарского, 6, сообщила, что человеческие кости находили также при постройке кирпичной котельной, возведенной к югу от него.

Следует отметить, что исследование Варваринского и Никольского кладбищ только начато и они требуют дальнейшего всестороннего изучения.

Литература

- Аверин В. А., Барышников В. Ю., Самотовинский Д. В.*, 2016. Работы Ивановской археологической экспедиции в Плесе в 2014 году // XIV Плёские чтения. Иваново. С. 21–26.
- АКР. Ивановская область / Сост. К. И. Комаров. М.: ИА РАН, 1993. 224 с.
- Беляев И.*, 1863. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии... СПб.: Тип. Почт. деп. 358 с.
- ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 97.
- Доклад председателя от 10 сент. 1896 г. о рассмотренных им архивных актах и делах // ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 41.
- Дубынин А. Ф.* Отчет о работе московской археологической экспедиции за 1955 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 1110. Т. 1.
- Межевой план Варваринской церкви г. Плёса // РГАДА. Ф. 1356. Ед. 6911. Л. 5.
- Панченко Г. В.* Отчет о разведке в Приволжском районе Ивановской области в 2008 году: в 2 т. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 42128 и 42129 (альбом).
- Панченко Г. В.*, 2009. Археологическое обследование Плёса в 2008 году // Краеведческие записки. Вып. XI. Иваново: Ивановский гос. ун-т. С. 18–24.
- Панченко Г. В.*, 2013. Археологическое обследование Плёса в 2011 году (исследование погребений и археологический надзор на трассе газопровода в Заречье). Краеведческие записки. Вып. XIV. Иваново: Ивановский гос. ун-т. С. 20–25.
- Параллель Плёса // ГАКО. Ф. 179. Оп. 3. Д. 142.
- План г. Плёса (до 1795 г.) // ГАКО. Ф. 179. Оп. 3. Д. 142.

**Результаты исследования Варваринского и вновь открытого
Никольского кладбищ в Заречье (город Плёс) в 2008 и 2011 гг.**

- План г. Плёса после 1779 г. // РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. 1888.
План г. Плёса после 29.03.1779 г. // РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. 1886.
План г. Плёса 1795 г. // РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Ед. 50.
План земель церкви Св. Варвары 1782 г. // РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. 6911. Л. 5.
Травкин П. Н., 1988. Исследование плёсского раннесредневекового посада в 1987 году // Проблемы изучения и заповедования Плёса: областная науч.-практ. конф. Плёс. С. 32–33.
Травкин П. Н., 1989а. Ремесленные работы в усадьбе плёсского раннесредневекового посада // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 1. Иваново. С. 4–6.
Травкин П. Н., 1989б. Раскопки плёсского посада в 1989 г. // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 2. Иваново. С. 3–6.
Травкин П. Н., Коровина В. В., 1987. Итоги археологического обследования территории Плёсского музея-заповедника // Тезисы докладов областной научно-практической конференции «Вопросы изучения Плёса». Плёс. С. 15–17.
Травкин П. Н., Макарова О. Н., Завгородняя Т. А., 1988. Усадьба ремесленника на территории раннесредневекового плёсского посада. Опыт реконструкции // Проблемы изучения и заповедования Плёса: областная науч.-практ. конф. Плёс. С. 30–31.
Травкин П. Н., Ойнас Д. Б., 1990. Гончарные клейма из Плёса // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 3. Иваново. С. 35–38.

G. V. Panchenko

**THE RESULTS OF THE RESEARCH OF VARVARINSKOYE AND NEWLY
OPENED NIKOLSKIY CEMETERIES IN ZARECHIE (THE TOWN OF PLYOS)
IN 2008 AND 2011**

Summary. This article contains information on burials Varvarinsky's and Nikolsky only found of the cemeteries explored on Varvarinskaya Street in the Plyos. Discusses the history of existence and dating of the Nikolsky cemetery by method of the radio-carbon analysis (the end the XIV – beginning of XIX centuries) and also change of town-planning structure of Zarechie (district of Plyos) in the XVIII–XIX centuries.

Keywords: Plyos, Zarechie, burial, cemetery, Nikolskaya, church, Varvarinskaya, coffin, log, hollowed.

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

С. Н. Вахтанов

СУЗДАЛЬСКИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОБОР В КОНЦЕ XV – НАЧАЛЕ XVI ВЕКА: К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА И БЕЛОКАМЕННОГО ДЕКОРА

Резюме. В статье представлены результаты изучения древней белокаменной части Богородице-Рождественского собора в Суздале и камней (из кладки его стен), хранящихся в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Эти результаты заставляют пересмотреть некоторые устоявшиеся мнения. Они демонстрируют, что фасадный резной декор собора не создавался одновременно, а относится к двум периодам строительства. Первый период соответствует времени постройки собора в начале XIII в. Второй период относится ко второй половине XV в. – времени восстановления храма после его обрушения в 1445 г. В это время от резчиков требовалось восстановить старую резьбу, насколько это было возможно при изменившейся архитектуре храма. Резьба, выполненная ими в XV в., продолжала датироваться XIII в. в историографии до настоящего времени.

Ключевые слова: Суздаль, белый камень, декор, реконструкция, Рождественский собор.

Попытки определить первоначальную программу фасадной резьбы Рождественского собора напрямую связаны с проблемой реконструкции архитектурного облика храма в различные периоды его существования. Ключевым моментом в понимании системы резного декора и динамики его изменения является самый малоизученный период – от обрушения собора в 1445 г. и до восстановления его в 1528–1530 гг.

В статье затрагиваются вопросы, от решения которых во многом зависит возможность реконструировать облик Суздальского собора этого времени.

В ряде предшествующих работ нами были рассмотрены различные свидетельства крупных ремонтных работ на нижней белокаменной части Рождественского собора (рис. 1). Среди них следует отметить полную или частичную переборку цоколя (Вахтанов, 2015б. С. 89, 90), вычинку значительных участков древней кладки стен и фасадных пилястр блоками из верхнего яруса (Вахтанов, 2016.

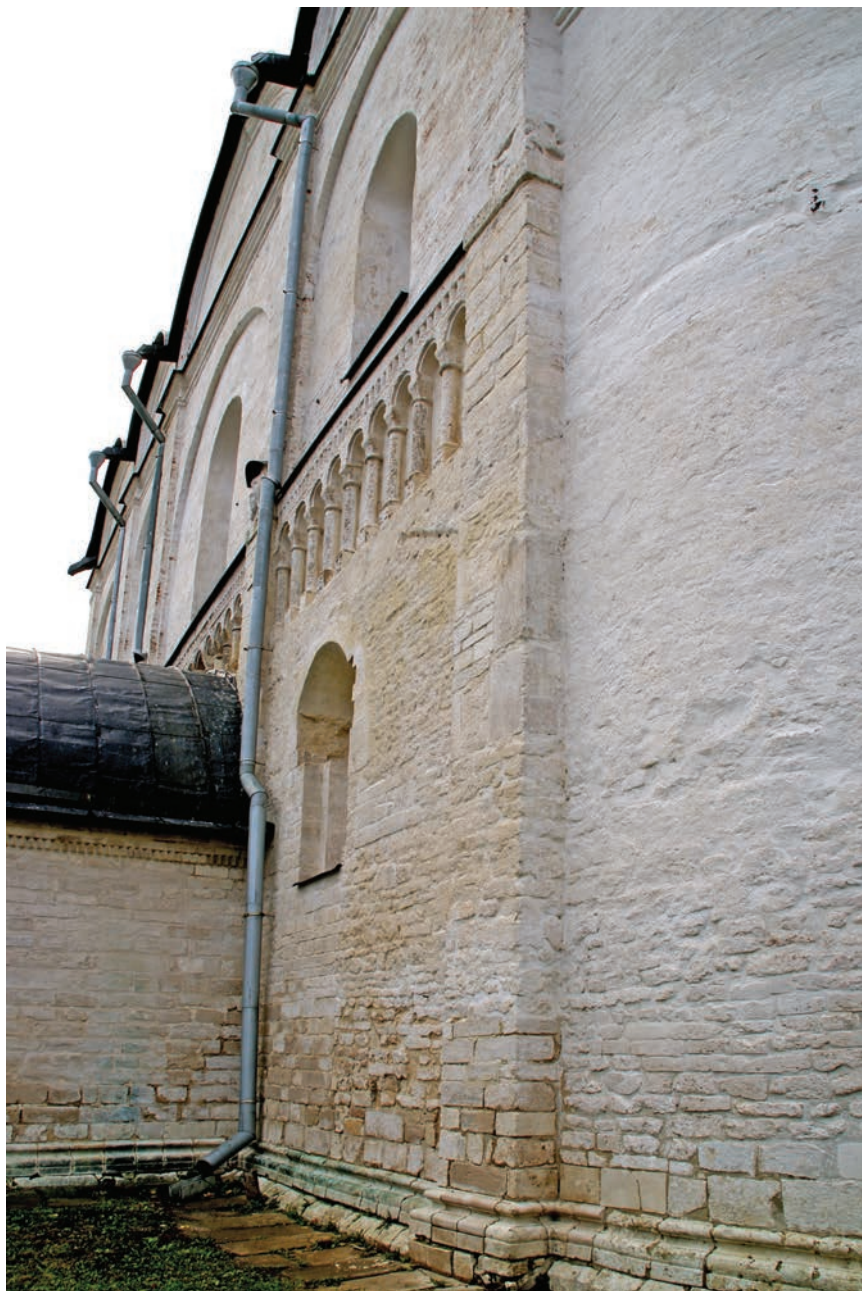


Рис. 1. Юго-восточный угол Рождественского собора. Кладка стен неоднородна по ее техническому исполнению, размерам и физическим характеристикам белокаменных блоков

С. 40, 41), а также восстановление некоторых утраченных белокаменных рельефов (Вахтанов, 2015а. С. 104–106). Имеются в виду рельефы парных львов на углах соборного здания, из которых два «львиных» блока на углах южного фасада (рис. 2; 3), безусловно, являются изначальными, поскольку имеют вертикальное цилиндрическое скругление, выполнявшее роль базы угловой трехчетвертной колонны, и два других «львиных» блока (рис. 4; 5) на углах северного фасада, созданные в более позднее время, когда эти колонны уже были упразднены и упомянутые цилиндрические скругления на этих блоках совершенно отсутствуют.

Можно с уверенностью говорить о том, что кладка белокаменной облицовки собора не является изначальной. Она перекалдывалась в очень значительном объеме либо полностью. Кроме наличия в ней большого числа блоков вторичного использования от самого собора, на это указывают некоторые блоки, происходящие вообще от других конструкций и сооружений: например, блок с надписью XII в. «похвала кресту» (рис. 6: 1) на угловой юго-восточной пилястре и блок с граффити на трех сторонах (рис. 6: 2) (Вахтанов, 2006. С. 110–112) из угловой северо-восточной пилястры собора. Об этой переборке свидетельствуют также некоторые несоответствия в архитектурных элементах, например отсутствие угловых пилястр: на северной стене западного и на восточной стене северного притворов. В иных случаях имеет место прямая неувязка резьбы с архитектурными формами – так, кирпичная кладка XVI в. южной апсиды закрывает собой часть белокаменного рельефа XIII в., изображающего льва, на южной пилястре восточного фасада. При этом кладка из кирпича всего лишь продолжила вверх белокаменные стены, не нарушив заданную ими вертикаль края апсиды (рис. 3) (Вахтанов, 2015а. С. 105).

Эти крупные работы по белокаменной кладке и резьбе могли произойти только после катастрофы 1445 г., но в каком веке – в XV или в XVI?

Сделанное нами предположение (Вахтанов, 2015б. С. 90; 2015а. С. 104) о работе на соборе резчиков в XVI в. нуждается в пересмотре. Сбитые львы на углах южного фасада убеждают в том, что в 1528–1530 гг. при строительстве кирпичного верхнего яруса собора в ряде случаев резьбу даже уничтожали. Поэтому можно считать, что основные работы по белокаменной кладке и восстановлению резьбы были проведены до 1528–1530 гг., т.е. еще в XV в.

Правильность этого заключения подтверждается приведенным выше фактом несоответствия размеров рельефа южного льва на восточном фасаде ширине простенка (от юго-восточного угла соборного здания до южной апсиды), на котором этот рельеф расположен в настоящее время. Наиболее вероятно, что перед нами результат следующих событий. Первоначально в XIII в. описываемый «львиный» блок был частью какой-то (одной из четырех) угловой пилястры собора, являясь базой трехчетвертной резной колонны. В XV в., при восстановлении обрушившихся стен, этот блок был использован вторично на сделанной заново юго-восточной пилястре, которая при перестройке утратила резную колонну, изменила свой вид и размеры. Интересующий нас южный лев восточного фасада занял свое современное местоположение, оказавшись над уровнем апсид, высота которых после восстановления значительно уменьшилась. Следовательно, рельеф не был стеснен какими-либо архитектурными формами или деталями. И только в 1528–1530 гг., когда верхний ярус собора был надстроен из кирпича и апсиды вновь стали высо-

кими, задняя часть львиной фигуры была скрыта кладкой стены южной апсиды. В отличие от южного льва, северный лев на своем месте поместился полностью, поскольку он был выполнен резчиками заново с учетом изменившейся ширины и конфигурации восстановленной пилястры.



Рис. 2. Рельефы львов на фасадной пилястре юго-западного угла



Рис. 3. Рельефы львов на фасадной пилястре юго-восточного угла



Рис. 4. Рельефы львов на фасадной пилястре северо-западного угла

Очевидно, что облик собора при восстановлении его в XV в. был изменен очень значительно, но вопрос об объеме этих работ напрямую связан с вопросом о масштабах самого обрушения 1445 г.

В Новгородской первой летописи записано, что Рождественский собор рухнул из-за пожара: «месяца априля 20... начашася напрасно святительския гробы внутри горети и падати, а на завтрее, в самый праздник Преполовения, падеся церкви сборная святая Богородица» (Новгородская первая летопись..., 2001. С. 424). В историографии принято говорить, что рухнули своды (или верх) собора, а нижняя часть сохранилась. Но это не совсем так. Как уже отмечалось, нижний ярус был подвергнут ремонтам и переделкам. Наконец, согласно летописи, рухнул собор, а не только его верх.

Теперь попытаемся выяснить, что же могло уцелеть после обрушения собора. Фрески XIII в. внутри храма, аркасолии по всему периметру здания, обширные хоры (Варганов, 1945. С. 103), западный притвор с лестницей на хоры, участок западной стены в верхнем ярусе с проходом на хоры свидетельствуют о том, что после обрушения значительная часть здания все же устояла.

Южный и северный притворы сохранились, возможно, не полностью. Их облицовку и своды могли перебрать при восстановлении собора в XV в. На ремонт южного притвора и, вероятно, его свода указывают перепутанные резные блоки в архивольте южного портала (рис. 4). По свидетельству А. Д. Варганова, стены



Рис. 5. Рельефы львов на фасадной пилястре северо-восточного угла



Рис. 6. Белокаменные фрагменты иных конструкций, попавшие в кладку Рождественского собора. 1 – блок с надписью XII в. «похвала кресту»; 2 – блок с граффити на трех сторонах

притвора, возведенные на едином со стенами собора фундаменте, не имеют с этими стенами перевязи (Варганов, 1945. С. 102, 103). Это может означать переборку облицовки стен собора и притвора, о чем свидетельствует также неоднородность кладки белокаменной облицовки западной стены южного притвора, перевязка блоков здесь местами отсутствует.

Ремонт и восстановление белокаменных стен собора в XV в. сопровождался структурными изменениями в стеной полубутовой кладке. Новая облицовка была приложена к частично деструктированной старой забутовке, что не могло обеспечить их надежного и долговечного сцепления. Это касается только участков стен,

уцелевших при обрушения собора и подвергнутых затем ремонту, новые же белокаменные стены, бесспорно, должны были возводиться по традиционной технологии. Так или иначе, снижение прочности стен было неизбежным, что привело в конце XX в. к очередному аварийному состоянию и срочным мерам по спасению памятника.

Далее попытаемся реконструировать облик Рождественского собора, восстановленного во второй половине XV в.

О том, как выглядел собор до 1528 г., свидетельствует иеромонах Иоасаф: «...своды и главы, бывшие долго без поддержки, совершенно обветшали и угрожали падением. Церковь была низменная. Вел. Князь приказал возвысить ее; по этому на старых стенах, сделанных из белого камня, надстроены были новья кирпичная стена, и собор поднят почти вдвое выше прежнего» (*Иоасаф (Гапонов)*, 1857. С. 98). Из сообщения видно, что собор (до его «возвышения» в 1528–1530 гг.) находился в перестроенном виде, т.к. был значительно ниже обычной высоты. На капитальный характер этой перестройки, относящейся к XV в., указывают восстановленные своды и главы, хотя собор по прошествии лишь нескольких десятилетий после этого ремонта вновь находился в аварийном состоянии: его ветхие своды и главы угрожали падением. Приведенный отрывок не дает оснований считать «старые стены» собора стенами XIII в., они были старыми лишь по отношению к новой кирпичной надстройке 1530 г. Пониженная высота здания, видимо, была связана с недостатком хорошего белого камня у мастеров XV в.

Восстановленные алтарные апсиды также стали ниже в соответствии с уменьшением общей высоты здания. Они были перекрыты плоской односкатной крышей – это видно по идущей наклонно границе белокаменной и кирпичной кладок на южной и северной апсидах (*Вахтанов*, 2000. С. 43).

Внутри собора сохранялись хоры. Следовательно, при всей «низменности» собора стены его над аркатурно-колончатый пояс и новые своды должны были подниматься на высоту, дававшую над хорами достаточное пространство.

Известно, что до 1528–1530 г. на соборе имелось три главы (*Иоасаф (Гапонов)*, 1857. С. 98). Не вызывает сомнения то, что эти главы являлись результатом предшествующего ремонта (т.е. XV в.), поскольку не могли уцелеть во время катастрофы 1445 г. Вопросы о том, где находились малые главы – на востоке или на западе, и было ли трехглавие XV в. повторением первоначального варианта завершения храма, являются дискуссионными.

Большее число исследователей считают трехглавие Рождественского собора изначальным и помещают малые главы над его восточной частью, аналогично расположению глав на соборах XVI в. суздальских монастырей – Покровского и Ризположенского (*Вагнер*, 1975. С. 33; *Воронин*, 1962. С. 27; *Заграевский*, 2015. С. 84). В. В. Седов выдвинул предположение, что малые главы как дополнительный источник освещения хор изначально могли находиться непосредственно над ними, т.е. в западной части храма (рис. 7) (*Седов*, 2012. С. 192, 193).

Мнение о восточном расположении глав собора 1225 г. кажется нам более убедительным по некоторым соображениям чисто инженерного плана. Располагаясь над алтарем храма, малые главы являлись дополнительной причиной непрочности здания. В совокупности с главными причинами – пожаром 1445 г. и наличием под

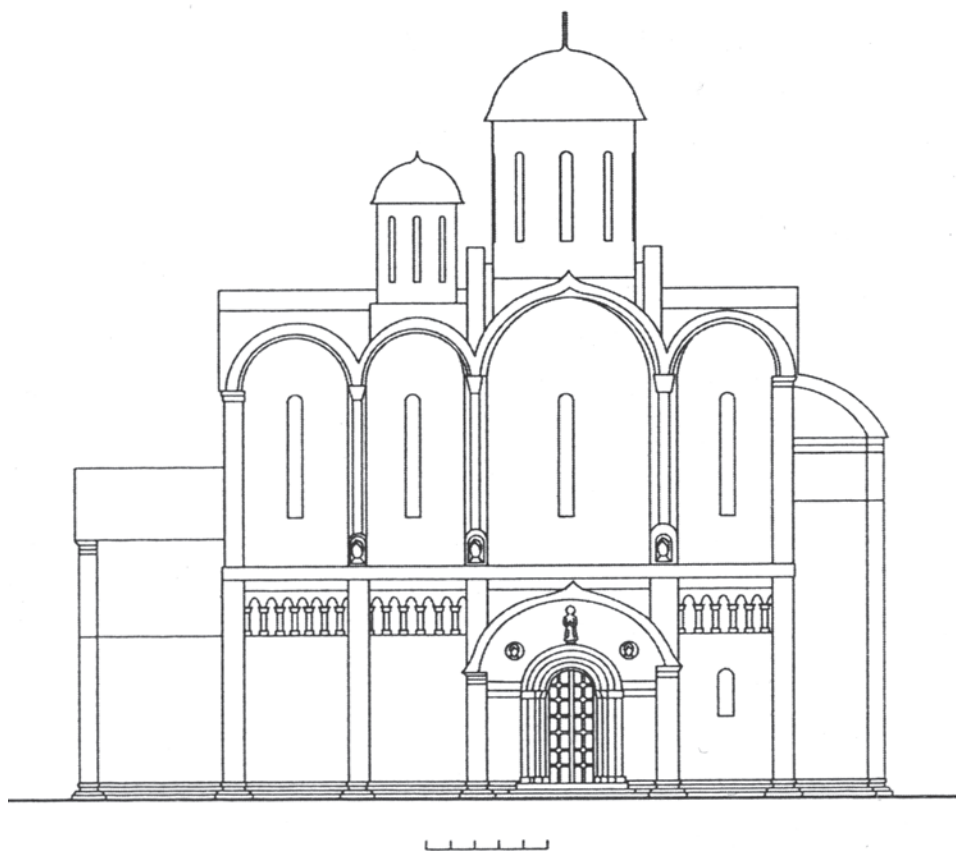


Рис. 7. Первоначальный вид Рождественского собора. Реконструкция В. В. Седова

алтарной частью значительного слоя мягкого насыпного грунта (заполняющего древний ров или овраг (Глазов, 1995. С. 49) и создающего неравномерную площадь опоры для здания) – эти главы своей тяжестью должны были способствовать случившейся катастрофе. Если же допустить их первоначальное расположение на западе, то нам пришлось бы согласиться с тем, что либо малые главы каким-то образом сохранились при обрушении восточной и центральной части собора, либо они рухнули вместе со сводами, уничтожив при этом и хоры. В последнем случае следовало бы считать хоры, упраздненные в XVII в. митрополитом Иларионом, не первоначальными, а восстановленными.

При решении вопроса о местоположении новых малых глав, возведенных при ремонте собора в XV в., тезис В. В. Седова об использовании их в качестве дополнительного освещения хор является очень актуальным, поскольку окон в новых невысоких стенах второго яруса могло и не быть либо они могли быть очень малы.

Строго говоря, неизвестно, сколько глав имелось на соборе изначально в XIII в. Их могло быть и пять, как на Успенском соборе Владимира, и три, и одна.

Все три предположения имеют право существовать, но если разобранные в XVII в. хоры действительно сохранялись в соборе с момента его постройки, а не были воссозданы при ремонте здания в XV в., то шансов у варианта с пятью главами практически не остается. Гипотеза о трех главах Суздальского собора XIII в. общепринята, хотя такой тип завершения храма очень необычен для владими́ро-суздальских памятников домонгольского времени. Третья версия, что собор мог быть одноглавым, полностью вписывается в рамки устоявшейся местной архитектурной традиции. И в этом случае только изменение облика и пропорций храма, ставшего в XV в. «низменным», повлекло за собой появление двух дополнительных глав с целью осветить и поднять пространство над хорами.

О судьбе резного белокаменного декора Рождественского собора после 1445 г. можно было бы говорить с уверенностью лишь тогда, когда удалось бы точно выяснить, где проходит граница между древними уцелевшими (отремонтированными) и вновь надстроенными в XV в. белокаменными стенами. Судя по всему, эта граница была сnivelирована переборкой наружной облицовки, о которой упомянуто выше.

Если считать, что древние хоры сохранились, то, очевидно, сохранились и стены, на которые они опирались. Соответственно, должна была сохраниться и значительная часть аркатурно-колончатого фриза, но нельзя исключать того варианта, что при ремонте и восстановлении белокаменных стен, а также и самого фриза он мог подвергнуться полной переборке и оказаться совсем на другой высоте, нежели первоначальный. При общем понижении пропорций восстанавливаемого храма аркатурно-колончатый фриз мог быть сделан несколько ниже того уровня, на котором находился ранее. Поэтому он и не смог уже поместиться полностью над сводами северного и южного притворов.

Фасадные пилястры изначально были не плоские, а с полуколонной и одной или несколькими полочками, но в XV в. они были переделаны, получив современный вид. О наличии резных полу- и трехчетвертных колонн на Рождественском соборе свидетельствуют их фрагменты, хранящиеся ныне в коллекции ГВСМЗ (Вахтанов, 2015б. С. 87, 88).

Нет достаточных оснований считать, что полуколонны собора XIII в. находились только в верхнем ярусе. Традиционно они должны были проходить от цоколя до комар. Так или иначе, этот вопрос остается открытым.

Как уже отмечалось выше, первоначально в XIII в. блоки с львиными рельефами на углах соборного здания являлись базами угловых трехчетвертных колонн (Вахтанов, 2015а. С. 105). В качестве баз, если колонны проходили по всей высоте стены, эти блоки первоначально могли находиться и внизу над цоколем по углам здания аналогично подобным «львиным» базам колонок южного портала. Возможен и другой вариант их использования (по аналогии с орнаментальными бусинами (рис. 8) на колонках того же южного портала) – в качестве рельефно выступающих из кладки блоков-перехватов, деливших угловые трехчетвертные колонны по центру на две части.

Подобными же перехватами фасадных полуколонн могли являться и крупные блоки с рельефами ликов (женских или, может быть, ангельских).

В своей статье, посвященной вопросам реконструкции первоначального вида Рождественского собора, С. В. Заграевский предположил, что угловые

блоки с львиными рельефами, как и блоки с ликами, были базами круглых фасадных колонок, привлекая в качестве аналогов колонки и базы южного портала (Заграевский, 2015. С. 82). Согласиться с мнением о наличии круглых колонн, стоящих перед пилястрами на фасадах собора, трудно, прежде всего, по причине сложности технического исполнения.



Рис. 8. Южный портал Рождественского собора

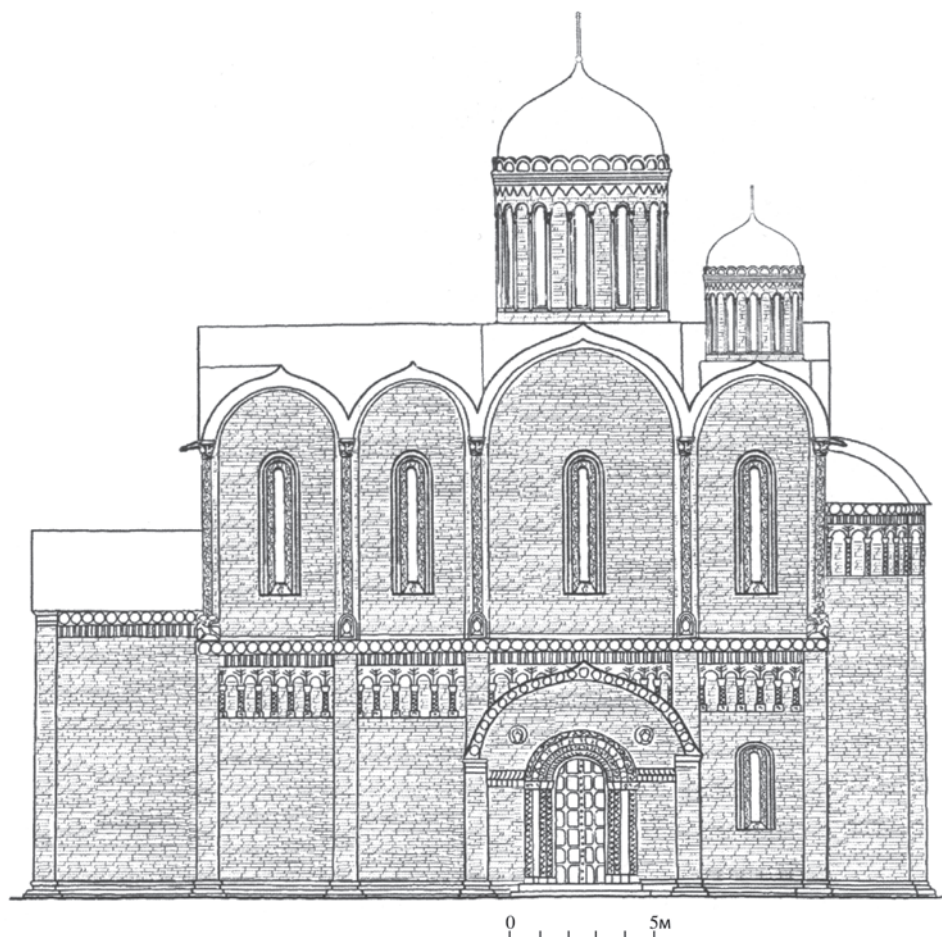


Рис. 9. Первоначальный вид Рождественского собора. Реконструкция С. В. Заграевского

Известняк – материал достаточно хрупкий и неоднородный. Представить себе цельную, длиной в несколько метров, тонкую (около 30 см) круглую колонну из белого камня невозможно, поэтому они должны были бы быть не монолитными, а составными, как это мы и видим на примере южного портала, непосредственно демонстрирующего и способ крепления таких колонок. Именно для того, чтобы закрепить две части составной колонки, наряду с базой и капителью, была применена строителями собора бусина-кронштейн – белокаменный блок, орнаментированный по лицевой стороне, а задней своей частью уходящий в кладку стены. Сколько же бусин-кронштейнов нужно было бы для крепления составных частей такой круглой фасадной колонны? На своей графической реконструкции собора XIII в. (рис. 9) С. В. Заграевский ни одной такой бусины не дает. Другие возможные способы крепления частей составной колонны, как, например, внутренний метал-

лический стержень или железные скобы-кронштейны, привязывающие к кладке по отдельности каждую часть колонны, не имеют аналогов ни на самом соборе, ни в предшествующих ему белокаменных храмах, примеры же полу- и трехчетвертных колонн в лапидарии Рождественского собора не единичны.

Таким образом, перед нами – один из самых сложных и необычных памятников владими́ро-суздальского белокаменного зодчества. Белые пятна архитектурной истории суздальского Рождественского собора не позволяют пока однозначно с полной определенностью решить многие вопросы относительно его первоначального резного убранства. Новые находки резного белого камня собора заставляют пересмотреть некоторые устоявшиеся мнения и демонстрируют прежде всего то, что его фасадный резной декор не относится только ко времени строительства храма, но принадлежит как минимум к двум строительным периодам. Первый из них относится к началу XIII в. – это, собственно, создание системы резного декора собора. Следующий по значимости период мог принадлежать только второй половине XV в. – времени первичного восстановления храма после его обрушения в 1445 г., когда строительство велось в белокаменной технике, и среди мастеров должны были присутствовать профессиональные резчики по камню. Как мы видим, в задачу резчиков входило не создание новых декоративных элементов, сюжетов и схем, а восстановление старой резьбы, насколько это было возможно при изменившейся архитектуре храма, причем выполненные ими новоделы до настоящего времени продолжали датироваться в историографии XIII в. Вероятно, и в 1528–1530 гг. проводился какой-то ремонт старых белокаменных стен блоками от разобранного верхнего яруса, но на изменение резного декора собора это, видимо, не повлияло. В более позднее время – с XVI по XIX в. – резьба уже не восстанавливалась, и различные строительные работы по собору приводили к дальнейшим ее утратам.

Литература

- Вагнер Г. К.*, 1975. Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор XIII в. М.: Искусство. 183 с.
- Варганов А. Д.*, 1945. К архитектурной истории Суздальского собора (XI–XVII вв.) // КСИИМК. Вып. 11. С. 99–106.
- Вахтанов С. Н.*, 2000. Суздальский Рождественский собор в XVI–XVIII вв. (по архивным и реставрационным материалам) // Материалы исследований. Вып. 6. Владимир. С. 43–47.
- Вахтанов С. Н.*, 2006. Граффити суздальского Рождественского собора XIII в. // Материалы исследований. Вып. 12. Владимир. С. 103–115.
- Вахтанов С. Н.*, 2015а. Конструктивные особенности некоторых архитектурных деталей фасадного резного декора суздальского Рождественского собора XIII века // Художественное наследие Владимирского края: история и культура. Вып. VII: Материалы VII межрегион. науч. конф. (13 нояб. 2014 г.) / Ред. Е. Н. Усанов. Александров: Александровский худож. музей. С. 101–114.
- Вахтанов С. Н.*, 2015б. Собор Рождества Богородицы города Суздаля в материалах лапидария // На пороге тысячелетия. Суздаль в истории и культуре России: к 990-летию первого упоминания Суздаля в древнерусских летописях: научно-практическая конференция (7 августа 2014 г.) / Сост. М. Е. Родина. Владимир: Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. С. 85–90.

- Вахтанов С. Н.*, 2016. Первоначальная резьба суздальского Рождественского собора XIII века и вопрос о её возобновлении в XV–XVI веках // Художественное наследие Владимирского края: история и культура. Вып. VIII: Материалы VIII межрегион. науч. конф. (13 нояб. 2015 г.) / Ред. Е. Н. Усанов. Александров: Александровский худож. музей.
- Воронин Н. Н.*, 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 2: XIII–XV столетия. М.: Изд-во АН СССР. 558 с.
- Глазов В. П.*, 1995. Отчет об археологических исследованиях собора Рождества Богородицы в г. Суздаль в 1994 году. Владимир.
- Заграевский С. В.*, 2015. Вопросы реконструкции первоначального вида суздальского собора Рождества Богородицы начала XIII века // На пороге тысячелетия. Суздаль в истории и культуре России: к 990-летию первого упоминания Суздаля в древнерусских летописях: научно-практическая конференция (7 августа 2014 г.) / Сост. М. Е. Родина. Владимир: Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. С. 75–84.
- Иоасаф (Гапонов)*, 1857. Церковно-историческое описание суздальских достопамятностей. Чугуев: Тип. Штаба укр. воен. поселения. 133 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань: Александрия, 2001. 639 с. (Русские летописи; т. X.)
- Седов В. В.*, 2012. Необычные формы суздальского Рождественского собора начала XIII века // ABC3. Вып. 4 / Ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.; СПб.: ИА РАН. С. 184–196.

S. N. Vakhtanov

SUZDAL NATIVITY CATHEDRAL AT THE END OF 15th – BEGINNING OF 16th CENTURY: TO THE QUESTION OF RECONSTRUCTION OF THE ARCHITECTURAL APPEARANCE AND WHITE STONE DECORATION

Summary. The article presents the results of studying the ancient white-stone part of the Nativity Cathedral in Suzdal and stones (from the masonry of its walls) stored in the funds of the Vladimiro-Suzdalsky museum reserve. These results have led to a reconsideration of some well-established opinions. They demonstrate that the facade carved decoration of the Cathedral was not created at the same time, but refers to two periods of construction. The first period corresponds to the time of the construction of the Cathedral in the early 13th century. The second period belongs to the second half of the 15th century – the time of the restoration of the temple after its collapse in 1445. At that time the carvers were obliged to restore the old carvings as far as possible with the changed architecture of the temple. Carving, made by them in the 15th century, continued to date back to the 13th century in historiography until now.

Keywords: Suzdal, white stone, decor, reconstruction, Nativity Cathedral.

С. В. Очеретина, Д. А. Кабаев, Т. Е. Володина

ДЕТАЛИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ОДЕЖДЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА НА ТЕРРИТОРИИ ПАТРИАРШЕГО САДА г. ВЛАДИМИРА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2016–2017 гг.)

Резюме. В статье рассматриваются детали одежды, найденные в результате охранных раскопок древнерусского некрополя в Патриаршем саду г. Владимира в 2016–2017 гг. Исследовано порядка 180 захоронений на площади более 350 м². Представляемая коллекция деталей древнерусской одежды насчитывает 18 изделий из 15 погребений и включает 3 очелья, 13 воротничков и, возможно, 2 нагрудника. Стоит отметить присутствие в декоре одежды выразительной христианской символики.

Ключевые слова: Владимир, охранные раскопки, могильник, средневековое золотное шитье, шелковые ткани.

Находки деталей одежды из шелковых тканей, золототканые ленты и золотное шитье известны по погребениям феодальной знати. Большое количество шелковых изделий происходит из курганных захоронений сельского и городского населения.

Все детали одежды найдены в захоронениях грунтового могильника на территории Патриаршего сада в 2016–2017 гг. Могильник расположен в юго-западной части исторического Владимира, в южной части Патриаршего сада на краю и склоне мысовидной террасы. Исследовано порядка 180 захоронений на площади более 350 м². В настоящее время материалы могильника обрабатываются, и результаты исследований будут представлены позже.

В курганных захоронениях подобные находки хорошо датируются погребальным инвентарем. Захоронения с территории Патриаршего сада безынвентарные. В этой связи детали одежды по аналогиям могут выступать датирующим материалом. Публикации по древнерусской одежде и тканям из Владимира единичны. Широко освещена в литературе ткань из гробницы Андрея Боголюбского (*Фехнер*, 1982. С. 67–68; *Родина*, 2004. С. 46, 47). В статье М. Е. Родиной о неизвестном погребении XII в. из раскопок Н. Н. Воронина у церкви Спаса во Владимире дается

описание деталей одежды и реконструкция головного убора знатной женщины, возможно, княжеского рода (*Родина*, 1996. С. 161–164).

Детали одежды были определены согласно их местоположению в захоронении. Однако часть изделий происходит из переотложенных погребений, поэтому некоторые фрагменты одежды мы интерпретируем.

Представляемая коллекция деталей древнерусской одежды насчитывает 18 изделий из 15 погребений и включает 3 очелья, 13 воротничков и, возможно, 2 нагрудника. В коллекции присутствует как золототканая тесьма, так и золотная вышивка.

В захоронениях найдено 13 изделий из золототканой тесьмы (очелья и воротники). Это категорию находок мы разделили на 2 группы, в основе которой технология производства.

В первой группе представлены ленты сложносаржевого переплетения, характеризующиеся наличием двух основ – коренной, создающей основу, структуру ткани, переплетаясь с лицевым и изнаночным утком; внутренней – не участвует в переплетении и свободно лежит между двумя утками (для уплотнения ткани). Каждый из утков имеет свое переплетение (рисунок ткани на лице и изнанке не одинаков). Для основы использовалась тонкая сильно крученая пряжа, для утков – более толстая без крутки. Золотная нить, формирующая узор, является одним из утков. Металлическая нить – позолоченное серебро, пряденное на шелке. Подобные изделия производились в Византии. Орнаменты на лентах – геометрические: елочка, плетенка, диагональные полосы, золототканый узор закрывает всю поверхность ленты. Ширина ленты варьируется от 1,2 до 2,2 см.

В одном захоронении узкие ленты для воротничков сшиты вдоль для увеличения ширины. Для придания жесткости положены на берестяную основу.

В этой группе находок присутствует лента суммарной длиной 93 см (рис. 1: 4). На ней, наряду с фоновым геометрическим орнаментом в виде диагональных полос, фиксируется ритмичный орнамент в виде крестов, образующийся за счет пропусков золотной нити. Изделия с такой техникой изготовления найдены в кургане XII в. у деревни Маклаково Рязанской обл. и в погребении Московского Кремля (*Фехнер*, 1982. С. 64. Рис. 3; *Катасонова*, 2005. С. 36. Рис. 19). На аналогичных изделиях имеются поясные изображения святых. Такие ткани с изображениями святых известны только византийской работы. Этот факт дает основание эту группу находок отнести к изделиям византийских мастеров.

Вторая группа находок представлена тремя изделиями (рис. 1: 5–7).

Фрагмент тесьмы размером 15 × 1,7 см в захоронении обнаружен в районе нижней челюсти. Материал – шелковая и золотная нить. Шелковая нить – основа, золотная нить – уток, образующий узор. Основа полотняного переплетения. Орнамент представляет собой геометрические фигуры – ромбы разного размера, читается плохо, т.к. золотная нить плохо сохранилась. Раппорт, возможно, разный. Тесьма по краю обшита шелковой тканью саржевого переплетения, образующей кайму. С внешней стороны кайма подвернута, пришита к тесьме потайным швом (стебельчатый). С внутренней стороны кайма подогнута, прошита шелковой ниткой швом «вперед иголку», край не подвернут, бахромится. Вероятно, с правой стороны изделия была пришита пуговица. Следовательно, может являться фрагментом воротника.

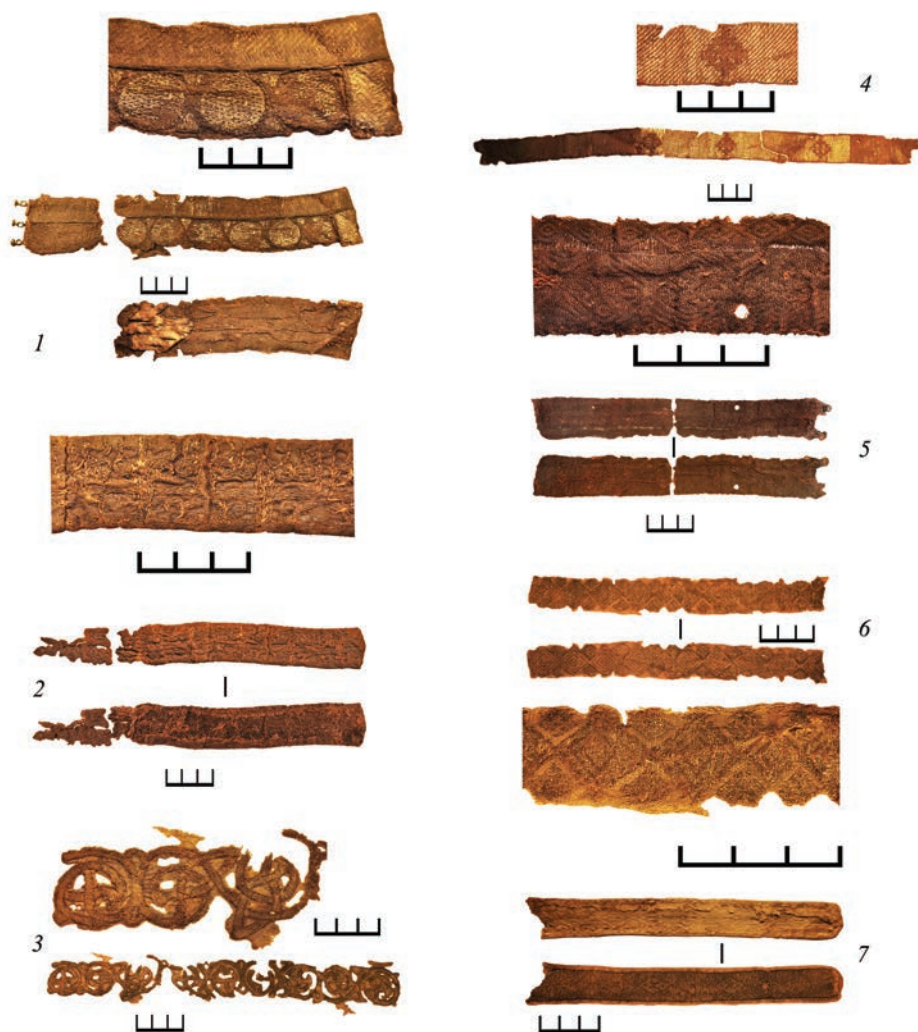


Рис. 1. Детали одежды из могильника в Патриаршем саду во Владимире. 1–3 – вышивка; 4–7 – золототканая тесьма

Еще один фрагмент тесьмы (ленты) размерами 16×2 см найден под челюстью, в районе шейных позвонков. Следовательно, является фрагментом воротника. Орнамент представляет собой геометрические фигуры – 3 ромба, вписанных друг в друга, в центральном ромбе крест. Орнамент образует саржевое переплетение, основа – полотняное переплетение. Края имеют кромку шириной 1 мм.

Третий фрагмент тесьмы с двумя пуговками – воротничок, орнамент – ромбы.

На этих лентах золотой уток образует небольшие стежки на лицевой стороне, формирует геометрические орнаменты или крестовидные фигуры. Тесьма



Рис. 2. Погребение 25 (раскоп 2). Вид с юга

низкой плотности. Такие характеристики указывают на испанское производство. Аналогом может выступать ткань из великокняжеской гробницы во Владимире. Подобные ленты найдены в курганах XI–XII вв. у дер. Авдотьино Московской области, в захоронении на Старорязанском городище (Фехнер, 1982. С. 69. Рис. 6).

Вторая категория находок – изделия с вышивкой. Найдены в 4 захоронениях.

Фрагмент шелковой ткани $38,8 \times 3,8$ – $4,8$ см обнаружен в районе шеи, может интерпретироваться как воротник (рис. 1: 3). На плотной шелковой ткани полотняного плетения выполнена вышивка золотой нитью. Вышивка выполнена «вприкреп». Ближайший аналог – воротник из кургана у д. Караш Ярославской области, XI–XII вв. Орнамент – плетенка из растительных побегов и криновидных завершений, образующих кресты в медальонах (Катасонова, 2005. С. 30. Рис. 6).

Второй воротник сохранился в двух фрагментах общей длиной 21 см. Большой фрагмент представляет собой 2 полосы шелковой ткани саржевого переплетения, сшитые вместе по вертикали (рис. 1: 2). Края ткани подвернуты наизнанку, но не подшиты. Ткань украшена вышивкой золотой нитью с растительным орнаментом, образующим «древа жизни». Вышивка выполнена «вприкреп», что имитирует технику шитья «на проем». Стежки длиной по 3 мм плотно лежат друг к другу.

Третий воротник – составной, общей длиной 21,5 см, с тремя грибовидными пуговками (рис. 1: 1). С изнаночной стороны большого фрагмента сохранились 2 небольших кусочка бересты. Изделие представляет собой воротник-стойку, состоящий из золотканой тесьмы (ленты) шириной 1,5 см, нашитой на шел-

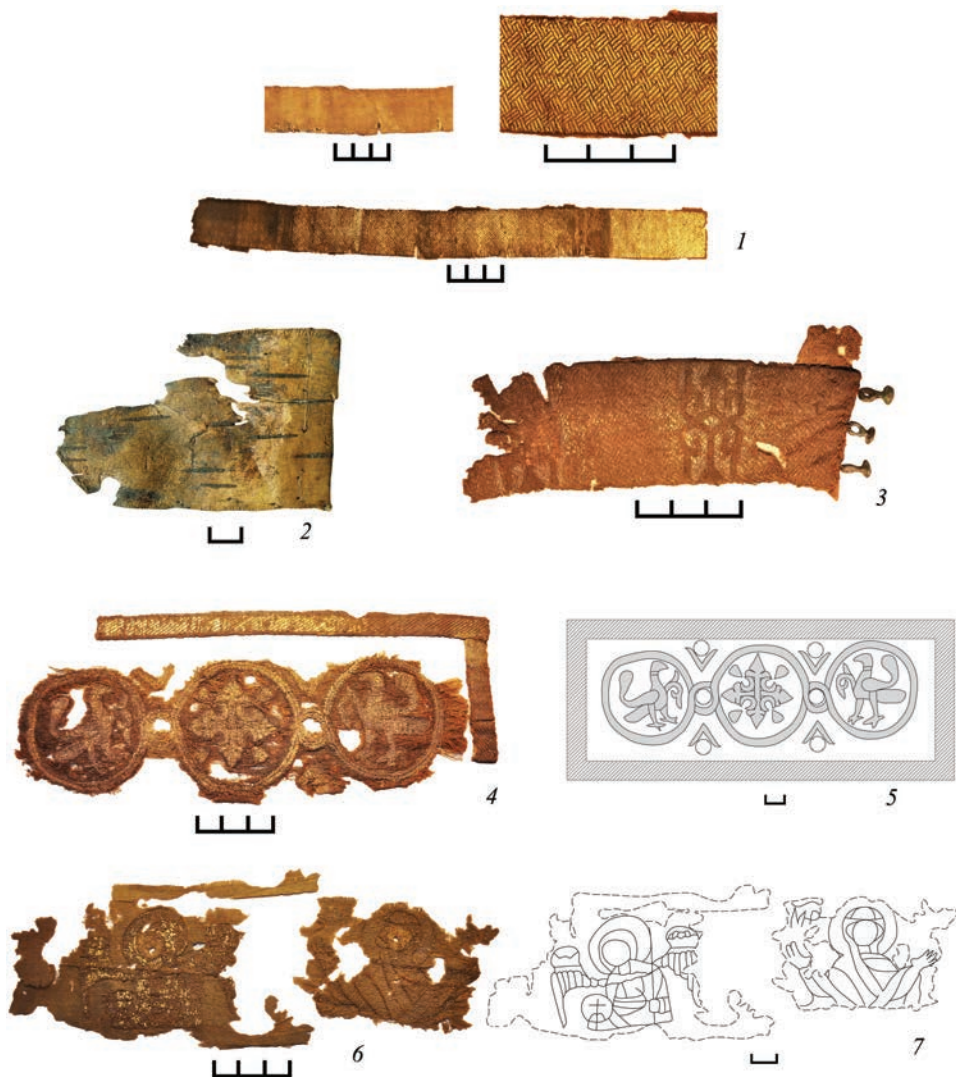


Рис. 3. Детали одежды из погребения 25 (раскоп 2). 1 – очелье; 2 – берестяной подклад; 3 – воротник; 4 – нагрудник; 5 – реконструкция нагрудника; 6 – нагрудник (?); 7 – прорисовка сюжета

ковую ткань шириной 2,3 см. Тесьма пришита сверху и с правого края изделия. Возможно, на этой стороне были пришиты петельки. На шелковой ткани полотняного переплетения вышиты медальоны. По контуру медальоны вышиты шелковой нитью, имитирующей «жемчужинки», внутренняя часть их заполнена золотой нитью. Золотой нитью заполнено пространство между медальонами, образующее треугольники. Вышивка выполнена «вприкреп». С изнаночной стороны

большого фрагмента сохранились две небольшие пластины бересты. Вероятно, изделие являлось воротником-стойкой. Аналоги – воротник из погребения близ д. Караш Ярославской обл. в виде кружков, расположенных в ряд, и воротник из курганного захоронения Мжарского могильника (*Катасонова*, 2005. С. 29. Рис. 5; *Сабурова*, 2012. С. 153. Рис. 2). Этот орнаментальный мотив, символизирующий солнце, был широко распространен в Древней Руси. Он вышит на воротниках, которые обнаружены в женских захоронениях близ д. Кузнецово, Тяково (Псковская обл.) и Коханы (Смоленская обл.), он встречается на вышитых тканях из тайника Десятинной церкви в Киеве и на Райковецком городище близ Бердичева.

Отдельно стоит остановиться на комплексе погребальной одежды из женского захоронения № 25 (раскоп 2; возраст смерти 30–35 лет), где обнаружены как золототканые изделия, так и вышивка золотной нитью (рис. 2).

На черепе обнаружен фрагмент тесьмы размерами $28 \times 2,4-2,7$ см (рис. 3: 1). Материал – шелковая и золотная нить. Лента соткана на сложном двухуточном станке с большим количеством ремизок. Золотная нить узора является одним из утков. Металлическая нить – позолоченное серебро, пряденное на шелке. Основа – саржевое переплетение. Орнамент – геометрический узор в виде «плетенки». Золотканый узор закрывает всю поверхность ленты. По обоим сторонам изделия местами сохранилась кромка саржевого переплетения шириной 2–3 мм, образованная тканью основы. Кромка через край обшита шелковой ниткой. По орнаменту и технике изготовления место происхождения – Византия. С правой стороны, в нижней части изделия в кромке прослеживаются небольшие отверстия, возможно, от иглы. Вероятно, тесьма является частью головного убора. За черепом прослежены остатки выделанной шкуры бобра. Очевидно, головной убор представлял собой шапку-«четырёхклинку» с меховой опушкой, подшитой золототканой тесьмой.

В захоронении в районе шеи расчищены три фрагмента одежды, располагающиеся стопкой. По нашему мнению, верхняя деталь – это нагрудник (рис. 3: 4). Прямоугольный кусок шелковой ткани полотняного переплетения с сюжетной вышивкой золотной нитью, обшитый золотной тесьмой с геометрическим рисунком в виде диагональных полос. Контуры сюжета намечены нитью и заполнены золотной ниткой. Медальоны вышиты тамбурным швом (шов «елочка»). Крест и птицы вышиты золотной нитью «вприкреп». Полагаем, что это именно нагрудник, так как найден в районе шеи, остальные детали из стопки не соответствуют его ширине, а вышивка имеет законченную композицию. На нагруднике вышиты три медальона, контуры которых объединены между собой. В боковых медальонах вышиты птицы, в центральном – процветший крест. Композиция была украшена серебряными полусферическими бляшками с четырьмя отверстиями для пришивания. Это фиксировалось в момент расчистки захоронения, к сожалению, сохранить бляшки не удалось. Такие бляшки были найдены в 2008 г. во Владимире в составе клада (*Очеретин, Родина*, 2011. С. 90). Представляем прорисовку и реконструкцию нагрудника (рис. 3: 5).

Подобный орнитоморфный орнамент – изображение птицы, вписанное в медальон и украшенное растительным орнаментом, – встречается в рельефной резьбе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Отметим, что на рельефном изображе-

нии птицы хорошо прочитывается растительный орнамент. Он «вырастает» из туловища птицы – впереди и из крыла – в виде крылатой пальметты. Аналогичным образом располагается орнамент и на изображении птицы на нашей ткани. Различие только в том, что птица на ткани изображена с большей долей условности, отсюда и более абстрагированный орнамент, лишенный проработки. На шее птицы, изображенной на ткани, читается «поясок». Аналогичный «поясок» присутствует и на шее птицы из рельефа Георгиевского собора. Наличие схожих элементов изображений позволяет говорить об их общих иконографических источниках. Птицы, расположенные около процветшего креста, символизируют райский сад, Воскресение.

Второе изделие – фрагмент воротничка с пятью медными грибовидными пуговицами в виде золототканой ленты шириной 3,8 см (рис. 3: 3). Техника ткачества такая же, как и у очелья. Фоновый орнамент образует «плетеный» узор, не протканый золотной нитью участки образуют орнамент в виде древа жизни. С изнаночной стороны тесьма сохранился фрагмент льняной ткани полотняного переплетения. Вероятно, тесьма была пришита к другому изделию.

Под тканями обнаружен прямоугольный фрагмент бересты с отверстиями от иголки, образующими шов (рис. 3: 2). Вероятно, береста служила жесткой основой воротника.

Еще один образец сюжетной золотой вышивки выполнен на плотной шелковой ткани полотняного переплетения (тафта). Возможно, это тоже нагрудник (рис. 3: 6, 7). Контур вышиты шелковой нитью стельчатый швом. Внутреннее пространство заполнено золотой нитью. Вышивка выполнена «вприкреп», что имитирует технику шитья «на проем». На ткани представлено поясное изображение Богородицы с поднятыми в молении руками (об этом говорит направление складок ее одеяния), справа от нее – архангел Михаил. Вверху справа прослеживается часть греческой надписи (Мать божья). Богоматерь Оранта с предстоящими архангелами Михаилом и Гавриилом – иконографический тип Богородицы, распространенный в Византии и в Древней Руси.

В Софии Киевской представлена Богородица-Оранта, очень похожая на образ на ткани из Владимира. Однако на ткани из захоронения омофор вышит зеркально, правый край омофора располагается поверх левого.

Справа от Богородицы изображен архангел. На ткани четко просматривается сфера-зерцало в правой руке архангела. Согласно традиционным изображениям, в правой руке он держал мерило, а в левой – сферу-зерцало. На владимирской ткани изображен архангел Михаил, который держит сферу-зерцало в правой руке. Однако в Софии Киевской архангел Михаил изображен со сферой в правой руке, по аналогии с шитьем. В этой связи можно говорить о влиянии иконографии Софии Киевской на иконографию архангела Михаила владимирской ткани. Стоит отметить, что архангел изображен на ткани с ликом, склоненным не к Богородице, а в противоположную сторону. Его расположение больше соответствует изображению архангела Гавриила в иконографии «Богородица Оранта с архангелами Михаилом и Гавриилом». Возможно, это ошибка мастера или некая замена архангела Михаила Гавриилом – замысел, воплощенный таким образом.

Наиболее близкие аналогии поясному изображению Богородицы типа Оранты с архангелами:

1. Богородица Оранта, Иоанн Креститель и архангелы Гавриил и Михаил, Крестовой свод центрального компартимента наоса, начало XI в. Греция, монастырь Осиос Лукас.

2. Богоматерь Оранта и архангелы Михаил и Гавриил, 1148 г. Собор в Чефалу, Италия, мозаика в апсиде.

Найденные в могильнике детали одежды говорят о возможном статусе похороненного человека. Также стоит отметить присутствие в деталях одежды выразительной христианской символики. Подобные находки могут выступать и датирующим материалом. Хронологический разброс аналогов находкам из женского захоронения № 25 (раскоп 2) достаточно широк – начало XI – 30-е гг. XIII в. Предлагаем датировку для этого захоронения – 90-е гг. XII в. – 30-е гг. XIII в. Наблюдается схожесть деталей одежды из погребения в Патриаршем саду с деталями одежды из женского захоронения у церкви Спаса. М. Е. Родина приводит дату этого захоронения – «последние приблизительно 40 лет XII в.» (Родина, 1996. С. 165). Изображение птицы, вписанное в медальон, на нагруднике из погребения и в белокаменной резьбе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском стилистически похоже (Георгиевский собор сооружен в 1230–1234 гг.). Надеемся, что подобный материал еще будет найден в грунтовых могильниках древнерусских городов. Возможно, на территории исторического Владимира будет исследован еще один некрополь древнерусского времени с подобным материалом, что позволит сравнить и реконструировать средневековую одежду.

Литература

- Катасонова Е. Ю., 2005. Золотное шитье домонгольской Руси X–XIII вв. // Убрус: Церковное шитье. История и современность. № 4. С. 24–45.
- Очеретин И. А., Родина М. Е., 2011. Клад украшений из раскопок 2008 г. во Владимире // АВСЗ. Вып. 3 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 85–95.
- Родина М. Е., 1996. О неизвестном погребении XII в. из раскопок Н. Н. Воронина возле церкви Спаса во Владимире // РА. № 3. С. 161–164.
- Родина М. Е., 2004. Международные связи Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округа): историко-археологические очерки. Владимир: Аркаим. 207 с.
- Сабурова М. А., 2012. Находки деталей одежды в Суздальской земле и их значение для изучения истории формирования русского национального костюма // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время: материалы междунар. научно-образовательного семинара (25–26 ноября 2011 г.) / Сост., ред. Ю. В. Степанова. М.; СПб.: Альянс-Архео.
- Фехнер М. В., 1982. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // СА. № 2. С. 57–70.

S. V. Ocheretina, D. A. Kabaev, I. E. Volodina

**DETAILS OF OLD RUSSIAN CLOTHES FROM THE BURIAL GROUND
ON THE TERRITORY OF THE PATRIARCH'S GARDEN OF VLADIMIR
(BASED ON MATERIALS OF THE EXCAVATIONS OF 2016–2017)**

Summary. The clothes details found as a result of security excavation of an Old Russian necropolis in the Patriarchal garden of the city of Vladimir in 2016–2017 are examined in the article. About 180 burials in the area more than 350 m² are investigated. The represented collection of details of Old Russian clothes contains 18 products from 15 burials and includes 3 ochelya (the front flap of the headdress), 13 collars and, perhaps, 2 bibs. It is worth noting the presence of expressive Christian symbols in the decor of clothing.

Keywords: Vladimir, security excavations, burial ground, medieval gold embroidery, silk fabrics.

В. Л. Щербаков

«ПЕЧАТЬ СВЯТОСЛАВА» ИЗ УНЖИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Резюме. В 2016 г. в результате археологических раскопок на территории средневекового города Унжи был найден фрагмент вислой актовой печати. На одной стороне предмета сохранилась часть надписи «печать Святослава», другая сторона несет на себе фрагмент изображения воина со щитом. Аналогичные артефакты известны исследователям, но их археологический контекст фрагментарен или утрачен. Печать из Унжи происходит из контекста, который датируется в широких пределах – XII–XIV вв. Анализ сопутствующих археологических материалов дает основания сузить вероятную датировку печати до XIII–XIV вв. Статья посвящена характеристике археологического контекста находки.

Ключевые слова: город Унжа, Средневековье, вислая актовая печать, археологический контекст.

В 2016 г. археологическая экспедиция Костромского музея-заповедника продолжила раскопки на посаде летописного города Унжи вблизи одноименного села в Макарьевском районе Костромской области (рис. 1). В небольшом раскопе (40 м²) была собрана представительная коллекция артефактов, включающая изделия из глины, стекла, металлов. Наиболее значимой находкой стал фрагмент вислой актовой печати, на одной стороне которого сохранилась часть изображения воина со щитом, а на обороте – часть надписи (строка 1 – «ТО», строка 2 – «ЛА», строка 3 – «ТЬ») (рис. 2: *1а, б*). Аналогичная печать найдена в Новгороде на берегу р. Волхов (*Янин, Гайдуков, 1998. С. 159, № 349а*) (рис. 2: 2). В полном варианте надпись читается: «Святославля печать».

К сожалению, в Новгороде археологический контекст печати в значительной мере утрачен. В этой связи унженская находка представляет особый интерес. Печать обнаружена в кв. 8 раскопа 2 в процессе снятия пласта 1. Для датировки культурных отложений, пройденных первым пластом, обратимся к массовому материалу и индивидуальным находкам (рис. 3).

Всего при разборе пласта 1 собран 1891 фрагмент глиняной посуды. Почти вся найденная посуда изготовлена на гончарном круге (найден лепной венчик).



Рис. 1. Место проведения работ 2016 г.

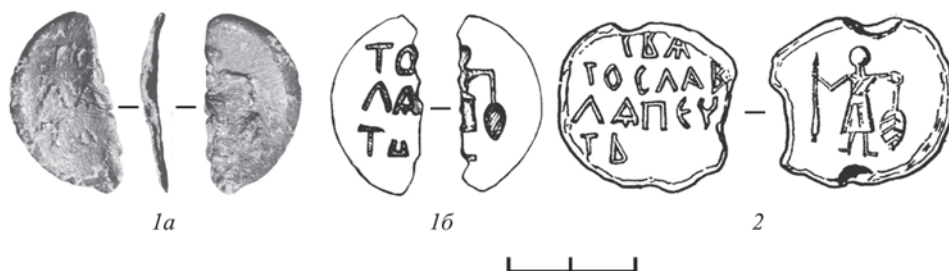


Рис. 2. Моливодовул из Унжи (1а, б) и печать из Новгорода (2, по: Янин, Гайдуков, 1998. С. 159. № 349а). Материал: свинец

65 % фрагментов (1226 ед.) сильно измельчены и учтены только количественно. В большинстве случаев у определимых фрагментов в тесте зафиксирована примесь дресвы. Профилированные части сосудов – венчики – представлены 97 экз. Рассмотрение их по группам в соответствии с сокращенной схемой статистической обработки керамики В. Ю. Ковалья (Коваль, 2014. С. 489–571) позволяет отметить преобладание форм, бытование которых целиком или частично соотносится с периодом XIII–XIV вв. Доля профилированных частей круговых сосудов домонгольского времени составляет более $\frac{1}{4}$ от общего количества венчиков первого пласта. Доля лепной и раннегончарной керамики X–XI вв. – около 2 %.

Орнаментировано только 50 фр. керамики (7,5 % определимых фрагментов посуды пласта 1). Преобладает линейный орнамент (39 фр.). Волнистый, линейно-волнистый, а также орнамент, нанесенный зубчатым колесиком, и разного вида вдавления и насечки представлены на единичных фрагментах керамики.

Из первого пласта происходят индивидуальные датирующие находки из стекла, глины и металла. Свинцовая пломба (рис. 3: 1) с оттиском в виде четырехконечного креста на одной стороне и рельефным кружком и точкой на другой датируется XIV–XV вв. (?) (Коваль, 2013. С. 22). Два фрагмента стеклянных браслетов (гладкий, из полупрозрачного светло-зеленого стекла; гладкий, из синего непрозрачного стекла) относятся к XII–XIV вв. (Полубояринова, 1963. С. 164–199; Щапова, 1969. С. 102–107), также датируется фрагмент щиткового стеклянного перстня из непрозрачного голубого стекла (Колчин, 1982. С. 172. Рис. 7). Деталь конской упряжи в виде шестилепестковой розетки с отверстием в центре (рис. 3: 5) находит аналогии в материалах XIV – первой половины XV в. (Блохина, 2010. С. 186. Рис. 7) либо второй половины XIV – начала XV в. (Латишин, 2009. С. 92, 327. Рис. 77), однако описываемая накладка отличается более затейливым декором. Найденный в первом пласте фрагмент щиткового перстня (рис. 3: 3) с орнаментом в виде линий при переходе от щитка к обручу широко датируется в пределах конца XII – середины XV в. (Седова, 1981. С. 135). Фрагмент днища керамического сосуда с клеймом в виде окружности относится к первой половине XI – середине XIII в. (Кадиева, 2007. С. 175). Медная конусовидная клепка (рис. 3: 6) для скрепления пластин аналогична предметам X – первой половины XIII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 74). Навитая бочонковидная бусина из темно-зеленого непро-

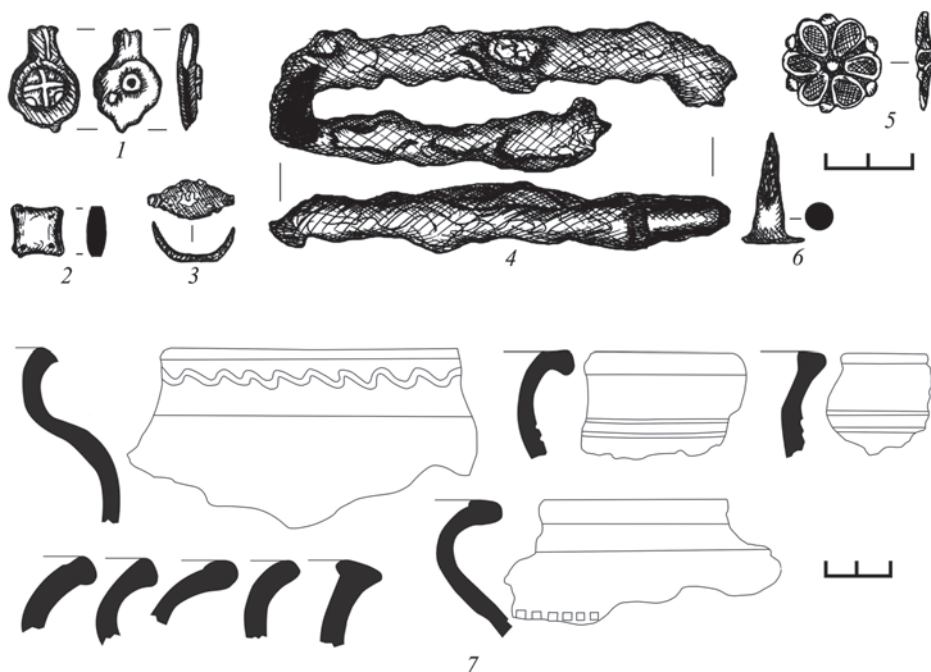


Рис. 3. Находки из первого пласта раскопа 2016 г. 1 – товарная пломба; 2 – грузик-разновес (?); 3 – перстень, фрагмент; 4 – кресало; 5 – накладка; 6 – клепка; 7 – образцы керамики. Материал: 1, 2 – свинец; 3 – белый металл; 4 – железо; 5 – серебро (?); 6 – медный сплав; 7 – глина

зрачного стекла датируется XI – началом XIII в. (Фехнер, 1959. С. 169–171. Рис. 6). Прямоугольное кресало (рис. 3: 4) бытовало не ранее XIII в. (Колчин, 1959. С. 103. Рис. 85). Помимо перечисленных артефактов, найдены фрагменты привозных (иранских) керамических сосудов: из бирюзового полуфаянса с черной подглазурной росписью XIII–XIV вв. (Коваль, 2010. С. 90–91) и из полуфаянса с бирюзовой черно-синей росписью XIII–XIV вв.

Характер выявленного массового и индивидуального материала, стратиграфические наблюдения и соотнесение с нижележащими напластованиями культурного слоя позволяют предполагать, что первым пластом пройдены частично поврежденные распашкой напластования XIII (второй половины?) – XIV в., из которых происходит изучаемая печать.

Полностью исключить переотложенный характер находки мы не можем, так как культурный слой посада Унжи представляет собой открытый комплекс достаточно длительного накопления. Если рассматривать печать как переотложенную, то уместно обратиться к материалам нижележащих горизонтов культурного слоя.

После снятия первого пласта на небольшой части площади раскопа зафиксирован материк. Большая часть раскопа была занята пятном черно-серого суглинка,

которое по мере снятия расчленилось на три объекта¹. Пятно черно-серого суглин-ка представляет собой остатки крупной постройки, вероятно состоявшей из нескольких помещений.

Вещевой комплекс постройки достаточно представителен (рис. 4). Собрано 1333 фрагмента керамики. Почти вся найденная посуда изготовлена на гончарном круге. 34,7 % фрагментов (462 ед.) сильно измельчены и учтены только количественно. Среди определяемых фрагментов преобладает посуда с примесью дресвы разной зернистости в тесте.

Профилированные части сосудов представлены 165 фр. В количественном отношении преобладают венчики сосудов, бытование которых частично или полностью укладывается в рамки XIII–XIV вв. Доля профилированных частей сосудов, относящихся только к домонгольскому времени, меньше, чем в выборке пласта 1, но и здесь составляет около ¼ от общего количества венчиков.

Орнаментировано только 78 фр. керамики (около 9 % определяемых фрагментов посуды из постройки). Преобладает линейный орнамент. Также зафиксированы другие виды декора: волнистый, линейно-волнистый, вдавления, насечки, орнамент, нанесенный зубчатым колесиком, сочетание волны и отпечатков гребенчатого штампа.

Из постройки происходят индивидуальные датирующие находки из стекла, глины и металла. Граненая сердоликовая бусина относится к X–XIII вв. (Фехнер, 1959. С. 152) (рис. 4: 2). Временем не ранее первой половины XIII в. предварительно датирован фрагмент железного ключа². К XII – началу XIII в. относятся два фрагмента привозных (Волжская Болгария) лощеных керамических сосудов³. Импортная керамика представлена также фрагментом сосуда из полуфаянса с бихромной черно-синей росписью XIII–XIV вв.⁴ (рис. 4: 4). Пряслице из розового пиррофиллитового сланца датируется XI – концом XIII в. (Рыбина, 1978. С. 26) (рис. 4: 1). Также в постройке найдены две изготовленные из цветного металла шаровидные пуговицы XI–XIII вв. (Пуговицы..., 2015. С. 5). Стекланные изделия представлены тремя фрагментами браслетов (гладкий, из непрозрачного желтого стекла; гладкий, из непрозрачного зеленого стекла; крупного кручения, из синего полупрозрачного стекла) XII–XIV вв. (Полубояринова, 1963. С. 164–199; Щапова, 1969. С. 102–107). Найденный в постройке фрагмент грузика из свинца (рис. 4: 3) аналогичен изделиям X–XV вв., происходящим из раскопок Новгорода Великого, предметам из домонгольских слоев Суздаля и из коллекции осовецкого археологического комплекса конца XII – первой половины XIII в. (Седова, 1981. С. 156; Седова, Беленькая, 1981. С. 112; Шполянский, 2015. С. 169). Широко датируется в пределах XII–XV вв.

¹ В полевом отчете фигурируют как объекты № 1–3 (Щербаков, 2017).

² Конфигурация ключа указывает на его соответствие ключам от замков типов Г, Д, Е, более детально атрибутировать находку не представляется возможным ввиду того, что конец ключа обломан (Колчин, 1959. С. 80–82, 87. Рис. 70).

³ По ряду признаков фрагменты можно отнести к I группе керамики XII – начала XIII в. по Т. А. Хлебниковой (Хлебникова, 1984. С. 175).

⁴ Ввиду малого размера фрагмента его атрибуция не может считаться однозначной – фрагмент можно отнести как к типу 2, так и к типу 8, для которых характерна черно-синие-бирюзовая и черно-синяя росписи соответственно (Коваль, 2010. С. 72–74, 82).

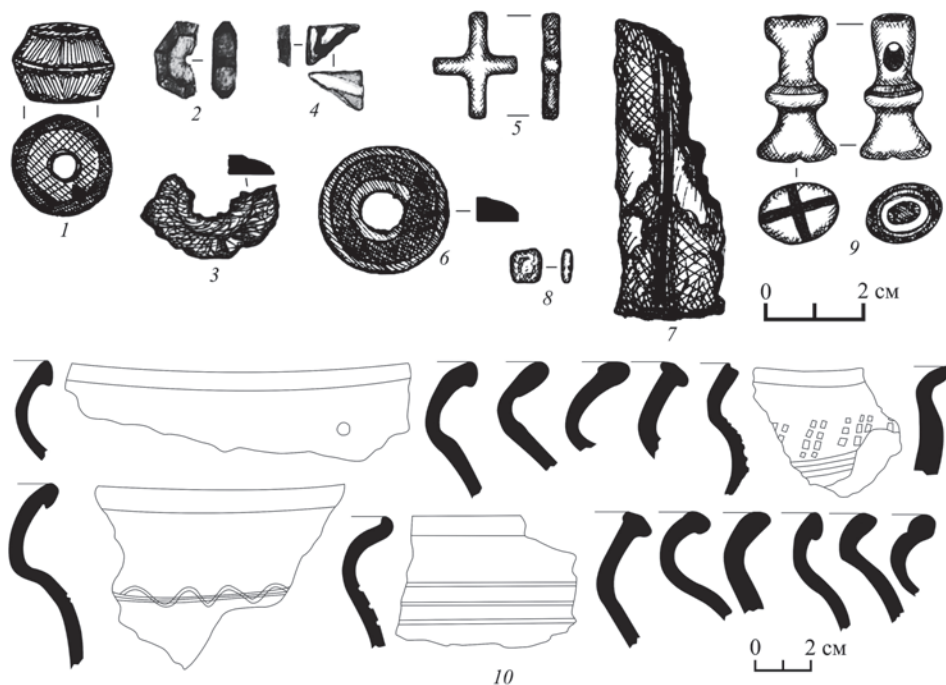


Рис. 4. Находки из постройки, зафиксированной в раскопе 2016 г. 1 – пряслице; 2 – бусина; 3 – грузик; 4 – импортная керамика, фрагмент; 5 – крест; 6 – пуговица; 7 – корпус замка; 8 – грузик-разновес (?); 9 – прикладная печать; 10 – образцы керамики. Материал: 1 – пирофиллитовый сланец; 2 – сердолик; 3, 8 – свинец; 4 – глина, глазурь; 5 – сланец; 6, 9 – кость; 7 – железо; 10 – глина

фрагмент корпуса цилиндрического железного замка (рис. 4: 7), соответствующий новгородским замкам типа Б, В, Г или Д по Б. А. Колчину (*Колчин*, 1959. С. 78–84). К XI–XIII вв. относится круглая костяная пуговица (Пуговицы..., 2015. С. 73–78) (рис. 4: 6). Крест-тельник из темно-серого сланца с отверстием для нити в верхней части (рис. 4: 5) относится, вероятно, к периоду конца XIII – XV в. (*Кабеев, Гальчук*, 2007. С. 72, 73. Рис. 6). К числу наиболее ранних находок из постройки относятся бусина (из глухого красно-коричневого стекла, с глазками) X–XI вв.⁵ и собранный при промывке массового материала крупный фрагмент лепного сосуда, который предварительно можно датировать в пределах X–XI вв.

Анализ планиграфических и стратиграфических данных, характера заполнения постройки, особенностей массового материала и индивидуальных находок позволяет предварительно датировать ее в пределах XIII в.

Постройкой частично разрушен наиболее ранний в раскопе объект № 4, характер дна которого, направление к замытому сезонному водотoku, измельченность

⁵ Например, в могильнике Минино II глазчатые бусы встречены почти исключительно в комплексах X–XI вв. (*Археология севернорусской деревни...*, 2008. С. 196. Табл. 86).

массового материала, на наш взгляд, свидетельствуют об отсутствии связи объекта с какой-либо постройкой. Возможно, объект представляет собой промоину, заполненную смывом с вышележащей площадки культурным слоем. В заполнении объекта собрано менее 50 некрупных фрагментов керамики, широко датировемых XII–XIV вв., и несколько индивидуальных находок, в том числе два фрагмента стеклянных браслетов (гладкий, из непрозрачного фиолетового стекла; мелкого кручения, из голубого полупрозрачного стекла) XII–XIV вв. (*Полубояринова*, 1963. С. 164–199; *Щанова*, 1969. С. 102–107); фрагмент днища глиняного сосуда с частично сохранившимся клеймом в виде трезубца в окружности, конца XI – конца XIII в. (*Кадиева*, 2007. С. 185); небольшой фрагмент костяного гребня, относящийся ко времени не позднее конца XIII в. (*Колчин*, 1982. С. 165, 166. Рис. 5).

На основании анализа планиграфических и стратиграфических данных, характера заполнения, особенностей массового материала и индивидуальных находок объект № 4 предварительно датирован в пределах XII–XIII вв.

Фрагменты лепной и раннегончарной посуды на исследованном в 2017 г. участке немногочисленны, вещи, дата которых не выходила бы за пределы XI–XII вв., отсутствуют, за исключением глазчатой бусины. Стратифицированные отложения XI–XII вв. не выявлены. Представляется справедливым вывод о начале освоения данного участка не ранее второй половины – конца XI в.

Социально-экономический облик изученного участка в XII–XIV вв. характеризуют находки фрагментов импортной посуды (амфоры, поливных сосудов), свинцовой торговой пломбы (рис. 3: 1), весовых гирек (рис. 3: 2; 4: 8), прикладной костяной печати с изображением четырехконечного креста (рис. 4: 9), предметов вооружения и конского снаряжения (накладка на упряжь (рис. 3: 5), фрагмент ножен кинжала, кольчужные кольца), производственного инструментария и сырья (фрагментированные зубило и молоток, разрубленный с двух сторон слиток свинцово-оловянистого сплава) на фоне немногочисленности бытового и хозяйственного инвентаря, украшений. В описанный выше предметный ряд, на наш взгляд, уместно поставить фрагментированную висюлую актовую печать. Археологический контекст находки исключает ее датировку X и, по крайней мере, первой половиной XI в. В целом более чем скромный облик ранней группы материалов раскопа 2016 г. позволяет усомниться и в датировке печати второй половиной – концом XI в. Полагаем, что «печать Святослава» в хронологическом плане соотносится с основной группой материалов раскопа и датируется XII–XIV вв., вероятнее, XIII–XIV вв.

Предпринятые автором попытки персональной идентификации печати не привели к удовлетворительному результату⁶.

Литература

Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология / Ред. С. Д. Захаров. М.: Наука, 2008. 365 с.

⁶ Автор выражает искреннюю признательность члену-корреспонденту РАН П. Г. Гайдукову за пояснения относительно рассматриваемой печати.

- Блохина О. А.*, 2010. Исследования на селище Старбеево близ города Химки // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 180–195.
- Кабает Д. А., Гальчук Л. Л.*, 2007. Охранные исследования во Владимире на территории «Нового города» в 2005 г. (раскопки на ул. Гагарина, 2) // АВСЗ. Вып. 1 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский М.: ИА РАН. С. 68–74.
- Кадиева Е. К.*, 2007. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 172–188.
- Коваль М. Ю.*, 2010. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М.: Наука. 270 с., 38 л. цв. ил.
- Коваль В. Ю.*, 2013. Торговый инвентарь из раскопок базара XIV в. в Болгаре // Поволжская археология. № 4 (6). С. 9–33.
- Коваль В. Ю.*, 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи средневековья (X–XVII века) и раннего железного века Восточной Европы (методические рекомендации) // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 489–571.
- Колчин Б. А.*, 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской Археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР. С. 7–120.
- Колчин Б. А.*, 1982. Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Под общ. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука. С. 156–177.
- Лапишин В. А.*, 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 588 с.
- Полубояринова М. Д.*, 1963. Стекланные браслеты древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 3: Новые методы в археологии / Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР. С. 164–199. (МИА; № 117.)
- Пуговицы XI–XVIII веков из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Сост. Н. А. Кокорина и др. Владимир, 2015. 88 с.
- Рыбина Е. А.*, 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.: Изд-во МГУ. 168 с.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Седова М. В., Беленькая Д. А.*, 1981. Окольный город Суздаля // Древнерусские города / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. С. 95–115.
- Фехнер М. В.*, 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Советская Россия. С. 149–224. (Труды ГИМ; вып. 33.)
- Хлебникова Т. А.*, 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. М.: Наука. 240 с.
- Шполянский С. В.*, 2015. Древнерусский Осовец на Клязьме: археологический комментарий к истории крепости // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 164–177.
- Щапова Ю. Л.*, 1969. Стекланные браслеты и датирование городского культурного слоя // СА. № 4. С. 102–107.
- Щербаков В. Л.*, 2017. Отчет об археологических раскопках селища Унжа I XI, XIV–XVII вв. в Макарьевском районе Костромской области в 2016 г. // Архив КГИАХМЗ. 182 с.
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г.*, 1998. Актовые печати Древней Руси X–XII вв. Т. III. М.: Интрада. 500 с.

V. L. Scherbakov

«SVYATOSLAV'S SEAL» FROM UNZHA: ARCHAEOLOGICAL CONTEXT

Summary. In 2016 as a result of archaeological excavations on the territory of the medieval city of Unji the fragment of the seal was found. On one side of the subject there is a part of the inscription “Svyatoslav’s seal”, the other side contains the fragment of the warrior’s image with a shield. Similar artifacts are known to researchers, but their archaeological context is fragmented or lost. The seal of Unzhi comes from a context that dates back to the broad XII–XIV centuries. Analysis of the accompanying archaeological materials helps to reduce the time interval of the seal to XIII–XIV centuries. The article is devoted to the characteristic of the archaeological context of that artifact.

Keywords: city of Unzha, Middle Ages, act hanging seal, the archaeological context.

О. А. Несмиян, В. Г. Несмиян

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ ИЗ ВЕЩЕВОЙ КОЛЛЕКЦИИ КЛОЧКОВСКОГО СЕЛИЩА

Резюме. В статье публикуются изделия из кости и рога, найденные за десять лет раскопок селища Клочково II, расположенного в центральной части междуречья Волги и Клязьмы.

Ключевые слова: селище Клочково II, материальная культура, косторезное производство.

Селище Клочково II находится в 17 км от города Шуи (Ивановская область), в 0,4 км к юго-западу от деревни, на правой террасе левого берега реки Теза (левый приток Клязьмы), высота всхолмления до 12 м над уровнем воды. Площадка селища достаточно ровная, имеет уклон к югу и юго-востоку. Исследования памятника начаты в 2005 г. Шуйской археологической экспедицией под руководством О. А. Несмиян.

За десять полевых сезонов исследовано 2000 м² площади селища, собрана вещевая коллекция, насчитывающая 1731 предмет. Изделия из кости и рога составляют лишь 2,8 % от общего числа находок Клочковского селища. В коллекции Клочковского селища изделия из кости и рога представлены 6 предметными категориями. В основе разделения на группы использовалась схема С. Д. Захарова для классификации изделий из кости и рога Белоозера (Захаров, 2004. С. 217–225).

Предметы личной гигиены

Эта группа находок включает наиболее выразительные вещи Клочковской коллекции. К ней относятся две категории предметов: двусторонние гребни и копоушки. По типологии Б. А. Колчина, оба гребня относятся к типу Д. Гребни имеют близкую трапециевидную и подпрямоугольную форму и линзовидное сечение. Один экземпляр украшен пропиленным линейным поясковым декором, у другого срединное поле заполнено косыми линиями. Орнаментация из горизонтальных линий была распространена на новгородских гребнях с начала XI в. до конца XII в. Гребни типа Д появляются в Новгороде в конце X в. и выходят из употребления в самом конце XII в. (Колчин, 1982. С. 164). Копоушки (2 экземпляра)



Рис. 1. Изделия из кости из коллекции Клочковского селища II. 1, 5 – двусторонние гребни; 2, 3 – копоушки; 6, 7, 8 – наконечники стрел; 4–11 – проколки

происходят из комплексов ям и относятся к типам пластинчатых орнаментированных копоушек. Аналогии встречаются в материалах Ярославского Поволжья и Суздальского Ополя. Единичные экземпляры происходят из курганных древностей Костромского Поволжья (Рябинин, 1986. С. 86).

Наконечники стрел

В коллекции предметов из кости два черешковых наконечника стрел, листовидных без упора, линзовидных в сечении. Длина наконечников 11 см, максималь-

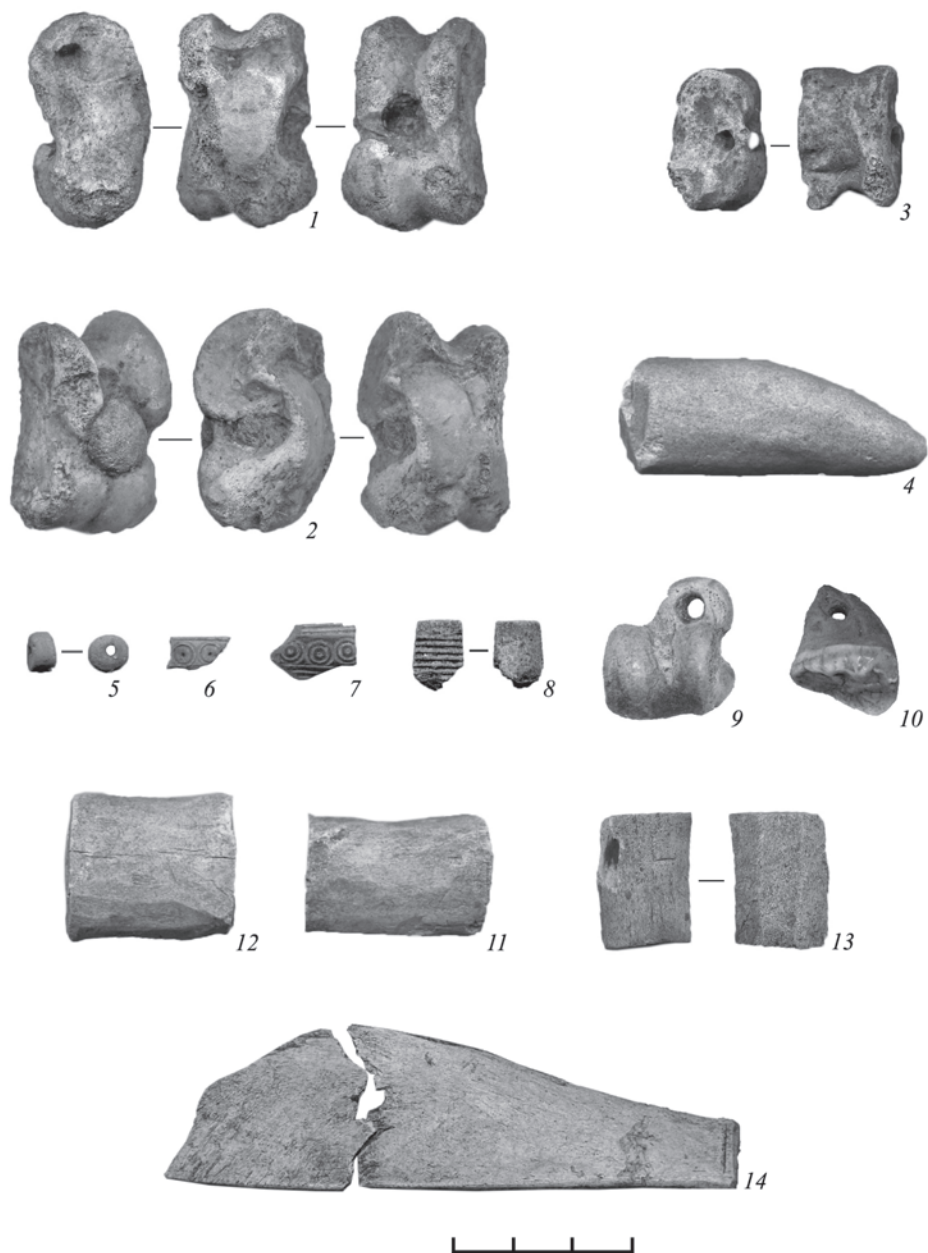


Рис. 2. Изделия из кости из коллекции Клочковского селища II. 1-3 – игральные бабки; 5 – бусина; 6, 7, 8 – фрагменты орнаментированных пластин; 9, 10 – подвески; 11-13 – отходы косторезного производства; 14 – трудноопределимое изделие



Рис. 3. Изделия из кости из коллекции Клочковского селища II. 1-6 – медвежьи клыки; 7, 8 – рога лося и косули

ная ширина 1,9–2,5 см. Наконечники представляют характерные типы стрел для Европейского Севера на протяжении длительного времени, с конца I в. до н.э. по XIV в. н.э. Сходные изделия весьма многочисленны на средневековых поселениях Прикамья, в незначительном количестве встречаются и на древнерусских памятниках (Голубева, 1973. Рис. 46: 3; Рыкунова и др., 2004. С. 20, 35).

При выборке культурного слоя была найдена костяная сулица длиной 9 см, по классификации А. Н. Кирпичникова, тип VI с пером вытянуто-треугольной формы и черешком вместо втулки, датирующаяся X–XI вв. (Кирпичников, 1973. С. 221).

Томар из кости рога с тупым бойком и сквозным насадом в коллекции представлен единственным экземпляром. Это фрагмент наконечника высотой 1,7 см, со слегка вогнутыми стенками можно отнести к небольшим наконечникам, использовавшимся для охоты на некрупного пушного зверя, белку или куницу. В могильнике Нефедьево тупые наконечники составляли обязательную принадлежность инвентаря части мужских захоронений XI–XII вв. (Макаров, 1997. С. 121).

Группа **амулетов** включает 7 находок, изготовленных из костей и клыков животных. Эта группа находок обычно рассматривается как составная часть языческой культуры, связанная с промысловыми культами и скотоводческой магией. Клыки медведя (в коллекции 6 экземпляров) у многих финно-угорских народов выполняли функцию оберегов. Охотники носили просверленные медвежьи клыки, подвешенные к поясу, а иногда клали их в мешочек, привязанный к поясу. В коллекции подвеска из зуба травоядного животного, имеющая отверстие в верхней части корня, диаметром 0,3 см и подвеска из таранной кости бобра. Хронологические рамки данных подвесок на селище Минино-1 относятся к культурным напластованиям конца X – первой половины XII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 245).

Подвески из таранной кости мелкого рогатого скота (2 экземпляра). Один экземпляр имеет сквозное отверстие посередине, у второго экземпляра отверстие залито цветным металлом, что позволяет считать данные изделия не амулетами, а игральными бабками (Захаров, 2004. С. 223).

В группу **домашнего и хозяйственного инвентаря** включены две проколки, имеющие линзовидную форму сечения рабочей части, плавно заостряющаяся к концу, один предмет представлен в виде верхней части с отверстием диаметром 0,4 см. Подобные изделия изготавливались из костей лося. По материалам Новгорода, подобные находки можно отнести к так называемым классическим проколкам датирующимся X–XI вв. (Смирнова, 2000. С. 239). В группу домашнего инвентаря была отнесена костяная бусина диаметром 7 мм.

В группу **неопределенных изделий** включены фрагменты двух орнаментированных пластин, толщиной 0,1 см, орнамент циркульный и линейный, а также фрагменты трудноопределимых изделий из кости (2 фрагмента). **Отходы косторезного производства** составляют наиболее многочисленную группу находок из кости и плотного рога. Среди них роговые спилы (6 фрагментов), остатки сырья и отходы его обработки (15 фрагментов). В коллекции рога лося-однолетки и косули. Введение в научный оборот археозоологической коллекции селища Ключково II позволяет рассматривать поселение как «природно-ресурсное», где в занятиях жителей существенную роль играет пушная охота. При этом состав пушных видов,

служивших объектом промысла на поселениях левобережья Клязьмы, полностью повторяет состав промысловой добычи на поселениях бассейна Шексны и Кубенского озера (Захаров, 2012. С. 231–233). Здесь численно преобладают кости бобра, медведя и белки (Яворская и др., 2016. С. 220).

Таким образом, рассмотренная коллекция изделий из кости и рога, несмотря на свою немногочисленность, представляется интересной и содержательной. Участие в пушной торговле обеспечивало поселянам относительно высокий уровень благосостояния.

Литература

- Археология севернорусской деревни X–XIII вв., 2008. М.: Наука. 365 с.
- Голубева Л. А., 1973. Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.: Наука. 212 с.
- Захаров Д. С., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 392 с.
- Захаров С. Д., 2012. Белоозеро // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 212–240.
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Под общ. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука. С. 156–177.
- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. Л.: Наука. 140 с. (САИ; вып. Е1-36.)
- Макаров Н. А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий. 368 с.
- Рябинин Е. А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука. 160 с.
- Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н., Иванов Л. М., 2004. Тысячелетия вокруг устья Шексны. Рыбинск: Рыбинский дом печати. 270 с.
- Смирнова Л. И., 2000. Проколки (хронология и функциональное назначение) // АВ. СПб. № 7. С. 236–246.
- Яворская Л. В., Макаров Н. А., Шполянский С. В., 2016. Археозоологические материалы Суздальских селищ в контексте изучения хозяйства Северо-Восточной Руси: первое обобщение // КСИА. Вып. 245. Ч. II. С. 206–226.

О. А. Nesmiyan, V. G. Nesmiyan

BONE PRODUCTS FROM THE CLOTHING COLLECTION OF THE KLOCHKOVSKIY SETTLEMENT

Summary. Bone and horn objects, found in ten years of excavations of the settlement Klochkovo II, located in the central part of the interfluvium of Volga and Klyazma are published in the article.

Keywords: settlement Klochkovo II, material culture, bone carving production.

О. А. Несмиян, В. Г. Несмиян

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КЛОЧКОВСКОГО СЕЛИЩА II В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Резюме. В статье рассматривается керамика из раскопок селища конца X – первой половины XII в. Клочково II, расположенного в центре Волго-Клязьминского междуречья. В результате анализа состава керамического комплекса памятника делается вывод о значительной роли финно-угорского субстрата в формировании древнерусского населения региона.

Ключевые слова: селище Клочково, лепная керамика, раннекруговая керамика, финно-угры, древнерусское население.

Селище Клочково II находится за пределами Ополя, в 90 км к северо-востоку от Суздаля, на левом притоке Клязьмы – реке Теза. Эта территория отличается по своим ландшафтным характеристикам от Ополя, была более залесенной и менее населенной, чем опольские земли, тем не менее принадлежность ее к историческому центру Суздальской земли очевидна (рис. 1). Памятник Клочковское селище II открыт в 1984 г. в ходе разведочных работ П. Н. Травкиным (АКР, 1993. С. 176). Исследования памятника проводились Шуйской археологической экспедицией с 2005 по 2015 г.

Клочковское селище II относится к однослойным памятникам, с серией монетных находок и высокой концентрацией в культурном слое металлических украшений и стеклянных бус. За десять полевых сезонов исследовано более 2000 м² площади селища, собрана вещевая коллекция, насчитывающая 1731 предмет. В целом вещевая коллекция датируется в пределах конца X – первой половины XII в.

В керамической коллекции Клочковского селища свыше 43 тыс. фрагментов, в числе которых фрагменты лепных сосудов составляют 80,6 %, фрагменты круговых сосудов – 18,5 %, примитивно-круговых – 1 % (данная группа керамики по технологии изготовления занимает промежуточное положение между лепной и круговой посудой, она трудновыделима из общей массы керамики, так как имеет признаки и лепной и круговой технологий, поэтому отдельные фрагменты таких сосудов могли быть посчитаны в числе любой из этих технологических групп). Керамический материал памятника был очень сильно фрагментирован и переме-

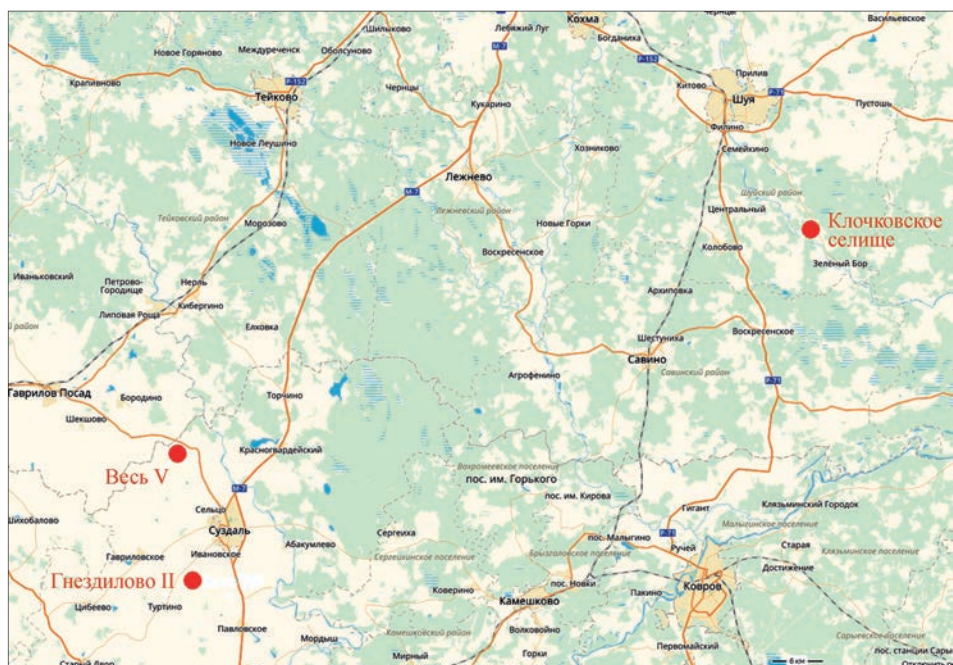


Рис. 1. Расположение селища Ключково II и памятников Суздальского Ополя

шан многолетней распашкой. Все информативные материалы происходят в основном из заполнения материковых ям, хотя они составляют лишь 20 % общего числа фрагментов (рис. 2).

В коллекции 7 полных профилей, дающих возможность воссоздать полный облик сосуда, верхняя часть 6310 венчиков лепной посуды и 2122 венчика гончарной посуды.

Лепная керамика

Лепная посуда на селище изготавливалась из глин с добавлением в формовочную массу дресвы, средней (зерна от 0,5 до 1 мм) и крупной (зерна больше 1 мм). Отмечено также присутствие в тесте органических примесей в виде шелухи зерен злаков. По характеру разломов сосудов зафиксирован способ формирования сосудов из горизонтальных полос глины путем ленточного или спирального налета. На днищах отмечены следы подсыпки золы, крупного песка и дресвы. По характеру обработки поверхности различается хорошо заглаженная керамика с промешанным тестом и «лепная грубая» с неровной поверхностью с сильно выступающими зернами отошителя, следами небрежного заглаживания (рис. 3). Следы заглаживания разнонаправленные: горизонтальные в верхней части сосуда и вертикальные в нижней. Керамика не орнаментирована. Цвет фрагментов варьируется от красно-коричневого до темно-серого. Обжиг неравномерный, на изломе трехслойный. Лепная керамика в комплексах X–XI вв. составляет от 86 до 100 %, XI в. – от 63 до 97 %, в комплексах XI–XII вв. – от 56 до 91 % (рис. 2).

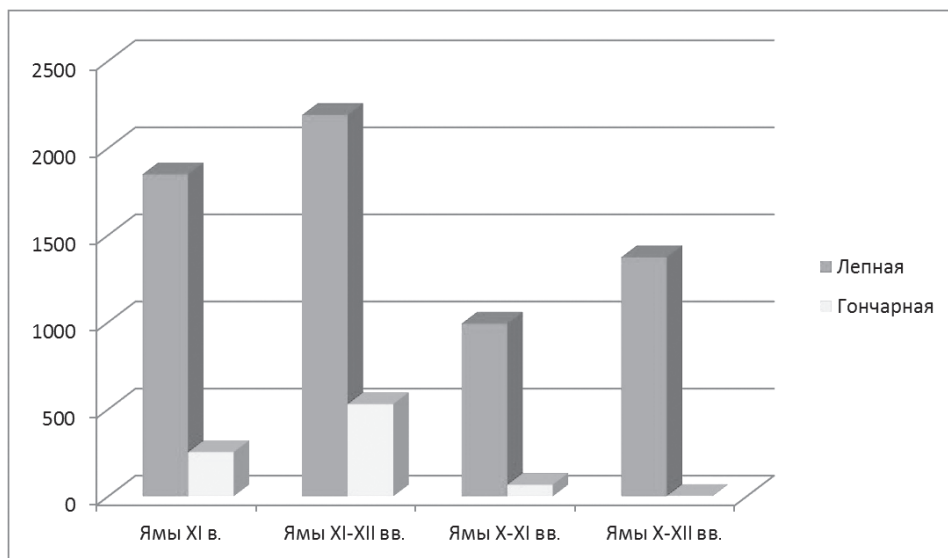


Рис. 2. Соотношение лепной и гончарной керамики по ямным комплексам

В коллекции 6 лепных полных сосудов по диаметру наибольшего расширения, проходящего по плечу, которые можно разделить на 3 основные группы:

- 1) крупные, с диаметром 33–36;
- 2) средних размеров, диаметром 13–29;
- 3) миниатюрные – 8–10 см (рис. 3).

Различие в размерах горшков связано, скорее всего, с их функциональным назначением. Крупные сосуды использовались для хранения сыпучих продуктов, в то время как горшки средних размеров – для приготовления пищи, часть из них, возможно, служила столовой посудой. Как правило, грубые лепные фрагменты принадлежат крупным сосудам, а гладкие – средним и миниатюрным. Сосуды, растрескавшиеся при использовании, чинились на 2 сосудах, и в ряде отдельных фрагментов зафиксированы следы ремонта в виде парных сквозных отверстий.

Типы профилировки верхних частей сосуда по основным характеристикам близки к ростовской классификации (типы 1–5) (Леонтьев, 1996. С. 55). Критериями для выделения типа в данной схеме служат особенности профилировки верхних частей сосудов. Для типологического анализа взяты 356 фрагментов верхних частей сосудов из датированных комплексов ям. Фрагментарность материала затрудняет создание подробной типологии, позволяя охарактеризовать лишь основные типы сосудов, выявленные на исследованном памятнике. В комплексах XI в. самым распространенным типом являются сосуды типа 1 с невысоким, чуть отогнутым, реже прямым венчиком (40,5 %) и более приземистые сосуды типа 2 с расширением тулова в средней части (20,7 %) (табл. 1). Сосуды типа 3 с прямым и относительно высоким венчиком составляют в комплексах XI в. 18,8 %. Сосуды типа 4 и 5 представлены незначительными сериями (8 и 11 %). Примерно такая же

картина наблюдается и в комплексах XI–XII вв. Орнамент отсутствует. Только в одном комплексе выявлен фрагмент сосуда с ребром на плечике «ладожского типа», характерного для памятников центральной части Новгородской земли, единичные фрагменты подобной керамики встречены на селище Гнездилово 2 (Лапишин, 1989. С. 121). В коллекции два фрагмента лощеной керамики, аналогичные сосуды встречаются на позднедьядковских городищах. Как отмечает А. Е. Леонтьев, данные типы посуды вместе и порознь бытовали у финских народов Повожья, на селищах и могильниках Волго-Клязьминского междуречья, Ярославского и Костромского Поволжья, в бассейнах Шексны вплоть до Белоозера (Леонтьев, 1996. С. 55).



Рис. 3. Лепная керамика. 1 – донце; 2 – стенка; 3–7 – венчики лепной керамики (3, 4, 7 – тип 1; 5 – тип 2; 6 – тип 4)

Гончарная керамика

При обработке коллекции гончарной керамики основой для классификации послужила керамическая шкала, предложенная В. А. Лапшиным для древностей Суздаля (Лапшин, 1992), доработанная А. Н. Федориной (Федорина, 2007). Было выделено 11 типов оформления края венчика.

Основной рецепт формовочной массы керамики – красножгущиеся глины с примесью дресвы средних и мелких фракций, песка. Обжиг окислительный неполный, поверхность сосудов хорошо обработана, единственный способ дополни-

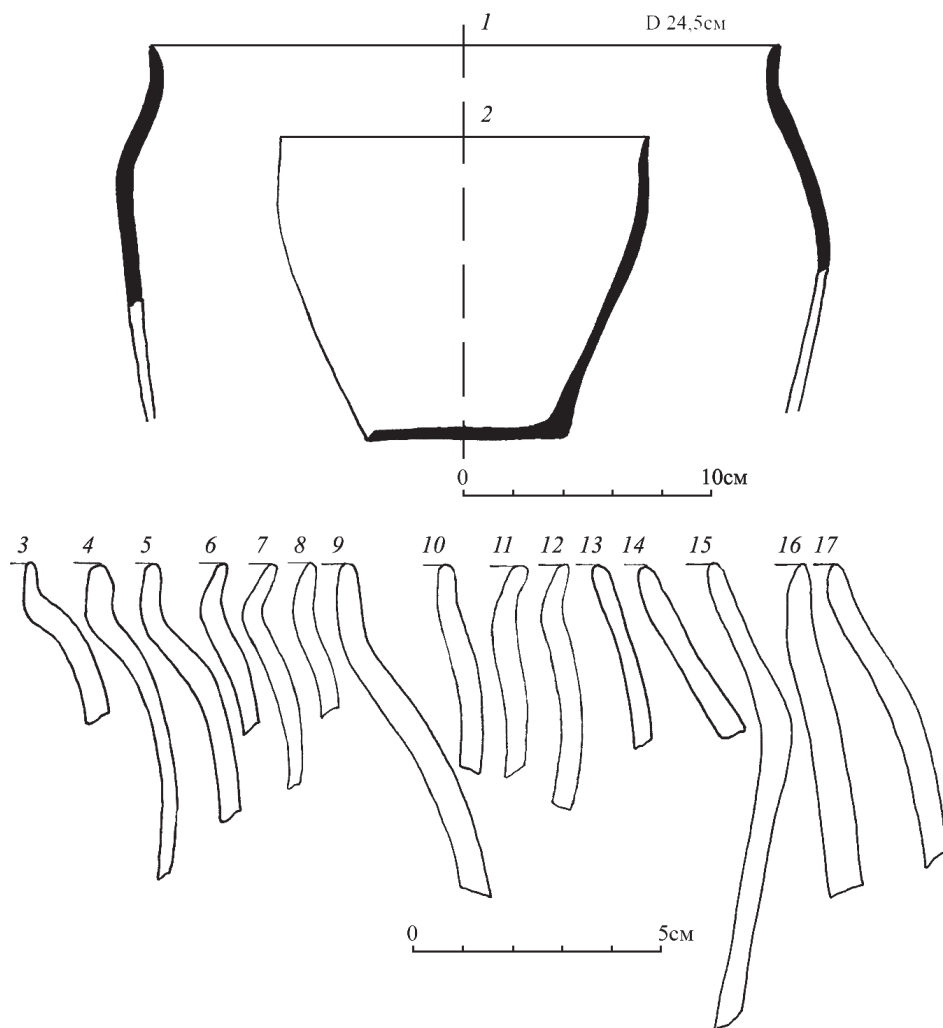


Рис. 4. Лепная керамика. 1, 2 – полные формы; 3–6 – тип 1; 7, 8, 10–12 – тип 2; 9, 17 – тип 4; 13 – тип 5; 14, 16 – тип 3; 15 – керамика «ладожского типа»

Таблица 1. Соотношение типов лепных сосудов Клочковского селища

	X–XI	XI–XII
Тип 1	40,5 %	46,5 %
Тип 2	20,7 %	16,6 %
Тип 3	18,8 %	16,6 %
Тип 4	8 %	11 %
Тип 5	11 %	8,3 %
Всего	212	144

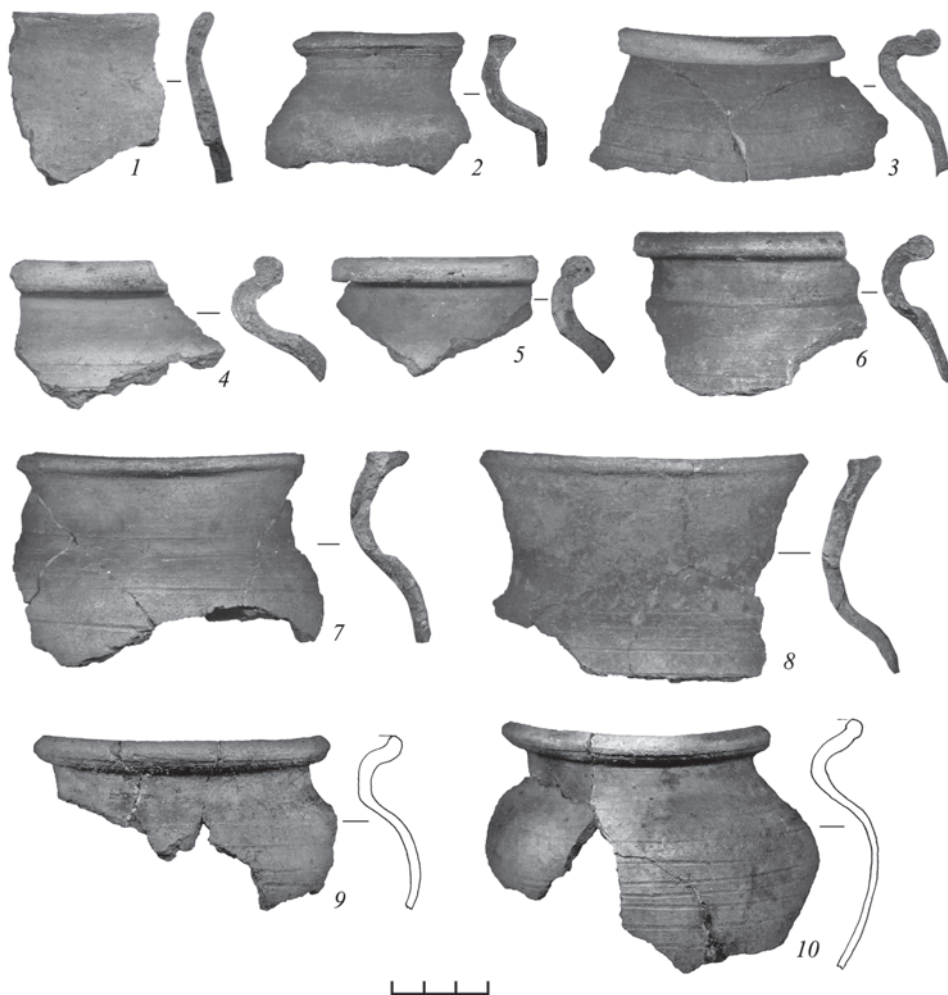


Рис. 5. Основные типы гончарной керамики. 1 – тип X; 2 – тип VI; 3–6, 9, 10 – тип VIII; 7, 8 – тип V

Таблица 2. Соотношение типов гончарных сосудов Клочковского селища

Ямы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Всего
X–XI	19 %	10 %	4,1 %	0,8 %	10 %	13 %	0,8 %	29 %	–	12,5 %	–	120
XI–XII	11,3 %	35 %	6 %	3,7 %	13,2 %	1,8 %	13,2 %	15 %	–	5,6 %	3,1 %	53

тельной обработки – орнаментация (51 фрагмент, что составляет 3,7 %). Наиболее распространенным типом орнамента становится линейный многорядный, в меньшем количестве представлен волнистый и штампованный декор.

Большинство сохранившихся днищ имеют следы использования в качестве подсыпки песка и мелкой дресвы, в редких случаях отмечено наличие закраины. В коллекции гончарной посуды донце с клеймом, представляющим собой треугольники, соединенные вершинами. Клейма с таким рисунком выявлены на селище Весь (7 клейм), на Пировом городище (3 клейма), на селище Гнездилово 2 в Суздальском районе Владимирской области (1 клеймо). Также данные клейма встречены во Владимире (4 клейма) в слое начала XIII в., в Суздале (5 клейм) в слоях второй половины XI – начала XIII в. (Кадиева, 2007. С. 179).

В керамическом наборе Клочковского селища только одна категория гончарных сосудов – горшки. Всего было собрано 1048 фрагментов венчиков гончарных сосудов, из комплексов ям происходит 851 фрагмент. Для типологического анализа взяты 173 фрагмента верхних частей сосудов из датированных комплексов ям. В ямах X–XI вв. гончарная посуда составляла от 1,5 до 36 %, в ямах XI–XII вв. – от 15 до 43 %.

Первая хронологическая группа X–XI вв. К ней относится круговая керамика с венчиками типа 1–3, 5–8. Отсутствуют формы типа 9, 11; типы 4, 7 представлены единичными экземплярами (табл. 2).

В комплексах XI–XII вв. значительно сокращается количество сосудов с округлым, мягко изогнутым венчиком (тип 10), появляются сосуды с отогнутым наружу венчиком со скругленным и загнутым внутрь краем, образующим закраину (тип 11), увеличивается количество сосудов с отогнутым наружу венчиком, край которого оттянут вверх или вниз (тип 2), являющихся развитием типа 1 (Лапшин, 1992. С. 96).

Наблюдения над статистическим распределением керамических материалов, выделение отдельных комплексов позволяют высказать следующие общие суждения об основных этапах развития керамического комплекса. На начальной стадии своего существования он был полностью лепным. Появление круговой посуды можно отнести ко времени середины XI – начала XII в. В этот период происходила смена культурных приоритетов селян. В комплексах X–XI вв. суммарная доля круговой керамики не превышает 30 %, в комплексах XI–XII вв. она составляет 45 %. В отличие от Суздальского Ополя, где лепная керамика вышла из употребления в XI в., в Клочкове она существовала до середины XII в.

В целом керамический комплекс отразил особенности материальной культуры Клочковского селища, отобразив значительную роль финно-угорского субстрата в формировании древнерусского населения региона.

Литература

- АКР. Ивановская область / Сост. К. И. Комаров. М.: ИА РАН, 1993. 224 с.
- Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: ИА. 340 с.
- Лапшин В. А., 1989. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздалем // КСИА. Вып. 195. С. 66–70.
- Лапшин В. А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика: сб. ст. М.: ИА. С. 90–101.
- Кадиева Е. К., 2007. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 172–197.
- Федорина А. Н., 2007. Керамические комплексы средневековых селищ Вишенки 3 и Кистыш 3: сравнительная характеристика // АВСЗ. Вып. 1 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 347–349.

О. А. Nesmiyan, V. G. Nesmiyan

CERAMIC COMPLEX OF KLOCHKOVSKY SETTLEMENT II IN THE IVANOVO REGION

Summary. The ceramics from the excavation of the rural settlement of the end of X – the first half of the XIIth century Klochkovo II located in the center of the Volga-Klyazma interfluve is examined in the article. The conclusion about a significant role of a Finno-Ugric substratum in formation of the Old Russian population of the region is drawn as a result of the analysis of structure of a ceramic complex of a site.

Keywords: settlement Klochkovo, modelled ceramics, early circular ceramics, Finno-Ugric, Old Russian population.

Т. П. Тимофеева

ШЛЕМ И СТРЕЛЫ С ГРОБНИЦЫ КНЯЗЯ ИЗЯСЛАВА АНДРЕЕВИЧА ИЗ ВЛАДИМИРСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА XII в.

Резюме. Во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике хранятся три стрелы крепостного самострела и шлем, которые краеведческая литература XIX – начала XX в. связывает с гробницей князя Изяслава Андреевича в Успенском соборе XII в. в г. Владимире. В статье анализируются письменные источники и литература об этих предметах, первоначальное количество и происхождение стрел.

Ключевые слова: шлем, стрелы, гроб Изяслава Андреевича, описи Успенского собора, краеведческая литература, Владимиро-Суздальский музей-заповедник, Артиллерийский музей, Оружейная палата.

Историческая традиция связывает с великокняжеским некрополем белокаменного Успенского собора XII в., а именно с гробницей князя Изяслава Андреевича, сына Андрея Боголюбского (рис. 1), несколько предметов древнего воинского снаряжения: шлем и стрелы крепостного самострела. Именно так называют этот вид холодного оружия специалисты. «Их длина (168 см) и вес (2 кг) дают основание предположить, что существовала в то время (т.е. в XII в.) мощная машина для их бросания... Такие орудия применялись не только для метания стрел, из них бросали и камни, и бревна... “Порок”-“аркбаллиста” – орудие настильного боя. Это орудие представляет собой гигантский самострел». Изображения орудий для метания снарядов, подобных нашим стрелам, встречаются на летописных миниатюрах (*Денисова и др.*, 1953. С. 74).

Во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике хранится три таких стрелы (инв. № В-1016/1, В-1016/2, В-1016/3) разной длины: соответственно 170, 155 и 180 см (рис. 2). Однако в прежние времена их было значительно больше. Письменные источники и краеведы число стрел указывают по-разному. Описание гробниц Успенского собора в сборнике Троице-Сергиевой лавры (XVII в.) не уточняет количества, но сообщает ценные подробности: «В той же велицей церкви



Рис. 1. Гробница князя Изяслава Андреевича в Успенском соборе XII в.

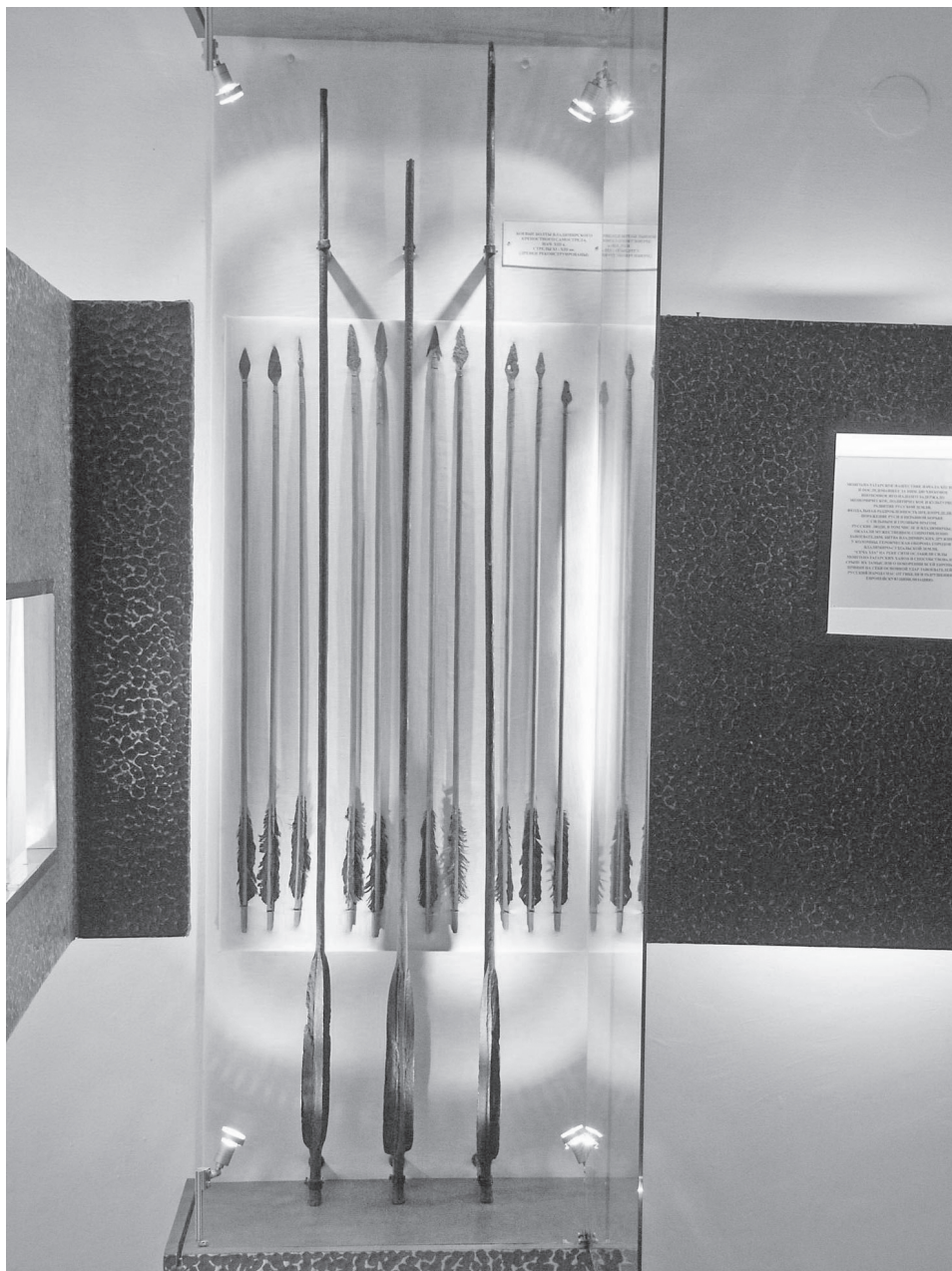


Рис. 2. Стрелы крепостного самострела в Военно-исторической экспозиции Золотых ворот (ГВСМЗ. Инв. № В-1016/1, В-1016/2, В-1016/3)

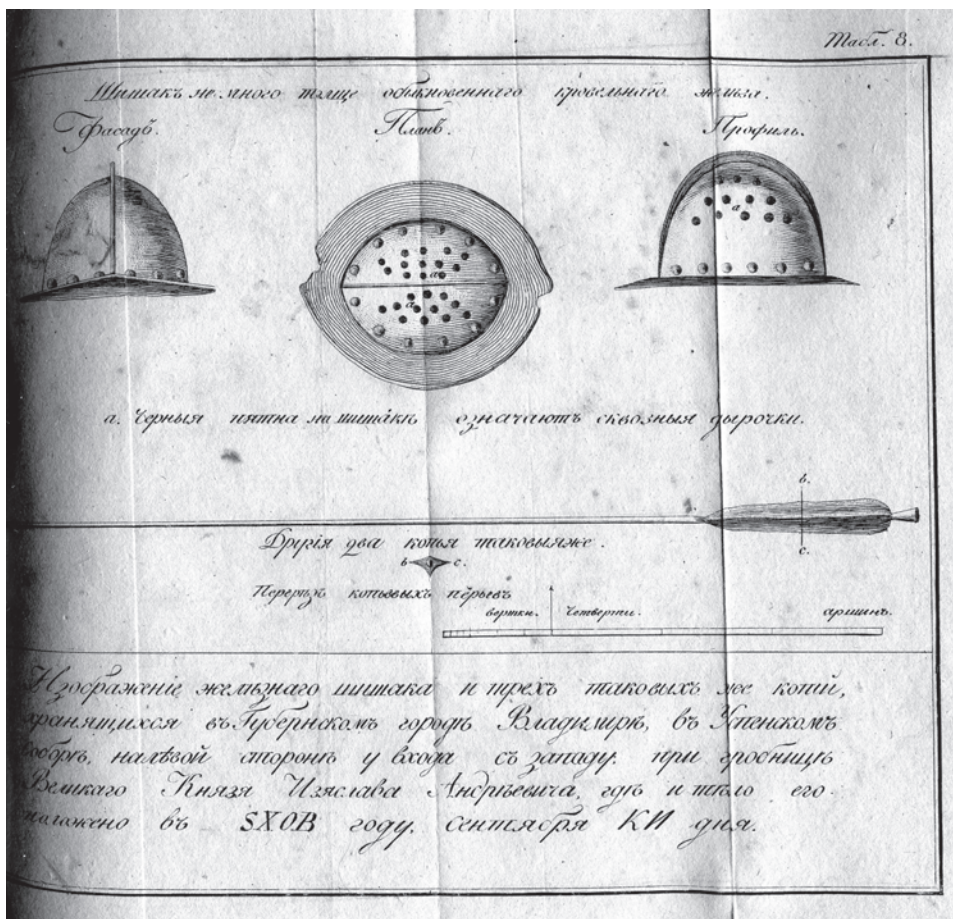


Рис. 3. Рисунок шлема и стрел в статье Ф. Ф. Калайдовича. 1815 г.

стрелы железные с томары и с перьем. С томаром в стреле весу по семи гривенок, с перьем весу по пяти гривенок» (Виноградов, 1905. Приложения. С. 67). Термин «томар», «томарик» обозначал, как принято считать, охотничью стрелу с тупым костяным наконечником или боевой наконечник стрелы; однако точной идентификации не существует (Чубинский, 2016. С. 345). Наши стрелы не имеют наконечников. Вероятно, «томары» были съемными наконечниками и со временем утратились. Из приведенного описания можно понять, что часть стрел имела съемные наконечники («томары»), а часть – несъемные. Стабилизаторами – «перьем» – были снабжены, вероятно, все стрелы, иначе они и назывались бы копьями. «Гривенка» равна 204,75 г, но здесь имеется в виду «большая гривна», равная 409,52 г. Примечательно, что упоминание этих подробностей содержится именно в описи некрополя.

Все три описные книги Успенского собора – 1693, 1695 и 1708 гг. – называют 24 железные стрелы, причем только опись 1708 гг. приписывает их великим князьям (РГАДА. Ф. 235. Оп. 3. Д. 53. Л. 37 об. (1693 г.), 78 (1695 г.); Ф. 237. Оп. 1. Д. 2764. Л. 27 об. (1708 г.)). В 1697 г. архимандрит ярославского Спасского монастыря Иосиф одну из этих стрел получил по «челобитью»: «...октября в 3 день Спасова монастыря архимандрит Иосиф принял против своего челобитья в Володимере Успения Пресвятыя Богородицы у протопопы Григория Гаврилова железную стрелу великого князя Андрея с чады в Спасов монастырь в церковь Божию в Ярославль в похвалу великого князя Феодора с чады, смоленских и ярославских чудотворцев, сродича его Андрея Боголюбского с чады, понеже великий князь Феодор Ростиславич с чады девятой степению от великого князя Владимира Киевского и всея России». Вероятно, эти стрелы воспринимались в то время как священные реликвии, связанные с культом Андрея Боголюбского (*Сиренов*, 2002. С. 32). В 1690–1693 гг. Иосиф был архимандритом владимирского Константино-Еленинского монастыря (*Строев*, 1877. Стб. 670). Возникает вопрос: не мог ли он эту стрелу оставить за собой заранее, до своего перевода в Ярославль и до составления описи 1693 г., которая, кстати, подписана на нижних полях листов тем же протопопом Григорием, который упоминается в челобитье? Тогда стрел до этого года, до передачи одной из них Иосифу, должно быть 25; в противном случае в опись 1708 г. вкралась ошибка, что маловероятно.

В течение XVIII в. количество стрел значительно уменьшилось. На протяжении XIX в. в научной и краеведческой литературе неоднократно упоминались эти стрелы, а вместе с ними и некий шлем. Раньше всех – в 1815 г. – о них сообщил Ф. Ф. Калайдович: «Во владимирском Успенском соборе при гробе одного из князей хранятся три железные вещи, которые, по уверению жителей, суть остатки от времени первого разорения Владимира от татар. Первая из них есть простой шишак, имеющий в окружности без полей 14, а в глубину 6 вершков (очевидно, второй размер имеет в виду длину по гребню, через вершину. – *Т. Т.*). На верхних трех рядах его пробиты дырочки, а нижний означен выпуклостями. Вторая и третья весьма похожи на стрелы или более на метательные копья, бросаемые из рук. Длина их с перьями $2\frac{1}{4}$ аршина, одни перья 7 вершков и разделены на три грани, толщина в окружности $1\frac{1}{2}$ вершков». В описании упомянуты две стрелы, однако в таблице помещены рисунки шлема и стрелы (копья), а в подписях к ним значится три стрелы. Общая подпись: «Изображение железного шишака и трех таковых же копий, хранящихся в губернском городе Владимире в Успенском соборе, на левой стороне у входа к западу при гробнице великого князя Изяслава Андреевича, где и тело его положено в 6672 году сентября 28 дня» (числа обозначены буквами). Подпись под шлемом: «Шишак немного толще обыкновенного кровельного железа. Черные пятна на шишаке означают сквозные дырочки». Подпись под рисунком стрелы: «Другие два копья таковые ж». Подпись под поперечным разрезом стрелы: «Перерез копьевых перьев» (*Калайдович*, 1815. Ч. 1. С. 160, 161) (рис. 3).

Федор Федорович Калайдович был учителем Владимирской губернской гимназии и смотрителем пансиона при ней. Его брат Константин Федорович известен как историк и археограф, собиратель владимирских древностей (*Сиренов*, 2016. С. 43–52).



Рис. 4. Шлем (ГВСМЗ. Инв. № В-913)

Согласно В. И. Доброхотову, при гробе Изяслава Андреевича хранился шлем и три стрелы, причем «два из этих редких орудий взяты в Москву» (*Доброхотов*, 1849. С. 55). В другом месте он пишет о них, не указывая числа и также упоминая шлем: «Свет, падая в темную нишу, освещает гроб великого князя Изяслава Андреевича, старшего сына Боголюбского. Железный шлем, покрытый ржавчиною, лежит на гробе, тяжелые железные орудия в виде стрел приставлены к нему: все показывает воинственный дух князя» (*Доброхотов*, 1849. № 27; *Тимофеева*, 2013. С. 116, 117). Три стрелы называет иеромонах Иоасаф (Гапонов), описывая при этом и шлем: «Древний железный заржавленный шлем и три железные орудия наподобие стрел. Шлем лежит на надгробном камне великого князя Изяслава Андреевича, и орудия приставлены к тому же камню. Вверху шлема небольшие круглые отверстия; в верхних концах орудий находится по три грани, наподобие перьев; длина каждого орудия 2½ аршина, а весу по 8 фунтов в каждом». Иоасаф приводит цитату из рукописи, хранившейся в соборе, где о стрелах говорится в связи с князем Изяславом Андреевичем: «...к совершению такожде своему мужеству, на сопротивных устрой себе самострельные оружия, стрелы железные великие, яко же и ныне в соборной церкви обретаются и до днесь видимы всеми» (*Иоасаф*

(Гапонов), 1857. С. 96, 97). Почти тот же текст содержится в надгробном листе князя Изяслава Андреевича, обнаруженном А. В. Сириновым в РГБ (Сиринов, 2003. С. 76, 77). Пять стрел упоминает Г. Ф. Нарбеков, причем две из них взяты в Москву К. Ф. Калайдовичем в начале XIX в. (Нарбеков, 1865. С. 494). По словам архимандрита Порфирия, стрел было «много», «несколько» (Порфирий (Виноградов), 1903. С. 35, 36).

Но только две стрелы числятся в описи церковного имущества Успенского собора 1894 г.: «Два орудия железные в виде стрел, на верхних концах коих по три грани наподобие перьев. Длина каждой 2S аршина», с припиской: «Один из них взят в музей». Опись называет и шлем: «Древний шлем железный (заржавленный) с небольшими круглыми отверстиями вверху», с припиской: «Взят в музей», и примечанием: «Шлем и стрелы находятся при гробнице великого князя Изяслава Андреевича, поэтому полагают, что они принадлежали этому князю и вынуты при каком-нибудь случае из его могилы» (ГАВО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 41. Л. 106–106 об.).

Этот шлем действительно хранится в фонде оружия Владимиро-Суздальского музея-заповедника (инв. № В-913), однако датирован второй половиной XVII в. и отнесен к «русскому вооружению полков нового строя», а вероятнее всего, это общеевропейский пехотный шлем XVII в. Шлем склепан из двух частей, имеет гребень и чуть приподнятые поля. На продолговатой тулье 14 заклепок; в верхней части пробито 25 неровных отверстий. В 2010 г. шлем был реставрирован (рис. 4).

Стрел же на самом деле должно быть две, а не три, так как в 1876 г. одну из оставшихся к тому времени трех стрел попросил Артиллерийский музей в Санкт-Петербурге «для научного значения по части технического изучения артиллерийского дела». С согласия Синода, разрешения архиепископа Антония и по согласованию с соборным протоиереем Федором Надеждиным соборный ключарь, священник Иоанн Благодрагов, выдал одну из стрел. 15 мая 1876 г. он направил в Духовную консисторию следующий рапорт: «По отношению начальника Санкт-Петербургского Артиллерийского музея генерал-фельдцейхмейстера Баранцева с Высокопреосвященнейшим Антонием, архиепископом Владимирским о том, не найдет ли возможным выдать в музей для хранения одну из стрел, находящихся в соборе, для научных целей. С разрешения Его Высокопреосвященства, по согласию с настоятелями собора, мною, ключарем, и выдана 20 марта т. г. одна из стрел, находящихся в соборе при гробнице кн. Изяслава, Владимирскому Воинскому начальнику, артиллерии генерал-майору Лисовскому для отсылки в Санкт-Петербургский музей для хранения. О чем рапортуя Владимирской Духовной консистории, прошу дозволения одну из стрел, показанных в главной описи церковного имущества под № 312, исключить из оной» (ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 3059. Л. 5). В Санкт-Петербургском военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи действительно находится одна из владимирских стрел. Краткий путеводитель 1955 г. так описывает этот экспонат: «Существовали и стрелометные машины, о чем свидетельствует экспонируемая в витрине стрела XII века длиной в рост человека (169 см), весом более 2 кг. Такую стрелу нельзя было бросать вручную на большое расстояние – это могла сделать только машина. Стрела найдена в гробнице князя Изяслава Андреевича, погребенного в 1165 году в городе Владимире на Клязьме» (Артиллерийский исторический музей..., 1955. С. 12).

Однако А. И. Виноградов в «Описи священным и достопримечательным предметам», переизданной в 1905 г. в составе известного труда «История кафедрального Успенского собора в губ. гор. Владимире», показывает не два, а три «железных дротика»: «Железный шлем и при нем три железные же дротика. Полагают, что шлем и стрелы принадлежали князю Изяславу Андреевичу, сыну великого князя Андрея Боголюбского, потому что они хранились при гробнице этого князя, но вероятнее, что они принадлежали князю Изяславу Глебовичу, гробница которого, давно уже уничтоженная, по описанию, находилась рядом с гробницею Изяслава Андреевича. При гробнице Изяслава Глебовича и уместно было быть этим железным стрелам, в числе которых, может быть, находится и та стрела, которой был убит храбрый Изяслав Глебович в сражении “на острове Исадех”» (*Виноградов*, 1905. Приложения. С. 82). Изяслав Глебович – внук Юрия Долгорукого, племянник Всеволода Большое Гнездо, погибший в 1184 г. «на острове Исадех», в походе на Волжскую Болгарию, от «стрельной раны» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 390; Т. 2. Стб. 429; Т. 15. Стб. 269; *Виноградов*, 1905. С. 17. Примеч. 3).

В 1901 г. интерес к шлему проявило Императорское Московское археологическое общество. 9 января 1901 г. было получено письмо на имя настоятеля Успенского собора (в то время им был протоиерей Матвей Иванович Жудро) за подписью председателя Общества графини П. С. Уваровой: «По встретившейся надобности Императорское Московское археологическое общество имеет честь обратиться к Вашему Высокопреподобию с покорнейшей просьбой о высылке ему хотя бы во временное пользование фотографии с хранящегося в соборе железного шлема XII в., приписываемого Изяславу Андреевичу. Исполнением этой просьбы Вы премного обяжете Общество» (ГАВО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 31. Л. 5).

Последнее упоминание об этих предметах в литературе относится к 1913 г.: «Железный шлем и при нем три железных дротика князя Изяслава Андреевича» (*Ушаков*, 1913. С. 71). Интересно, что во Владимиро-Суздальском музее хранится именно три стрелы; они представлены в Военно-исторической экспозиции, в надвратной церкви Золотых ворот.

Четыре подобных стрелы находятся ныне и в Оружейной палате Московского Кремля и выставлены в экспозиции как стрелы для метательных машин XII–XIII вв. Происхождение их точно не установлено. Однако в Переписной книге Оружейной палаты 1687 г. пять подобных стрел описаны вместе с прапорами: «Четыре прапора... пять стрел железных больших по два аршина по пяти вершков, что ставятца на круглых башнях... бывают под прапоры на хоромех и на круглых башнях». На основании этих данных стрелы датированы XVI–XVII вв. и сделано предположение, что они служили древками под личными «штандартами» московского царя и должны рассматриваться «не в качестве расходного материала крепостной артиллерии, а как предмет церемониального и знакового оружия» (*Чубинский*, 2016. С. 345, 346). Впрочем, это предположение вряд ли может помочь в определении стрел из Успенского собора, так как их первоначальное количество, происхождение и легенда (привязка к княжескому саркофагу) противоречат этой версии.

Таким образом, интрига остается, и вопрос количества и происхождения стрел, а также и происхождения шлема пока открыт и ждет дальнейших исследований.

Литература

- Артиллерийский исторический музей. Краткий путеводитель / Под общ. ред. И. П. Ермошина. Л., 1955. 171 с.
- Виноградов А. И.*, 1905. История кафедрального Успенского собора в губ. гор. Владимире. 3-е изд. Владимир: Типо-литография Губ. правл. 94 с.
- ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 3059.
- ГАВО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 31.
- ГАВО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 41.
- ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Изд-во АН СССР, 1962. VIII, 578 с.
- ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 938 стб., 108 с.
- ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. Петроград, 1922. VIII с., 186 стб.
- РГАДА. Ф. 235. Оп. 3. Д. 53. Л. 37 об. (1693 г.), 78 (1695 г.).
- РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2764. Л. 27 об. (1708 г.).
- Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н.*, 1953. Русское оружие: краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX вв. М.: Госкультпросветиздат. 168 с., 23 л. ил.
- Доброхотов В. И.*, 1849. Памятники древности во Владимире Кляземском. М.: Унив. тип. 200 с.
- Доброхотов В. И.*, 1849. Обзорение гробниц и могил великих мужей во владимирском Успенском соборе // ВГВ. № 27. Часть неофициальная.
- Иоасаф (Гапонов)*, 1857. Церковно-историческое описание владимирских достопамятностей. Владимир: Губ. тип. 153 с.
- Калайдович Ф. Ф.*, 1815. Краткое известие о владимирских древностях // Записки и труды Общества истории и древностей российских при Московском университете. М.: Унив. тип. С. 159–165.
- Нарбеков Г. Ф.*, 1865. Владимирский Успенский кафедральный собор // ВЕВ. № 9. Часть неофициальная.
- Порфирий (Виноградов)*, 1903. Древние гробницы во Владимирском кафедральном Успенском соборе и Успенском Нягининском девичьем монастыре и погребённые в них князья, княгини и святители. 2-е изд. Владимир: Тип. Губ. правл. 132 с.
- Сиренов А. В.*, 2002. О грамоте Ивана Грозного Успенскому собору г. Владимира // Историография и источниковедение отечественной истории. Вып. 2 / Под ред. С. Г. Кашенко. СПб.: СПбГУ. С. 27–34.
- Сиренов А. В.*, 2003. Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. СПб.: Дмитрий Буланин. 230 с.
- Сиренов А. В.*, 2016. История одной перины, или Первые страницы владимирского краеведения // Материалы Девятой и Десятой городских краеведческих конференций. Владимир.
- Строев П. М.*, 1877. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб.: Археографическая комиссия. X с., 1064, 68 стб.
- Тимофеева Т. П.*, 2013. Исследования по истории Владимирского Успенского собора. М.; СПб.: Альянс-Архео. 252 с.
- Ушаков Н. Н.*, 1913. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир: Губ. тип. 497 с.
- Чубинский А. Н.*, 2016. Предметы вооружения, утраченные Оружейной палатой в XVII–XIX веках. Утраты мнимые и действительные // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Седьмой Междунар. науч.-практ. конф. (18–20 мая 2016 г.). Ч. V. М.: ВИМАИВиВС. С. 341–358.

Т. Р. Timofeeva

**HELMET AND ARROWS FROM THE TOMB OF THE PRINCE IZYASLAV
ANDREEVICH FROM THE VLADIMIR ASSUMPTION CATHEDRAL
OF THE XII CENTURY**

Summary. The historical tradition connects with a grand-ducal necropolis of white stone Assumption Cathedral of the 12th century, namely with a tomb of the prince Izyaslav Andreevich, the son of Andrey Bogolyubsky, several items of ancient military equipment: a helmet and arrows of a fortress crossbow. Three arrows and a helmet which are stored in the funds of the Vladimir-Suzdal Museum-reserve are examined; an attempt to attribute objects, and the question of the reliability of the origin of these things from the Prince's tomb is considered in the paper.

Keywords: helmet, arrows, Izyaslav Andreevich's coffin, inventories of the Assumption Cathedral, local history literature, the Vladimir-Suzdal Museum-reserve, the Artillery Museum, the Armoury chamber.

Т. П. Тимофеева

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ ВЛАДИМИРСКОГО ЛАПИДАРИЯ В ДНЕВНИКАХ Н. Н. ВОРОНИНА

Резюме. Дневники Н. Н. Воронина 1937, 1938, 1939 и 1955 гг. об археологических раскопках и разведках во Владимире и Боголюбове содержат богатый материал о белокаменных, в том числе наиболее известных, резных находках, входящих ныне в лапидарий (коллекцию белого камня) Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Дневники содержат описания места и обстоятельств обнаружения предметов, рисунки, обмеры, предоставляя возможность подробной атрибуции музейных экспонатов.

Ключевые слова: Н. Н. Воронин, Боголюбове, Владимир, раскопки, дневник, находки, белый камень

Значительную часть белокаменного лапидария Владимиро-Суздальского музея-заповедника составляют археологические находки Н. Н. Воронина в Боголюбове и Владимире. Некоторые из них опубликованы и хорошо известны. В фонде Н. Н. Воронина в ГАВО хранится несколько дневников этих археологических работ. Более двух десятков экспонатов упоминаются в дневниках непосредственно в момент находки; рисунки некоторых приводятся тут же в тексте или отдельно.

Особенно содержателен «Дневник архитектурных и археологических разведок во Владимире и Боголюбове 1937 г.», в котором упомянуты многие камни, в том числе резные (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 522). В это время в Боголюбове велись реставрационные работы: «5 августа. Приехал с помощником Н. А. Левицким в Боголюбове в 12 часов дня; до трех часов заняты поисками рабочих... После трех часов осматривали реставрационные работы по палатам, собору и Покрову на Нерли. У палат отнята паперть, под кровлей которой сохранилась закладка арки кирпичом XVII–XVIII вв. У Покрова на Нерли подведены мостки – к поясу западного фасада для лепки гипсовых рельефов» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 522. Л. 2). В коллекции белого камня имеется 5 слепков с резных консолей церкви Покрова на Нерли. Не в это ли время они изготовлены? В «Докладной записке о ходе ремонтно-реставрационных работ по памятникам г. Владимира 1937 г.» есть упоминание о снятии гипсовых слепков с масок церкви Покрова на Нерли (НА ГВСМЗ. Б/№).



Рис. 2. Четырехликая капитель, гробница и основание водосвятной чаши боголюбовского кивория (ГВСМЗ. Инв. № В-32285/14, В-32295/11, В-54538). Фрагмент экспозиции в южном раскопе собора Рождества Богородицы

Самая первая из боголюбовских находок – женская маска (В-1054), обнаруженная 6 августа 1937 г. «Собор. Начали раскрытие портала (западного. – Т. Т.). Его верхний (новый) пролет заложен кирпичом при устройстве телятника. Пол паперти выложен метлахской плиткой, в нем проломы в склепах... Сразу же под полом обнажается левый пилястр... В числе обломков белого камня прекрасный фрагмент женской маски, камень с длинным хвостом» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 522. Л. 2–4). Здесь же приводится рисунок камня с нижней частью маски (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 522. Л. 4; *Воронин*, 1961. С. 214, 216, 218. Рис. 97: *в*; *Вагнер*, 1969. С. 79. Рис. 45) (рис. 1).

Раскопки велись в двух направлениях: у западного фасада и у водосвятной чаши-кандеи. «Чаша. Вокруг вымощена плиткой, ножка скрыта в кладке, сама чаша разбита, на дне резной в камне выпуклый крест с углублением на перекрестье. По снятии вымостки обнаруживается переход ножки к квадрату при помощи романских угловых листов (рога). Кладка под чашей радиальная, обнажается круглый белокаменный постамент, вокруг вымостка из кирпича, тождественного кирпичу “святого шатра”... При разборке этой старой вымостки в юго-западном углу шатра неожиданно обнажается прекрасная романская база круглой колонны с рогами. Последующая расчистка обнаруживает по сторонам чаши еще 4 базы, покоящиеся на белокаменной вымостке, последняя тронулась, базы потрескавшиеся, крошатся. Несомненно принадлежность чаши и открытого октогона строительству



Рис. 3. Головка петуха от Дмитриевского собора (ГВСМЗ. Инв. № В-32285/125)

Боголюбского» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 522. Л. 5–6). Этой уникальной находке посвящена специальная публикация (Воронин, 1946. С. 55–66). Чаша в не совсем целостном виде находится в музее и числится в коллекции белого камня (В-32285/4). Основание чаши (В-54538) поступило в музей в 2006 г. (рис. 2).

О второй женской маске (В-1055) идет речь в записи от 8 августа 1937 г.: «Продолжается расчистка западного фасада собора. В перемычке склепа (неверно – лом известкового и кирпичного щебня) запущена часть камня с резной головой, сохранилась верхняя часть. Вынут. ...Закончена расчистка западного фасада собора... Найдено два обломка колонок, один из них недоделан, интересна техника гранной резки камня» (В-3632. – Т. Т.). Камень с верхней частью резной маски первоначально определялся как «голова пророка» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 522. Л. 9; Воронин, 1961. С. 214, 216, 218. Рис. 97: а, б; Вагнер, 1969. С. 79. Рис. 44).

В тот же день, 8 августа 1937 г., вынимали из ограды четырехликую капитель (В-32285/14) (рис. 2): «...она всажена в раму из железной полосы, расшитой сверху и в стороны железными же прутьями. До конца рабочего дня вынут кирпич, и капитель оставлена в железной обвязке» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 522. Л. 11).



Рис. 4. Рисунок из Дневника 1938 г. с мелкими камнями от Дмитриевского собора (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 525. Л. 7)



Рис. 5. Радиальный фрагмент со ступенчатым профилем от Дмитриевского собора (ГВСМЗ. Инв. № В-1059)

На следующий день была «снята железная обрешетка, низ капители освобожден от зажима белых камней. Капитель сдвинута с места» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 522. Л. 12–13; *Воронин*, 1961. С. 221. Рис. 99; *Вагнер*, 1969. С. 89. Рис. 51: а, б, в).

10 августа в квадрате около башни, в обнаруженной кладке северной пристройки, «при ее расчистке найдена круглая резная из белого камня голова собаки – Н. 1.00» (В-59/262) (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 522. Л. 17). Ее рисунок помещен в «Поквадратном дневнике раскопок “дворца” 1938 г.» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 524. Л. 72; *Воронин*, 1961. С. 219. Рис. 98: в; *Вагнер*, 1969. С. 73. Рис. 39).

13 августа 1937 г. при дальнейшей расчистке той же кладки был обнаружен «в темном культурном слое и буге фрагмент резного архивольта (лист аканфа),

представляющий, очевидно, нижнюю дугу арочной перемычки (от двери в средней пилон-часовню?)... Разобран обвал камней в кв. 4. Один из них профилированный камень арки, на нем следы гвоздей со следами медной патины – очевидно, державшей металлическую обивку. Второй камень – желоб без орнамента, лежавший в северо-восточном углу квадрата (в обрезе). Он, возможно, свалился сверху перехода – следовательно, здесь был какой-то слив, возможно, меж двух арок. (Это выдернутый желоб от водостока в вымостке под северной аркой). На этой же странице помещен рисунок «профилированного камня арки» (В-32285/18) с обмером (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 522. Л. 19; *Воронин*, 1961. С. 239. Рис. 115). Все три камня – «фрагмент резного архивольты (лист аканфа)», «профилированный камень арки» и «желоб без орнамента» – находятся в музее, два последних (В-32285/18, В-32285/8) – в коллекции белого камня.

«Фрагмент резного архивольты (лист аканфа)» (*Воронин*, 1961. С. 239. Рис. 114: а; *Вагнер*, 1969. С. 87. Рис. 53) числится в археологической коллекции г. Владимира под номером В-5710/505. Однако в «Коллекционной описи В-5710 из археологических раскопок ИИМК во Владимирском областном краеведческом музее в г. Владимире и Боголюбове в 1955 г. Боголюбово. Церковь Покрова на Нерли» под № 505 значится совершенно другой камень: «обломок резной белокаменной капители, восточный шурф, 1.80» (НА ИА РАН, 1955. Л. 57). Следует признать, что фрагменту архивольты из раскопа дворца 1937 г. когда-то был присвоен ошибочный номер находки 1955 г. у церкви Покрова. В коллекции белого камня есть еще один подобный камень резной тяги архивольты портала (В-44596) (*Воронин*, 1961. С. 247. Рис. 120; *Вагнер*, 1969. С. 87. Рис. 53, левый камень из двух). Этот камень упоминается в Дневнике археологических работ в Боголюбове 1939 г. Он был обнаружен 31 июля в раскопе у южной стены собора – «обломок резного белокаменного архивольты или колонки портала (медальон с пальметтой)». Там же приводится его рисунок (НА ИИМК РАН, 1939. Л. 31).

15 августа 1938 г. в Дневнике был сделан рисунок двух камней, один из них – резной фрагмент (В-32285/78) – обломок крыла (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 524. Л. 24 об.; *Воронин*, 1961. С. 239. Рис. 114: в; *Вагнер*, 1969. С. 73. Рис. 38).

17 августа 1937 г. у северо-западного угла лестничной башни была обнаружена белокаменная гробница. Весь ход этого события описан в дневнике: «При расчистке северной части кв. 17 обнаруживается плита длинная, очевидно, надгробная, без надписи, лопнувшая издавна в несколько трещин и провисшая внутрь; сквозь шов видны стенки белокаменного гроба, заполненного землей, его северная стенка имеет вертикальную, сужающуюся книзу трещину. При зачистке гробницы выясняется ее замечательная форма: составлена из 2 плит... При расчистке изголовья крышка оказывается совершенно истрескавшейся по верхнему концу. При выемке земли из-под снятых плит обнаруживается, что плиты здесь лежат на известковом мелком щебне, вокруг гробницы – тонкий пласт рыжеватой материковой перекопанной глины, следовательно, гробница запущена уже после того, как вымостка была сделана, но до разрушения перехода, так как прикрывающий гробницу слой бутовой россыпи совершенно не тронут, а прикрывающий его слой перегона содержал черепки XII–XIII вв. Все данные указывают на принадлежность гробницы XII–XIII векам, разрушение перехода, вероятно, падает на XIII век (может быть,



Рис. 6. Три женские маски из Боголюбова (ГВСМЗ. Инв. № В-1054, В-1055, В-5621/45)

монголы или походы Глеба Рязанского в конце XII в.)... Южная стенка гроба посередине имеет трещину вертикальную в 2 шва, сходящуюся клином к низу. В присутствии зам. директора музея Полякова, архитектора П. С. Касаткина, рабочих П. С. Мамаевой, Н. А. Шиловой, моего помощника Н. А. Левитского снимается отдельными кусками крышка, в гробнице – совершенно целый и непо потревоженный костяк. Голова на правом виске, левая рука на лобковой части, правая на животе. Вещей никаких нет, под костяком тонкий слой черного тлена. Костяк замерен

и вынут, глен тщательно разобран, в нем также вещей нет». На следующих страницах помещены рисунки крышки и гробницы. «Гробница вынута кусками по ее старым отколам, ее северная стенка крайне тонкая, до 1,2 см – очевидно, изнутри выбрано больше, чем следует. Куски перенумерованы» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 524. Л. 29–33). 19 августа «гробница перенесена в “палаты” рабочими по ремонту и собрана целиком Левицким» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 522. Л. 38). Этому уникальному памятнику (гробница – В-32285/11, части крышки – В-32285/12, В-32295/13) также посвящена специальная работа (Воронин, 1947. С. 78–83).

17 августа 1937 г. в квадратах, прирезанных к чаше с северо-востока, «в юго-восточном секторе найдены 3 обломка ствола колонны, 2 из них складываются, в середине четырехгранный канал для штыря, аналогичный каналу базы северо-западной; второй обломок шире двух первых, колонны, следовательно, сужались кверху. Здесь же найден обломок базы с рогом и плитом» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 522. Л. 33). Здесь идет речь о двух камнях с каналом для штыря (В-32285/2 и В-32285/3) и фрагменте базы колонны (В-32285/52).

26 августа 1937 г. работы велись уже не в Боголюбове, а во Владимире: «С утра работал на Дмитриевском соборе. Под южным фасадом разобрана кладка кирпичного калорифера, прошедшего через огромную брешь фундамента. Обнажен разрез фундамента. Техника заложения проста и аналогична детинцу: неглубокий ров засыпан булыгой и туфовым ломом, раствор с углем и органическими примесями, по сторонам запущены грубо оболваненные блоки белого камня; ров входит в материк примерно на 1 м, прорезая прикрывающий темный гумусный слой 0,20 см; боковые плиты площадки фундамента выпущены на ширину раскреповок пилястр (также аналогично воротам детинца). Сделано 4 снимка фундамента трех фасадов, 1 – фрагмента рельефа, найденного у юго-западного угла при рытье ям для лесов – голова петуха» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 522. Л. 47). Таким образом, Дмитриевскому собору принадлежит замечательный, единственный в своем роде, резной рельеф – головка петуха (В-32285/125) (рис. 3). Из Дневника следует, что находка сделана не Н. Н. Ворониным, а несколько ранее, в процессе ремонта – при рытье ям для постановки лесов. Ни в каких других документах, кроме этого Дневника, головка петуха не упоминается. Сведения о ремонте собора в июле – октябре 1937 г. содержатся в «Докладной записке о ходе ремонтно-реставрационных работ по памятникам г. Владимира 1937 г.» (НА ГВСМЗ. Б/№). Близкий аналог этой находки – два петуха – обнаружен нами в резьбе собора в Модене, в архитраве северного портала.

На ближайших страницах приводится рисунок двух боголюбовских капителей – В-32285/5 и В-32285/10 (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 522. Л. 50 в). Одна из них – с каналом для штыря (В-32285/10) опубликована (Воронин, 1961. С. 219. Рис. 98: а, б; Вагнер, 1969. С. 87. Рис. 50).

В «Дневнике археологических работ во Владимире, Боголюбове, Суздале 1938 г.» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 523) также есть упоминание о находках. 17 июля сделана такая запись: «Днем выехал с Левицким в Боголюбове. Поиски рабсилы и жилья. Изучил и обмерил на Боголюбовском кладбище крест с надписью “похвала кресту”» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 523. Л. 2). Этому уникальному экспонату белокаменной коллекции (В-32285/15) также посвящено специальное исследование

(Воронин, 1940. С. 309–315). 4 августа 1938 г. «вечером на берегу старой Клязьмы под городком найден фрагмент лиственной капители и цокольного камня; капитель, вероятно, от портала» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 523. Л. 22). Тут же приводится рисунок капители и цоколя (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 523. Л. 21 об.). Однако в музее этих камней нет.

13 августа 1938 г. Воронин и Левицкий выезжали в Суздаль на раскопки Рождественского собора, проводимые А. Ф. Дубыниным и А. Д. Варгановым. «Раскоп внутри собора (в западной части южного притвора) выявил два пола: один верхний из поливных плиток, аналогичных боголюбовским, нижний – простая затертая известковая подмазка; здесь же найдено погребение в каменном саркофаге, также аналогичное найденному в Боголюбове; производители раскопок считают его погребением князя Святослава Юрьевича (1174 г.), положение костяка курганное: одна рука на груди, другая – вдоль туловища. На ногах остатки кожаной обуви» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 523. Л. 38; Дубынин, 1945. С. 97–98.) После раскопа Воронин осмотрел экспозицию дофеодального и феодального периодов и нашел, что она «сделана очень хорошо и оформлена культурно, сохранена данная мною экспозиционная схема материалов из раскопок 1936 г.» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 523. Л. 39). Затем была «обмерена, зарисована и сфотографирована плита с кресто-похвальной надписью на юго-восточной пилястре собора... Плита вставлена в восточную поверхность юго-восточной пилястры правым концом вниз, размер 99 × 32 × 9 см, плита повернута правым концом вниз, верхняя (четвертая) строка уходит в кладку стены, буквы разномерны 4,5–5,5 см вышиной, графика хуже боголюбовского креста, элементы вязи. Сфотографирована икона Боголюбивой с предстоящим князем Андреем (вторая половина XVIII в.) с изображением Боголюбова монастыря, передан верно переход и лестничная башня с надстроенным верхом, собор – видимо, до разорения с закомарами и луковичной главой; интересна деревянная ограда с башнями в тарасы и стоящей слева высокой, возможно, проездной башней» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 523. Л. 39, 40. О надписи на пилястре см.: Воронин, 1940. С. 312, 313).

В тот же день, 13 августа 1938 г., Воронин и Левицкий побывали в Кидекше: «Работу значительно задержала служба в церкви, длившаяся до 12 часов дня... Внутри детально просмотрена и зондирована кладка сводов, из них лишь правая арка над хорами может быть заподозрена в первоначальной кладке, в остальном кирпич с белым камнем. Кладка крайне грубая с огромными швами при отсутствии закономерности и рядов. Пролом свода на хоры облицован кирпичом и белым камнем. Отставшая побелка на правом пилястре северного фасада обнаружила ряд новых меток мастеров, имеющих стрелообразную форму, они же найдены в северном подхорном окне. Под восточной стенкой северного кирпичного притвора обнаружены новые граффити – кресты на Голгофе. Выехал во Владимир. Вечером Левицкий проявлял фото» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 523. Л. 41. Рисунок граффити см.: Воронин, 1961. С. 75; Письмо Н. П. Сычева к Н. Н. Воронину от 19.08.1950 – ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 569. Л. 52).

По возвращении были начаты работы во Владимире, у Дмитриевского собора. 20 августа 1938 г. в раскопе у южного фасада были обнаружены фрагменты резных камней (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 523. Л. 49). В другом дневнике 1938 г. помещены

рисунки мелких камней (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 525. Л. 7) (рис. 4). На этих рисунках узнается один из фрагментов из коллекции археологии (В-58/517). В коллекции белого камня также имеется один из этих фрагментов (В-1059) (рис. 5). После Дмитриевского собора работы велись в Княгинином монастыре. 4 сентября в углу между южной и средней апсидами Успенского собора «...в квадрате 2 (расположенном несколько южнее. – Т. Т.) найден в слое засыпи щебня белокаменный водомет без орнамента» (В-32285/33). Тут же в тексте помещен его рисунок (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 523. Л. 73).

В Поквадратном дневнике раскопок «дворца» в Боголюбове 1938 г. приводится рисунок мелкого фрагмента круглой скульптуры (В-58/692), находящегося в археологической коллекции (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 524. Л. 72).

Тогда же Н. Н. Воронин занимался изучением Золотых ворот и Успенского собора. Так, 15 сентября 1938 г., перед отъездом в Москву, сделана следующая запись: «Фотографированы и изучены кресты Успенского собора. Один из них обмерен. На большем – знаки, тождественные изданным Лихачевым, следовательно, последние принадлежат концу XII века, а не XIV» (ГАВО. Ф. Р-422. Д. 523. Л. 83). В другом дневнике того же года помещен эскизный набросок креста (ГАВО. Ф. Р-422. Д. 525. Л. 48). Древние кресты были сняты с Успенского собора и заменены новоделами в XIX в.: большой – в 1882 г., малые – в 1890 г. Большой и один малый кресты отосланы в Москву, 3 малых оставались в музее, причем 2 концевых медальона – «части надглавного креста XII в.» – записаны как отдельные предметы в одном из актов 1936 г. Предположительно, кресты без этих деталей могли быть сданы в металлолом (*Тимофеева*, 2016 г. С. 304–320). Однако, как следует из этих дневников, кресты без двух концевых медальонов еще существовали и находились в то время в соборе, принадлежавшем музею. Надпись, которую Н. Н. Воронин заметил на одном из крестов, это, очевидно, та, которую обнаружил на юго-западном кресте, на рамке средокрестия, И. О. Карабутов: «Ника црьслвы» (*Карабутов*. Чертежи...). «Знаки, изданные Лихачевым» – это пометка о громе и потрясении земли в 1340 г. Медный лист с этой надписью был вместе с прочими снят с центральной главы в 1890 г., во время реставрации собора. Первоначальное назначение этих листов – обивка простенков барабана (*Виноградов*, 1891. С. 70, примеч. 2; *Лихачёв*, 1901. С. 290–296. Табл. III; *Рыбаков*, 1964. С. 43. Табл. XXV. Рис. 5.). Медная пластина с надписью и фрагменты кровли с номерами хранятся, по сообщению А. В. Сиринова, в библиотеке Российской академии наук (Санкт-Петербург): БАН. Собр. Г. Д. Филимонова 66 (30.3.59), (34.1.13). Впоследствии Н. Н. Воронин, видимо, отказался от высказанной в дневнике датировки надписи о землетрясении XII в. (*Воронин*, 1961. С. 356).

В «Дневнике раскопок в Боголюбове 1939 г.» упоминается «совершенно обколотый обломок фуста или капители колонки или полуколонки с гранным отверстием для штыря» (В-32285/1), найденный в раскопе у южной стены собора (НА ИИМК РАН, 1939 г. Л. 29).

В 1954 г. в разведочных шурфах на территории Боголюбовского монастыря сделано еще несколько находок, которые фиксирует «Дневник шурфов» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 529). 19 июня 1954 г. вблизи ограды, в шурфе № 4 около мельницы и склада строительных материалов, на глубине 60 см, в юго-восточном

углу шурфа найден «тесанный белый камень с полувалом» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 529. Л. 13). Это небольшой фрагмент круглой базы в археологической коллекции (В-5621/43).

22 июня 1954 г. в шурфе № 9, против южных ворот ограды в 15 м к северо-западу от них и в 7 м от входа в подвал здания келий, на глубине 1,2 м в гумусе у восточной стенки раскопа была обнаружена третья женская маска с плоским вертикальным хвостом с тыльной стороны (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 529. Л. 18). Рельеф числится в археологической коллекции (В-5621/45); в числе других резных камней опубликован (Воронин, 1961. С. 214, 216, 218. Рис. 97: г; Вагнер, 1969. Л. 79. Рис. 43) (рис. 6).

Таким образом, дневники точно локализуют более двух десятков находок, по преимуществу – резных камней и фрагментов, многократно опубликованных, прежде всего в трудах Н. Н. Воронина и Г. К. Вагнера. Дневники вводят эти камни в контекст археологического исследования памятников. Дневники Н. Н. Воронина, при всей их фактической точности и лаконизме, представляют собой захватывающее, увлекательное чтение. За нитью повествования следишь, как за сюжетом романа. Это удивительный феномен. Значение этих документов трудно переоценить.

Литература

- ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 523. Дневник археологических работ во Владимире, Боголюбове, Суздале. 1938 г.
- ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 522. Дневники архитектурных и археологических разведок во Владимире и Боголюбове. 1937 г.
- ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 529. ВЭ-54. Дневники разведок: Курмыш, Боголюбове, церковь Покрова.
- ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 524. Поквадратный дневник раскопок «дворца» в Боголюбове. 1938 г.
- ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 525. Поквадратный дневник раскопок. 1938 г.
- ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 569. Поквадратный дневник раскопок. 1938 г.
- Вагнер Г. К., 1969. Скульптура Древней Руси. XII в. Владимир. Боголюбове. М.: Искусство. 480 с.
- Виноградов А. И., 1891. История кафедрального Успенского собора в губ. гор. Владимире. Владимир: Типо-литография В. Паркова. 147 с., 14 л. ил.
- Воронин Н. Н., 1940. Новые памятники русской эпитафии // СА. № 6. С. 309–315.
- Воронин Н. Н., 1946. Боголюбровский киворий // КСИИМК. Вып. 13. С. 55–66.
- Воронин Н. Н., 1947. Боголюбровский саркофаг // КСИИМК. Вып. 14. С. 78–83.
- Воронин Н. Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1: XII столетие. М.: Изд-во АН СССР. 583 с.
- Дубынин А. Ф., 1945. Археологические исследования г. Суздаля (1936–1940 гг.) // КСИИМК. Вып. 11. С. 91–99.
- Карабутов И. О., [Б. г.] Чертежи по реставрации Успенского собора в губ. гор. Владимире в 1888–1891 годах: альбом. [Б. м.].
- Лихачёв Н. П., 1901. Владимирская эпитафическая запись XIV века // ИОРЯС. Т. 6. Кн. 3. СПб. С. 290–296, табл. III.
- НА ГВСМЗ. Докладная записка о ходе ремонтно-реставрационных работ по памятникам г. Владимира. 1937 г. Отдел фондов. Б/н.

ИА ИА РАН. Отчет о раскопках во Владимире и Боголюбове. Церковь Покрова на Нерли. 1955 г. Ф. 1. Д. 1104.

ИА ИИМК РАН. Дневник археологических работ в Боголюбове. 1939 г. Ф. 35. Оп. 1. Д. 55.

Рыбаков Б. А., 1964. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М.: Наука. 48 с., 46 отд. ил. (САИ; вып. Е1-44.)

Тимофеева Т. П., 2016. Надглавные кресты владимирских соборов XII в. // ABC3. Вып. 6 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 304–320.

T. P. Timofeeva

WHITE STONE VLADIMIR LAPIDARY IN N. N. VORONIN'S DIARIES

Summary. The archaeological finds of N. N. Voronin in Bogolyubov and Vladimir make a significant part of the white stone lapidary of the Vladimir-Suzdal Museum-reserve. The paper deals with the materials of N. N. Voronin's diary entries, which contains descriptions of various white stone details. Diaries accurately localize more than two dozen finds – carved stones and fragments, which were repeatedly published in the works of N. N. Voronin and G. K. Wagner. Diaries introduce these stones in the context of the archaeological research of monuments.

Keywords: N. N. Voronin, Bogolyubovo, Vladimir, excavations, diary, finds, white stone.

О. В. Данилов, Д. В. Абрамов

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК НА ПАМЯТНИКЕ «ПОСЕЛЕНИЕ БАБАЕВО I»

Резюме. Рекогносцировочные раскопки археологического памятника Бабаево I не только подтвердили сохранение на его территории средневекового культурного слоя, не уничтоженного современной хозяйственной деятельностью, но и выявили свидетельства ее освоения в эпоху бронзы.

Верхняя часть культурного слоя памятника сформирована отложениями XV–XVII вв. Она также содержит переотложенный археологический материал более ранних исторических периодов. Непотревоженные напластования домонгольского времени сохранились в понижениях исходного рельефа и материковых ямах. Среди находок этого периода выделяется пластина из слоновой кости с резным рельефным изображением льва. Такие находки неординарны не только для средневековых сельских поселений, но и для культурного слоя Древней Руси в целом.

Археологический материал эпохи бронзы представлен кремневым концевым скребком, фрагментом венчика лепного сосуда (предположительно, абашевской культуры) и кремневыми отщепами.

Ключевые слова: археологический памятник «Поселение Бабаево I», средневековая Русь, эпоха бронзы, Собинский район Владимирской области, река Колокша.

Памятник «Поселение Бабаево I» был выявлен в 2015 г. О. В. Даниловым (главным научным сотрудником археологической группы Государственного центра по сохранению, использованию и реставрации объектов культуры и культурного наследия (Госцентр) Владимирской области) в ходе научно-исследовательской археологической разведки. Памятник расположен на небольшом мысу надпойменной террасы на излучине правого коренного берега р. Колокша (левый приток р. Клязьма) в 500 м к юго-востоку от села Бабаево Собинского района Владимирской области. Общая площадь поселения около 17 000 м². Находки 2015 г. представлены в основном фрагментами гончарной керамики. Все они относятся к домонгольскому времени. Однако из писцовых книг известно, что в районе памятника до XVII в. существовала деревня (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 73. Ед. хр. 12609). Поэтому поселение Бабаево I было отнесено к памятникам археологии XII–XVII вв.

В 2016 г. археологические исследования памятника были продолжены сотрудниками Госцентра под руководством О. В. Данилова в рамках научной программы ООО НИАБ «Артефакт» (г. Муром). В северной части памятника был заложен раскоп площадью 32 м². Собран керамический материал (347 фрагментов сосудов) и коллекция индивидуальных находок (10 предметов) эпохи бронзового века, домонгольского времени и периода XV–XVII вв. Мощность исследованных культурных напластований в пределах раскопа достигала 70 см без учета заглубленных в материк объектов. Следует отметить значительное понижение уровня материка в северном направлении. Перепад составил 44 см. Уровень дневной поверхности, сохраняя общую тенденцию и направление понижения, изменяется на существенно меньшую величину (около 10 см). Очевидно, изначальные природные неровности рельефа постепенно заполнялись вследствие средневековой хозяйственной деятельности, в том числе и за счет смыва рыхлого новообразованного грунта по склоны мыса, а последующее использование территории памятника для выпаса крупного рогатого скота окончательно выровняло его дневную поверхность. В результате мощность культурного слоя у южной границы раскопа не превышает 30 см, тогда как у его северной границы она увеличивается до 70 см.

В основном культурные напластования представлены коричнево-серой гумусированной супесью с включениями древесных угольков, крошки печины, небольших камней, колотых, вероятно, от термического воздействия (слой I). Нижняя часть этой супеси в северо-восточной части раскопа, где мощность культурного слоя значительно увеличивается, имеет более темный цвет и может рассматриваться как отдельная прослойка. Более светлый оттенок верхней части рассматриваемого слоя объясняется его постоянным перемешиванием грунта под действием кротовых нор и копыт крупного рогатого скота. Этот фактор наложил определенный отпечаток и на распределение археологического материала.

В верхней части слоя I встречен археологический материал, относящийся к обоим зафиксированным в раскопе средневековым историческим периодам. Здесь собраны фрагменты глиняных сосудов как XV–XVII вв., так и домонгольского времени, причем последние преобладают. К позднему Средневековью принадлежит фрагмент красноглиняной игрушки-свистульки «птички». Аналогичные игрушки встречены в культурном слое Владимира, Суздаля и других средневековых городов (Нестерова, 2002. С. 24–34). Они датируются XV–XVI вв.

К домонгольскому времени относится пластина квадратной формы, изготовленная из слоновой кости, с рельефным изображением льва, идущего вправо (рис. 1). Голова льва повернута в фас. Размеры пластины в плане 1,5 × 1,5 см, толщина – 5,8 мм. Высота рельефа – 0,7 мм. На правой боковой стороне пластины сохранились следы отверстия диаметром 1,5 мм для штифта, который закреплял ее на каком-то основании.

Характер материала был определен при микроскопическом исследовании структуры пластины. На ее поверхности хорошо видны линии Шрегера, которые являются отличительной особенностью слоновой кости, и полностью отсутствуют поры, характерные для рогов оленя или лося.

Изображение льва выполнено в ярко выраженном «зверином стиле», который нашел широкое распространение в оформлении соборов и церквей Владимиро-

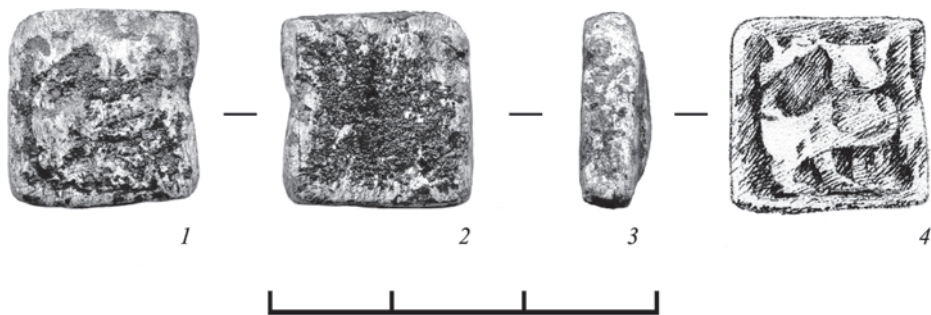


Рис. 1. Пластина из слоновой кости с рельефным зооморфным изображением.
1 – лицевая сторона; 2 – обратная сторона; 3 – боковая сторона; 4 – прорисовка изображения

Суздальской земли в XII–XIII вв. Считается, что определенное влияние на создававших их мастеров оказали сюжеты резных пластинок из слоновой кости, украшавших ларцы и шкатулки, привозимые из Византийской империи (Вагнер, 1964. С. 121). Предположительно, что и пластина, найденная на памятнике «Поселение Бабаево I», является накладкой на ларец.

Известные в настоящее время византийские ларцы и шкатулки из слоновой кости декорированы пластинами с антропоморфными и зооморфными изображениями с размерами не менее 3 см. Однако нельзя исключить существование ларцов или коробочек-реликвариев меньших размеров. Малые размеры найденной пластины позволяют допустить, что она может быть вставкой, которые часто встречаются среди украшений икон и обложек книг. Здесь лев нередко присутствует в качестве символа евангелиста. Причем среди известных вставок из слоновой кости с символами и изображениями евангелистов встречаются и примеры с размерами около 2 см (Goldschmidt, 1914. P. 59. T. LI; 1918. P. 38. T. XXX).

Полных аналогий найденной пластине не найдено, но по сюжету и стилю исполнения она похожа на изображение на двенадцатом медальоне тулова византийской чаши, найденной в Чернигове (Даркевич, 1975. С. 59). Чаша датируется XII в. Сильное сходство изображений на найденной пластине и чаше позволяет предполагать, что оба изделия были одновременно изготовлены в одной ювелирной мастерской или в компактно расположенных мастерских, где ремесленники тиражировали устоявшиеся изображения на различных предметах. В качестве такого места В. П. Даркевич предлагает императорские мастерские в Константинополе (Даркевич, 1975. С. 232), обращая внимание именно на одинаковые сюжеты в торвтике и резьбе по слоновой кости.

Возможен вариант изготовления реплики со столичного сюжета в северной провинции Византийской империи – Херсонесе, имеющей долгие и устойчивые торговые связи со славянскими землями. Высокий уровень косторезного ремесла в этом городе подтверждается многочисленными археологическими находками. На основании их анализа В. П. Даркевич предложил пять признаков, позволяющих

отличить предметы местного производства от столичных изделий (Даркевич, 1975. С. 280). В нашем случае присутствуют два из них. Во-первых, на пластине изображено одиночное животное. Во-вторых, ее размеры существенно отличаются от традиционных для декоративных элементов Византийских ларцов. Однако отсутствует основное отличие, а именно замена слоновой кости местным материалом – костью домашних животных или рогом.

Возможность изготовления пластины древнерусским ремесленником также не исключается. Слоновая кость, как исходный материал, не характерна для мастеров Древней Руси. Например, изделия из слоновой кости в культурном слое Новгорода представлены единичными находками (Смирнова, 1998. С. 7), а среди отходов косторезного ремесла она совсем не упоминается. Не отмечается присутствие этого материала и среди отходов косторезных мастерских в Киеве и Чернигове (Каргер, 1958. С. 470–471; Сергеева, 2015. С. 244–256), Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 198–201), Суздале (Седова, 1997. С. 178; Нестерова, 2007. С. 116–121). Однако при исследовании косторезного производства в средневековом Владимире хотя и не выявлено технологических остатков бивней слона, но встречен фрагмент бивня мамонта (Жарнов, 2003. С. 41–42). Следует отметить, что этот фрагмент представляет собой технологический брак и имеет в толстой части квадратное сечение со стороной 7 мм. Ю. Э. Жарнов относит его отложение к концу XII – 1238 г., а в качестве источника мамонтовой кости предлагает местные плейстоценовые отложения. Присутствие мамонтов на берегах Клязьмы в тот период подтверждается археологическими находками (Бадер, 1998. С. 43–82).

Термин «слоновая кость» в общем случае объединяет бивни слона и мамонта. Различить их можно по ориентации ромбических структур, формируемых линиями Шрегера. В мамонтовом бивне большая диагональ этих структур совпадает с радиальным направлением, а в слоновом она повернута на 90° (Rijkelijkhuizen, 2008. P. 59). Этот признак удобно использовать при идентификации целых бивней или их фрагментов, когда известна их изначальная ориентация в исходном массиве материала. Однако эта информация часто недоступна при изучении готовых изделий (особенно малого размера). К сожалению, пластина с поселения Бабаево I относится именно к таким предметам.

Очевидно, что найденная пластина является фрагментом достаточно дорогого в условиях средневековья изделия и дает возможность говорить о неоднозначном статусе памятника. Маловероятно, что на исследуемой территории в XII–XIII вв. находился населенный пункт более значимый, чем среднее сельское поселение. Однако рассматриваемая находка дает надежду, что культурный слой памятника содержит объекты материальной культуры, которые могут способствовать уточнению сведений о летописном сражении между владимирскими и рязанскими войсками в 1177 г. Рассмотрим состав участников и развитие сражения, а также события, непосредственно предшествующие ему (ПСРЛ, 1926–1928. Т. 1. С. 384), в привязке к возможным вариантам места изготовления пластины из слоновой кости. На стороне князя Всеволода Юрьевича в этой битве, кроме владимирской дружины, ростовцев и суздальцев, участвовали черниговские отряды под началом княжичей Олега и Владимира Святославовичей и переяславльцы во главе с князем Владимиром Глебовичем. Владимирские или суздальские дружинники могли

иметь с собой вещь, украшенную накладкой из мамонтовой кости, изготовленной в открытой Ю. Э. Жарновым мастерской. С другой стороны, черниговские дружинники также могли привезти изделие из слоновой кости (например, коробочка-реликварий), инкрустированное репликой изображения на серебряной чаше. В условиях боевых действий эта вещь была утеряна или разрушена. Всеволоду III противостоял князь Глеб Ростиславович с рязанскими войсками и половецкими союзниками. Он был перехвачен при попытке вернуться в Рязань после похода на Владимир. Сам город не захватывался, но были опустошены его окрестности, включая храмово-дворцовый комплекс в Боголюбове. При разграблении последнего могла быть захвачена какая-то вещь, украшенная слоновой костью, которая в виде трофея и попала на берег Колокши. В любом случае находка накладки указывает на возможность развития на территории памятника одного из эпизодов битвы 1177 г.

В расположенной в нижней части слоя I прослойке насыщенного темно-коричнево-серого цвета встречен керамический материал только домонгольского периода.

В северо-западной части раскопа слой I отделен от материка светлой коричнево-серой супесью древней погребенной почвы мощностью до 26 см, в которой найден только фрагмент венчика лепного сосуда, относящийся к эпохе бронзы (рис. 2: 2). Сосуд был изготовлен из красножгущейся глины с отошителем в тесте в виде шамота и органики. Венчик прямой, высотой 3 см и резко отогнутый наружу под углом 30°. Толщина черепка 0,7 см. Орнаментация отсутствует. Поверхность венчика гладкая, но изобилует углублениями от выгоревших органических добавок. Данный фрагмент принадлежал сосуду предположительно колоколовидной формы, характерной для абашевской культуры (*Пряхин, Халиков, 1987. С. 124–131. Рис. 60: а; Ефименко, 1961. С. 70–73*).

На определенном этапе изучения абашевской культуры были выделены три основных ареала расселения ее представителей: доно-волжский, средневожский и уральский (*Пряхин, Халиков, 1987. С. 126, 127*). При этом были открыты и абашевские памятники, значительно удаленные от этих территорий. Одним из таких памятников является Кухмарский могильник на Плещеевом озере (*Крайнов, 1962. С. 51–63*). Он может рассматриваться как самый крайний известный в настоящее время северо-западный пункт, достигнутый абашевскими племенами при их распространении с территории Среднего Поволжья на позднем этапе развития. Для описания процесса этого движения предлагаются два основных маршрута (*Ахмедов и др., 2013. С. 175*). Первый связан с бассейном Клязьмы, а второй – с бассейном Оки. Продвижение абашевских племен на запад вдоль Клязьмы зафиксировано до ближнего Подмосковья, где был выявлен могильник Орлово I (*Розенфельд, 1986. С. 69; Луньков, Энгватова, 2003. С. 193–197*).

Клязьменский маршрут на Плещеево озеро маркируется двумя памятниками. Во-первых, курганный могильник Сенинские Дворики (*Мошенина, 1983. С. 73, 74; Михайлова, 1986. С. 63*). Именно здесь найден сосуд с профилировкой венчика, аналогичной фрагменту с поселения Бабаево I. В настоящий момент указанный сосуд выставлен в экспозиции Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Во-вторых, курганный могильник

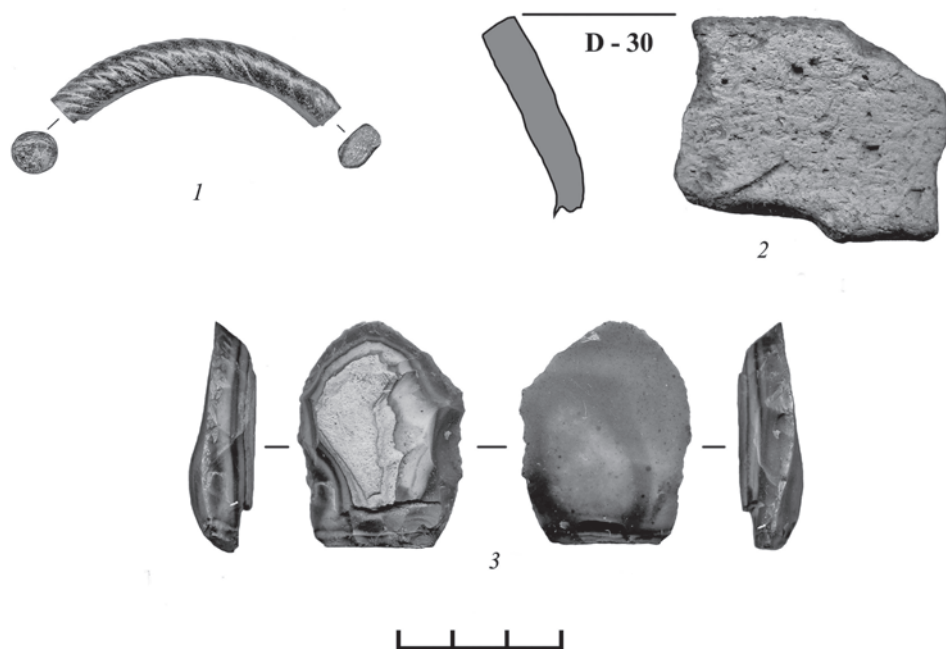


Рис. 2. Индивидуальные находки с памятника «Поселение Бабаево I». 1 – фрагмент стеклянного браслета; 2 – фрагмент венчика от лепного сосуда эпохи бронзы; 3 – скребок концевой на кремневом отщепе

Петряиха на Нерли, левом притоке Клязьмы. Интересен тот факт, что верховья Нерли и Колокши сближаются на водоразделе в непосредственной близости от Кухмарского могильника, а истоки их притоков, Каменки и Колочки, расположены на расстоянии всего 3 км.

К эпохе бронзы относятся и находки из нижней части слоя I на стыке с предматериком. Это три кремневых отщепе и скребок концевой на кремневом отщепе (рис. 2: 3). Размеры скребка (3 × 1,2 × 4 см). Кремль хорошего качества с известковой желвачной коркой, серого цвета, оттенки которого формируют слоистую структуру (от серого до светло-серого), непрозрачный. Отщеп снят с подготовленной площадки, о чем свидетельствуют негативы от мелких сколов, идущие сплошным рядом вдоль проксимального края с дорсальной стороны. С вентральной стороны прослеживаются ударный бугорок и ударные волны, а также негатив на месте приложения силы при снятии отщепе. В плане форма орудия близка к широкоовальной с усеченным основанием. В продольном сечении форма скребка близка к трапецевидной. Рабочий край скребка закругленно-выпуклый, оформлен на дистальном краю отщепе крутой (больше 45°) среднего размера ретушью, заходящей на боковые грани орудия.

В северо-восточном углу раскопа расположена часть котлована хозяйственной постройки, заглубленного в материк на 59 см. Размеры вошедшей в раскоп части

постройки 264 × 188 см. Следов в виде столбовых ям в котловане не обнаружено. Вероятно, использовалась срубная конструкция. Объем котлована заполнен серовато-коричневой супесью с примесью желто-белесой материковой супеси с вкраплениями древесного угля и пачины. В заполнении обнаружены фрагменты древнерусской керамики из красножгущейся глины. Единственная индивидуальная находка в постройке представляет собой фрагмент стеклянного крученого браслета оливкового цвета (рис. 2: 1). На основании собранного археологического материала рассматриваемую постройку можно датировать в пределах середины XII – начала XIII в.

Химический состав стекла браслета был проанализирован при помощи системы рентгеновского энергодисперсионного анализа EDAX и портативного рентгенофлуоресцентного анализатора химического состава X-Met 3000TX+. Среди металлических примесей присутствует калий и абсолютно не регистрируются натрий и кальций. Таким образом, стекло найденного браслета можно отнести к классу K-Pb-Si, который с XI в. осваивается ремесленниками Древней Руси (*Безбородов*, 1956. С. 212), когда они начинают добавлять в шихту золу местных пород деревьев и поташ на ее основе. Такие стеклянные браслеты были широко распространены на территории Древней Руси в XII–XIII вв. Из металлических примесей, которые могут повлиять на окраску стекла, в его составе присутствуют железо и серебро. Считается, что стекла желтого, оливкового и коричневого цветов делались древнерусскими стеклоделами без использования специальных красителей (*Щанова*, 1978. С. 79). Наиболее вероятно, что Fe и Ag в нашем случае попали в исходную шихту как примеси в составе песка и/или свинцового сурика. Однако именно эти металлы даже в очень малых концентрациях приводят к окрашиванию стекла в зеленый (железо) и желто-коричневый (серебро) цвет, что при смешении приводит к оливковому цвету изделия. В составе материала браслета выявлен алюминий в концентрации, сравнимой с содержанием железа. Оксид алюминия (глинозем) является естественным загрязнителем кремнезема (SiO₂). В химически чистом виде он бесцветный.

Таким образом, результаты рекогносцировочных раскопок 2016 г. на территории памятника «Поселение Бабаево I» не только показывают его перспективность для изучения средневекового периода освоения Владимиро-Суздальской земли, но и дают основание рассматривать его как многослойный археологический объект эпохи бронзы и XII–XVII вв.

Литература

- Ахмедов И. Р., Луньков В. Ю., Лунькова Ю. В.*, 2013. Абашевские комплексы Старшего Никитинского могильника (по материалам исследований 2002–2004 гг.) // КСИА. Вып. 230. С. 162–181.
- Бадер О. Н.*, 1998. Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М.: Научный мир. 270 с.
- Безбородов М. А.*, 1956. Стеклоделие в Древней Руси. Минск: Изд-во АН БССР. 306 с.
- Вагнер Г. К.*, 1964. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Г. Юрьев-Польской. М.: Наука. 188 с.

- Даркевич В. П.*, 1975. Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII в. М.: Искусство. 350 с.
- Даркевич В. П., Борисевич Г. В.*, 1995. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М.: Кругъ. 445 с.
- Ефименко П. П., Третьяков П. Н.*, 1961. Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. М.: Изд-во АН СССР. С. 43–110. (МИА; № 97.)
- Жарнов Ю. Э.*, 2003. К вопросу о косторезном производстве в домонгольском Владимире-на-Клязьме // РА. № 2. С. 31–44.
- Каргер М. К.*, 1958. Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 579 с.
- Крайнов Д. А.*, 1962. Кухмарский курганный могильник // КСИА. Вып. 88. С. 51–63.
- Луньков В. Ю., Энговатова А. В.*, 2003. Курганный могильник Орлово 1 (абашевская культура в Волго-Окском междуречье) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие / Ред. В. С. Бочкарев и др. Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук. С. 193–197.
- Михайлова Л. А.*, 1986. Абашевские курганы во Владимирской области // АО 1984 г. / Отв. ред. В. П. Шилов. М.: Наука. С. 63.
- Мошенина Н. Н.*, 1983. Раскопки курганов у д. Сенинские Дворики // АО 1981 г. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука. С. 73.
- Нестерова Н. В.*, 2002. Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. из археологических коллекций ВСМЗ: каталог. Владимир. 42 с.
- Нестерова Н. В.*, 2007. Косторезное ремесло древнего Суздаля по материалам раскопок // АВСЗ. Вып. 1 / Сост. С. В. Шполянский; ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. 3 вып.
- Пряхин А. Д., Халиков А. Х.*, 1987. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О. Н. Бадер и др. М.: Наука. С. 124–130. (Археология СССР) РГАДА. Фонд № 1209. Опись № 73. Ед. Хр. № 12609 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rgada.info/opisi/1209-opis_73i/0193.jpg. Дата обращения: 01.07.2018.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1986. О работах в Московской области // АО 1984 г. / Отв. ред. В. П. Шилов. М.: Наука. С. 69.
- Седова М. В.*, 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 235 с.
- Сергеева М. С.*, 2015. К вопросу о внешнем факторе развития художественной резьбы по кости в Южной Руси // Древности. Т. 13. Харьков. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков. С. 244–256.
- Смирнова Л. И.*, 1998. Косторезное ремесло средневекового Новгорода: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 19 с.
- Щапова Ю. Л.*, 1978. О химии и технологии стекла // Естественно-научные представления Древней Руси: сб. ст. / Сост. Р. А. Симонов. М.: Наука. С. 74–81.
- Goldschmidt A.*, 1914. Die elfenbeinskulpturen aus der zeit der karolingischen und sachsischen kaiser. VIII–XI Jahrhundert. Bd. 1. Berlin. 106 S., LXXXVII Taf.
- Goldschmidt A.*, 1918. Die elfenbeinskulpturen aus der zeit der karolingischen und sachsischen kaiser. VIII–XI Jahrhundert. Bd. 2. Berlin. 76, LXX S.
- Rijkelijkhuisen M.*, 2008. Handleiding voor de determinatie van harde dierlijke materialen. Amsterdam: Amsterdam University Press. 112 p.

O. V. Danilov, D. V. Abramov

RESULTS OF THE EXCAVATIONS ON THE SITE BABAEVO I

Summary. Reconnaissance excavations of the archeological site Babaevo I not only confirmed the preservation of the medieval cultural layer on its territory but also revealed evidence of its development in the Bronze Age.

The upper part of the cultural layer of this site is formed by deposits of the XV–XVII centuries. It also contains a redeposited archaeological material from earlier historical periods. Virgin strata of pre-Mongol time were preserved in depressions of the initial relief and pits in natural ground. The ivory plate with a carved relief image of a lion stands out among the finds of this period. Such finds are unusual not only for medieval rural settlements, but also for the cultural layer of all Ancient Russia.

Archaeological material of the Bronze Age is presented by a flint end-scraper, a fragment of a rim of a hand-made vessel (presumably Abashevo culture) and flint flakes.

Keywords: archaeological site “settlement Babaevo I”, medieval Russia, Bronze Age, Sobinsky district of Vladimir region, Koloksha river.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли
- АКР – Археологическая карта России
- АССЕМ – Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря
- АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей
- ГАВО – Государственный архив Владимирской области
- ГАИО – Государственный архив Ивановской области
- ГАКО – Государственный архив Костромской области
- ГВСМЗ – Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
- НА – Научный архив
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов
- РГИА – Российский государственный исторический архив

Научное издание

Археология Владимиро-Суздальской земли
Материалы научного семинара
Выпуск 8

Редактор: *Н. В. Бельченко*
Оформление обложки: *В. А. Кулишов*
Верстка: *С. В. Кожушков*

Подписано к печати 25.12.2018. Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 19,35. Уч.-изд. л. 18,75. Тираж 200 экз.

Институт археологии Российской академии наук
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-265-0



9 785943 752650